

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

1

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

- Бакиров В. С.** Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З. Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер Иэн Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П. Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р. Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тоценко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л. Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Цулелер П. Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief** **ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary** **SHCHYOLKOVA T. V.**, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: tanar2002@tut.by

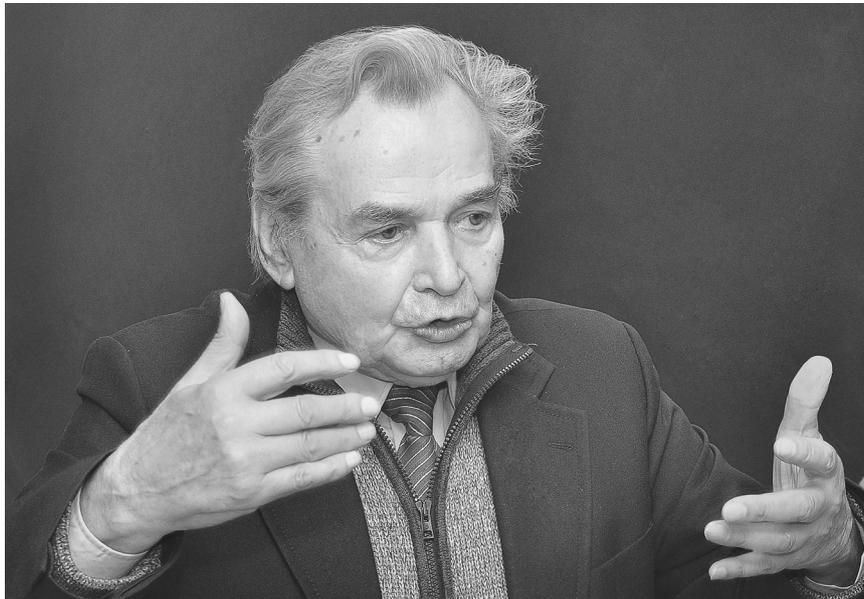
- Bakirov V. S.** Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Doktorov B. Z. Independent analyst and consultant, USA.
Karol A. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Korosteleva E. A. University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Makallister Ien Australian National University, Canberra, Australia.
Mamedov A. K. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Narbut N. P. RUDN University, Moscow, Russia.
Semen'ska-Zhokhovska R. Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Halman L. Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
Herpfer K. University of Vienna, Vienna, Austria.
Zulehner P. M. University of Vienna, Vienna, Austria.

ПЕРСОНАЛИИ

PERSONALIA

АКАДЕМИКУ Е. М. БАБОСОВУ – 90 ЛЕТ!

ACADEMICIAN E. M. BABOSOV IS 90 YEARS OLD!

Патриарху белорусской гуманитарной науки, академику НАН Беларуси Евгению Михайловичу Бабосову 23 февраля 2021 г. исполнилось 90 лет. Евгений Михайлович – выдающийся современный философ и социолог. Широкую известность в нашей стране и за ее пределами получили его труды, в которых исследуются философско-методологические проблемы научного познания, гносеологические механизмы научных революций, а также работы, посвященные анализу современных философских, теологических и социально-политических концепций. Благодаря научному авторитету и творческой настойчивости Евгения Михайловича был создан Институт социологии НАН Беларуси, который он долгое время возглавлял и почетным директором которого является сейчас.

Евгений Михайлович окончил среднюю школу № 3 г. Минска (с медалью), затем – философское отделение исторического факультета БГУ имени В. И. Ленина (с красным дипломом). Дальнейшее его восхождение по жизни тесно связано с наукой и образованием. И даже когда приходилось отступать в сторону (работа в комсомоле и ЦК КПБ), это было напрямую связано с той же сферой, здесь его деятельность также была наполнена машеровским энтузиазмом и созиданием нового.

Заслуженное признание пришло к Евгению Михайловичу рано. Трудолюбие Е. М. Бабосова кажется беспредельным, чувство нового – фантастическим, глубина таланта – неисчерпаемой. Любознательность и увлеченность научным трудом у Евгения Михайловича с годами только усиливаются, а книга

по-прежнему занимает самое почетное место в его жизни. Оптимист и жизнелюб, он не дает себе ни минуты покоя, каждый его день заполнен заботами и любимой работой. Масштаб и обаяние личности ученого столь велики, что он до сих пор завораживает аудиторию новизной и нетривиальностью суждений, широтой познания, виртуозным владением словом и уникальностью лекторского мастерства, оригинальными, часто непредсказуемыми выводами.

Новые труды Евгения Михайловича фонтанируют свежестью и новизной, погруженностью в современность, устремленностью в будущее. Его творческое вдохновение восхищает, а количественные показатели работы изумляют: суммарно число публикаций ученого уже давно превысило тысячу!

Красной нитью через творчество академика Е. М. Бабосова проходят актуальнейшая во все времена проблема человека, его познавательная преобразующая деятельность. Конечно, в концептуальном плане в осмысление и интерпретацию избранной проблематики вносились изменения, уточнения, иногда очень существенные, но в центре внимания и исследовательского интереса Е. М. Бабосова всегда остается человек.

Евгений Михайлович живет в состоянии цейтнота. Это приучило его ценить время, жестко планировать и контролировать его. Может, поэтому ученый так много успевает... На актуальные вызовы, в частности на проблемы последствий аварии на Чернобыльской АЭС, перехода общества к рыночным отношениям, кризиса духовной сферы, человекомерности, Евгений Михайлович откликнулся фундаментальными исследованиями, монографиями, научными статьями. Уже в последние годы из-под пера Е. М. Бабосова вышли крупные работы, обозначающие его видение проблем развития сетевого общества, последствий цифровизации, выстраивания IT-страны. Евгений Михайлович постоянно обращается к теме безопасности личности, общества и государства, проблемам развития политической системы страны.

Известно, что у каждого ученого есть свое время творчества. Для академика Е. М. Бабосова оно пришлось на сложный период системного кризиса, а затем и демонтажа, коренной ломки советского уклада жизни, распада некогда великой державы,

возведения на ее обломках каркаса нового миропорядка. Мир меняется, и Евгений Михайлович в своих исследованиях ставит вопрос о необходимости разработки новых концепций радикальной трансформации мировой политической и экономической системы. Е. М. Бабосов является автором модели новой архитектуры постсоветской интеграции, активного взаимодействия национальной и глобальной социально-экономических структур. Евгений Михайлович – убежденный сторонник новых путей становления взаимозависимости и взаимодействия стран глобального мира. Он изучает диалектику социально-политического, культурного функционирования молодой суверенной страны, каковой является Беларусь, и ее адаптацию к законам и условиям глобального мира.

За цикл работ по истории социальной и философской мысли Беларуси Е. М. Бабосов был удостоен Государственной премии БССР (1984), за высокие достижения в научной деятельности – премии НАН Беларуси (1996, 2015), за лучший учебник по общественным наукам – премии Министерства образования Республики Беларусь (1996). В *alma mater*, с которой Евгений Михайлович никогда не прерывал связей, ему было присвоено почетное звание заслуженного работника БГУ. Вклад ученого в развитие науки отмечен нагрудным знаком «Золотая медаль Национальной академии наук Беларуси».

Академик Е. М. Бабосов постоянно трудится над новыми проблемами, которые возникают в изменяющемся мире. Ответы на вызовы времени мы находим в его фундаментальных монографиях, научных статьях, докладах и выступлениях. В них идея человекомерности социальных систем рассматривается как основа устойчивого развития современного общества, где главным субъектом и движущей силой социально-экономического развития выступает человек, обладающий необходимым потенциалом для достижения высоких стратегических целей.

Мы, социологи Беларуси, коллеги и ученики Е. М. Бабосова, искренне благодарны ему за помощь, поддержку и понимание. Здоровья Вам и долгих лет жизни, дорогой Евгений Михайлович!

Поздравляем!

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

«Я ВВЕЛ ДЛЯ СЕБЯ ПРАВИЛО – СТАВИТЬ ПЕРЕД СОБОЙ СВЕРХЗАДАЧУ...»

(четыре беседы члена-корреспондента НАН Беларуси А. Н. Данилова
с академиком НАН Беларуси Е. М. Бабосовым)

«I HAVE INTRODUCED A RULE – TO SET MYSELF A SUPER TASK...»

(four conversations between corresponding member
of the National Academy of Sciences of Belarus A. N. Danilov
and academician of the National Academy of Sciences of Belarus E. M. Babosov)

Евгений Михайлович Бабосов – признанный лидер белорусских гуманитариев, своими трудами внесший большой личный вклад в развитие философии, социологии и гуманитарных наук в целом. Его работы в области теории познания, социальной философии, теории, методологии и истории социологии, социологии религии, науки, образования стали классическими и широко используются в учебном процессе.

Евгений Михайлович не просто символ, образец ученого – он активно работающий исследователь, автор большого числа первоклассных научных трудов и учебников, создатель и почетный директор Института социологии НАН Беларуси, подготовивший не одно поколение высокопрофессиональных специалистов, которые трудятся в научных и образовательных учреждениях как Беларуси, так и других стран. Ученый создал целое научное философско-социополитическое направление в науке, которое назвал научной школой человекомерности социального, научного и технологического развития социального бытия. Достижения современных белорусских гуманитариев в значительной степени определены и его деятельностью.

В беседах с главным редактором журнала Евгений Михайлович поделился своими успехами и неудачами, переживаниями, впечатлениями о прожитом, достижениями учеников, рассказал об исследуемых проблемах.

Беседа первая. Выбор

– Евгений Михайлович, в Вашей жизни бывало многое, и хорошее, и плохое, случались взлеты и падения, обретения и потери. Вы, видимо, не раз стояли перед выбором. Вы выбирали свой жизненный путь или Вас вела судьба?

– Действительно, человек всегда, почти каждый день стоит перед выбором, решая, что делать, куда пойти, с кем общаться, поэтому каждому приходится многократно на протяжении жизни делать выбор дальнейшего пути. И если взрослеющий юноша, выпускник средней школы, серьезно и осмысленно относится к своей начинающейся взрослой, самостоятельной жизни, то, как правило, он не надеется на то, что судьба подскажет ему дальнейший путь, а сам определяет его, сам выковывает свою судьбу. Конечно, многие молодые люди при выборе жизненной траектории проходят через сомнения, колебания, ждут подсказки родителей, друзей. Когда я размышлял, чем заняться после окончания школы, каким путем шагать во взрослой жизни, я тоже с этим столкнулся. С одной стороны, меня увлекала физика, ее удивительные успехи, с другой – влекли к себе гуманитарные знания: классическая художественная литература, политика, философия... Я тогда, конечно же, еще не был знаком с произведениями знаменитого французского писателя и философа Ж.-П. Сартра, который высказал замечательную мысль: «Человек сам несет в себе свой

жизненный проект. Но интуитивно предугадывает такой вариант выбора своей судьбы». В конце концов я сделал свой выбор – поступил в БГУ, а в нем в качестве будущей профессии определил философию. И теперь, спустя много лет, я ни разу не разочаровался в этом решении и ощущаю себя в родном доме в трех навсегда близких моему сердцу местах – в семье, в которой меня вырастили и воспитали отец и мать, в средней школе № 3 г. Минска, где я до сих пор бываю почти ежегодно, и на философском факультете БГУ.

– Обладая мощной харизмой, лидерским характером, безусловно талантом, Вы в любой сфере достигли бы многого. Почему все же наука, почему философия, почему социология?

– Что касается таланта, то общепринято считать, что 90 % его составляет упорный, кропотливый, систематический труд, а все остальное – развитие способностей, происходящее, естественно, в процессе труда. Я с трех лет пристрастился к чтению, читал с удовольствием разную литературу – сначала сказки и рассказы для детей, затем приключенческие романы, исторические книги, прежде всего про полководцев – Македонского, Цезаря, Ганнибала, Наполеона, Суворова, Кутузова, маршалов Советского Союза Жукова, Рокоссовского и др. Постепенно выбирал серии книг по тематике,

жанрам: скажем, читал все, что можно было найти про полководцев, ученых – Ньютона, Эйнштейна, Менделеева, Павлова; все, что захватывает в чтении фантастики, – Жюль Верна, Ивана Ефремова, Рэя Бредбери, Айзека Азимова и др. Переход к чтению книг определенными сериями – это уже зарождение систематизации, составляющей один из первоочередных этапов складывающегося научного мышления. Одновременно с этим увлечение и занятия спортом (в старших классах школы и студенческие годы), особенно теми видами, в которых решающую роль играет скорость (бег, стрельба, футбол и др.), приучили меня высоко ценить время и максимально эффективно его использовать, без чего науки не бывает. А вот здесь передо мной возникла проблема: что мне ближе, интереснее – физика или философия? В итоге умственные колебания разрешились в пользу философии, а затем, в соответствии с методом восхождения от абстрактного к конкретному, вполне естественным и логичным представляется переход к социологии.

– Судьба родителей, их мнение для Вас было важным или жизнь несла сама и чужие ошибки никак не тормозили?

– На формирование личности, особенно в раннем детстве, мощное влияние оказывает судьба родителей. Первые три с половиной года своей жизни я рос и развивался в Москве при неусыпном внимании родителей. Отец мой, Михаил Михайлович Бабосов, в то время был студентом-старшекурсником Тимирязевской сельскохозяйственной академии и, как секретарь факультетской комсомольской организации (я потомственный комсорг), получил в студенческом общежитии на Лиственничной аллее небольшую комнатку, в которой помещались только стол, кровать и два стула. Один из этих стульев и был оборудован в качестве моей первой в жизни кровати. Мама, Анастасия Никифоровна, работала инструктором женсовета Московского городского совета, которым в те годы руководил Н. А. Булганин, в последующем предсовмин СССР. Одним словом, мне посчастливилось воспитываться в интеллигентной семье, где читали много книг, бывали в замечательных театрах и пели прекрасные советские песни. Все это, разумеется, впитывалось мной с младенчества и оставило в моем мировосприятии неизгладимый след. А в конце 1934 г. отца распределили на работу в Борисовский район Минской области, где его, 29-летнего молодого человека, назначили директором зооветеринарного техникума в Старо-Борисове. Мама стала работать заведующим библиотекой этого учебного заведения. Детского сада там не было. В три с половиной года я научился читать и с тех пор ни на один день

не расстаюсь с книгой. Так что могу без колебаний сказать, что интеллигентная семья моих родителей (хотя отец был родом из крестьянской, а мама – из рабочей семьи) предопределила основную траекторию моей судьбы.

– Времена не бывают легкими. Вам выпало жить в оккупированном Минске, захватили еще сталинские порядки, хрущевскую оттепель, брежневский период, эпоху перестройки. Что это за времена для жизни, работы, самоутверждения?

– Мое беззаботное детство внезапно прервалось с началом Великой Отечественной войны. Меня, десятилетнего мальчишку, до глубины души потрясло то, каким образом и в какое время начиналась эта война. Я тогда занимался в хоровом кружке Дворца пионеров и школьников, хотя еще и не входил в эту детскую организацию. И вот ярким, солнечным июньским днем моя мама собирается отправить меня на занятия кружка, и вдруг за 2 мин до 12 ч дня раздается тревожный бархатно-железный голос знаменитого диктора Левитана: «Внимание, внимание! Работают все радиостанции Советского Союза. Сейчас с чрезвычайным заявлением выступит председатель Совета Министров СССР Вячеслав Михайлович Молотов». И раздается чуть глуховатый, как бы надтреснутый голос: «Товарищи, сегодня, 22 июня 1941 г., в 4 ч утра на всем протяжении западной границы нашей страны германские войска, вопреки всем договоренностям, атаковали наши вооруженные силы». И дальше Молотов говорит, что война будет жестокой, но завершает свою речь очень твердым заверением: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами!» Такая уверенность жила в советском народе на протяжении всей войны, в том числе и в первые, самые горестные и трудные полгода. Мой отец работал тогда в Минском обкоме партии, находился в командировке, вернулся из нее только на третий день войны, и мы, наскоро собравшись, помчались к одному из последних (может быть, и последнему) эшелону, устремившемуся из Минска на восток. Вагоны были плотно набиты людьми. Но вскоре, где-то в районе ст. Смоленичи, наш эшелон был атакован фашистским фронтовым бомбардировщиком «Фокке-Вульф FW-190», в результате чего паровоз и первые три вагона свалились на бок. Погибли многие, в том числе дети, женщины и старики. Эта жуткая картина потом долго снилась мне в кошмарных снах. Мы выбрались из своего вагона, вышли на старую Смоленскую дорогу, и отец добровольно вступил в состав быстро отступающего взвода красноармейцев, получил от комвзвода пистолет. Эта горстка бойцов устремилась в сторону Борисова, Могилёва. Дополнительного комплекта

обмундирования во взводе не было, поэтому отец как был в темно-синем костюме, так и пошел со взводом красноармейцев в ряду, замыкающем отступавшую небольшую колонну. У меня до сих пор стоит перед глазами эта картина: быстро шагающая группа воинов в выгоревших гимнастерках и отчетливо выделяющийся на их фоне человек в темно-синем костюме – мой отец. Почему я так подробно говорю об этом? Да потому, что эти события круто перевернули мое мировосприятие – сформировали у меня глубокое и непреклонное уважение к нашему воину. И всю войну меня сопровождали два глубочайших чувства – ожидание (вернется или не вернется отец) и неутолимый голод. Поэтому понятно, что для меня самым большим праздником с детства был и остается день всенародного ликования наших людей – 3 июля, день освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков, День независимости Республики Беларусь.

Сталинские порядки давали о себе знать почти в каждой советской семье. У отца с матерью за кроватью стояла небольшая котомочка с нехитрыми съестными припасами, и каждый раз, когда среди ночи за окном тормозил автомобиль, отец спрашивал: «А где наша котомка?» Слава богу, она не понадобилась. Когда Сталин умер, страна пережила очередное потрясение: многим казалось, что мир рухнул.

Наступившая хрущевская оттепель была причудливым сплетением светлых и темных красок. С одной стороны, советским людям приоткрылись ворота для выезда в западные страны, но с другой – непродуманный раскол партийных органов нарушил промышленную и сельскохозяйственную целостность и единство народно-хозяйственного комплекса страны, что резко затормозило социально-экономическое развитие. А чего стоили грубые, некомпетентные окрики руководителя партии и правительства в адрес художников и поэтов на выставке в московском Манеже? Некоторые мои одноклассники, мечтавшие профессионально служить в армии, вследствие скоропалительного сокращения Вооруженных сил СССР на 1 млн 200 тыс. человек, оказались выброшенными на обочину. Их судьба в дальнейшем сложилась непросто. Многие прошли через переучивание, а это совсем не просто. Лишь двое сумели закончить новые вузы, защитить кандидатские диссертации, а для остальных стремления и надежды резко разошлись с действительностью.

Брежневский период для большинства советских людей был относительно спокойным и благополучным. Сменившая его горбачевская перестройка своих целей не достигла, народ назвал ее «горбостройка». Она изуродовала страну, обернулась для людей пустыми полками магазинов, талонами на

продукты, стремительным ростом цен, начавшейся коррозией социализма и всего социалистического мирового лагеря. Лидеры ряда европейских социалистических стран – ГДР, Чехословакии, Румынии – откровенно называли М. С. Горбачева предателем, а бывший председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков убедительно утверждал, говоря о перестройке: «Мы выбрали неверный путь».

Все эти перемены и трудности имели важное значение для жизни нашего народа и, естественно, для моей работы и личностного самоутверждения. Я пришел к убеждению в необходимости перехода от абстрактных философских рассуждений, которые превалировали в те годы в вузовском преподавании и публикуемых трудах обществоведов, к более конкретному социологическому пониманию и истолкованию окружающей реальности, разумеется базирующемуся на научной философии.

– Как-то Вы признавались в любви к своей Грушевке (микрорайон Минска), где прошли Ваше детство и юность...

– Конечно же, невозможно не любить того места, где прошли твоё детство и юность, где находятся любимая школа и еще более любимый университет, где живут друзья детства (их было много, но два самых верных даны мне судьбой на всю жизнь, а дружбу я с ними неразлучно с пятого класса, с 1944 г.), где весной нежно торжествуют белые цвета яблонь и возвышающиеся над ними в розовато-белом цветении груши (отсюда и название микрорайона – Грушевка), благоухает вечно светлая жизнь, где возникает первая настоящая любовь (она также оставалась со мной навсегда, хотя увлечения, безусловно, на протяжении жизни бывали, от них никуда не уйдешь).

Отдельно следует сказать о комсомоле. В годы отрочества в школе я был отличником, но не паймальчиком, часто оказывался заводилой не всегда благовидных начинаний. Однако мудрый директор школы Абрам Шаевич Клебанов (широко известный в Грушевке вплоть до нашего времени как легендарный Шайба) усмотрел в моем избыточном активизме черты комсомольского вожака и неожиданно для всех, особенно для меня самого, предложил на школьном комсомольском собрании избрать меня секретарем комсомольской организации, и это секретарство продлилось целых три года. А затем, уже в БГУ, меня последовательно избирали комсоргом курса, факультета, а потом в течение трех с половиной лет я работал секретарем комитета комсомола родного университета. В это время мне приходилось организовывать различные политические, социокультурные, спортивные молодежные мероприятия и активно в них участвовать. Два раза я избирался делегатом съездов ВЛКСМ, которые тогда проходи-

ли в Большом Кремлевском дворце, и нескольких съездов белорусского комсомола. В 1956 г. мне было поручено возглавить первый в Беларуси студенческий отряд, который трудился на уборке первого целинного урожая и строил саманные дома в Кустанайской области Казахстана, став предтечей широко распространенных сейчас трудовых семестров. Навсегда осталось в памяти участие в VI и VII всемирных фестивалях молодежи и студентов в 1957 г. в Москве, в 1959 г. в Вене. Побывать в Вене, столице буржуазной страны, для советского студента в те времена было вообще немыслимо, а БГУ предоставил мне такую возможность. Я тогда возглавлял политическую группу белорусских комсомольцев на фестивале и за активную работу был награжден нагрудным знаком за уборку целинного урожая, двумя почетными грамотами ЦК ВЛКСМ.

– С чего начался Ваш путь в науке? Могли ли Вы выбирать темы, учителей, самостоятельно определять приоритеты? Почему первая статья посвящена философскому осмыслению учения физиолога И. П. Павлова? Затем были работы об осмыслении человеческого бытия на новом витке истории, Вы проводили анализ философско-методологических проблем познания, раскрывали новые аспекты диалога науки и христианства, писали о роли культуры и идеологии в духовной жизни человека и народа...

– Я не уверен в том, что сейчас выскажу правильную мысль, но думаю, что путь в науку начинается у молодого человека еще в школе. Я был хорошим учеником: окончил школу с медалью. Мне нравились многие школьные предметы, в частности физика, история, классическая художественная литература, – все то, что органично связано с *Ното сариенс*, действиями человека разумного. А в связи с этим вполне логичным представляется стремление к философскому осмыслению учения великого русского физиолога И. П. Павлова об условных и безусловных рефлексах, и особенно о двух сигнальных системах, составляющих физиологические основания человеческого сознания. Разумеется, такая направленность первого исследовательского интереса – это полностью мой выбор. Естественным его следствием стал переход к изучению сущности диалектического понимания и истолкования философско-методологических проблем, в частности роли анализа и синтеза в научном познании (данной теме была посвящена моя кандидатская диссертация, которую я защитил в 1961 г., когда мне было 30 лет). Изучение социодинамики научного познания привело меня к выводу, что прогресс науки всегда происходит в острых дискуссиях, когда новые идеи, представления, теории сталкиваются с прежними, ранее господствовавшими картина-

ми мира, которые затем оттесняются, уточняются. Такая смена научных парадигм часто происходит в острых противоборствах, в силу чего конфликт становится социальным механизмом возникновения новых научных теорий. Поэтому все новое в научном познании создается и развивается через конфликты, их разрешение и преодоление. Следовательно, конфликт выступает движущей силой научного познания и других видов активной человеческой деятельности. Так прокладывается любой путь к исследованию теории, методологии и практики конкретных противоборств и способов их преодоления и разрешения. В таком же теоретико-методологическом ракурсе раскрываются и интерпретируются в моих работах новые аспекты диалога науки и христианства, возрастающей в современных условиях роли культуры, идеологии в жизни человека, социальных общностей и народа.

– И все же, что является Вашей ключевой темой, по которой Вас узнают в мире науки, которая красной нитью проходит через все Ваше творчество? Это же тоже Ваш выбор?

– На протяжении почти шести десятилетий научной и педагогической деятельности мне приходилось заниматься разными темами, причем выбор направления исследований и преподавания в вузах тоже изменялся. Тем не менее, если говорить кратко, всегда в центре моего внимания оставалась актуальнейшая во все времена проблема человека и его познавательной миропреобразующей деятельности. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с моими крупными монографиями, такими как «Динамика анализа и синтеза в научном познании» (1963), «Социология личности, стратификации и управления» (2006), «Человек в социальных системах» (2013), «Человекомерность социальных систем» (2015), «Роль креативной личности в развитии сетевого общества» (2019). Конечно, в концептуальном плане в осмысление и интерпретацию данной проблематики вносились изменения, уточнения, иногда очень существенные, но всегда в центре внимания и исследовательского интереса оставался человек как венец и неисчерпаемое, непрестанно обогащающееся все новыми гранями, творчески действующее лицо развития планеты Земля.

– Какие проблемы Вы рассматривали в первых своих исследованиях? Кто был Вашим учителем, кумиром в науке? Кто помогал войти в академическую среду? Все ли Ваши мечты исполнились?

– Моя дипломная работа в БГУ была посвящена основным тенденциям развития научного познания, а кандидатская и докторская диссертации усложняли, глубже концептуализировали данную

проблематику, осовременивали, модернизировали и придавали ей более четкую практико-ориентированную направленность. Моими наставниками, мудрыми учителями и кумирами были в студенческие и аспирантские годы профессор отделения философии БГУ доктор философских наук Василий Иванович Степанов, под руководством которого я в 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию «Диалектика анализа и синтеза в научном познании». Затем моим кумиром стали два выдающихся московских философа – бывший заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), директор Института философии АН СССР академик Георгий Федорович Александров, работавший в последние годы жизни в Минске в АН БССР (именно он подсказал мне идею написать книгу о Пьере Тейяре де Шардене, которую впоследствии высоко оценил известный британский физик и богослов А. Нестерук, а также член-корреспондент АН СССР Михаил Трифонович Иовчук, ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС. Именно в этом очень известном и авторитетном в то время научно-образовательном центре я защитил в 1971 г. докторскую диссертацию, посвященную исследованиям социальных аспектов научно-технической революции. Достаточно сказать, что членами ученого совета по защите докторских диссертаций в нем были все работавшие в те годы советские философы – академики: что ни личность, то крупный философский бриллиант. Ими можно гордиться. Но главное – стремиться хоть в чем-то быть похожим на каждого из них, в своей творческой деятельности оказаться их последователем. Это мое стремление было замечено и оценено, и меня пригласили на должность ученого секретаря Института философии и права АН БССР, где я тесно сотрудничал с Г. Ф. Александровым и В. И. Степановым. Я и сейчас работаю в академии, только в Институте социологии НАН Беларуси. А если говорить о мечтах, то, к сожалению, не все они сбываются. Мне, в частности, не удалось свободно овладеть английским языком, стать мастером спорта в беге на 5 тыс. м, хотя был когда-то чемпионом БГУ в этом виде легкой атлетики; написать книгу о месте предательства в историческом процессе. Не хватило настойчивости и воли к достижению успеха, а без этого желаемого результата получить не удастся.

– Как Вы относитесь к междисциплинарности в науке, развитию научных связей с учеными других стран, иных специальностей?

– Считаю развитие междисциплинарности и даже трансдисциплинарности (перенос методики и методологии из одной науки в другую, например из математики или физики в биологию, социологию и др.) чрезвычайно важной, перспективной программой

успешного развития современного научного познания. Именно междисциплинарные тенденции в развитии научных знаний привели к широкому сотрудничеству ученых различных республик СССР, а затем исследователей и представителей нашей страны с зарубежными коллегами. Социальные механизмы междисциплинарности и интернационализации науки и высшего образования подтолкнули и меня к активному сотрудничеству с зарубежными специалистами. Мне, в частности, довелось участвовать в семи всемирных конгрессах (одном философском, одном политологическом и пяти социологических), выступать с лекциями в вузах Берлина, Дрездена, Лейпцига, Вюрцбурга, Дуйсбурга (Германия), Делавара, Нью-Йорка (США), Варшавы, Гданьска, Познани, Катовице (Польша), Иерусалима (Израиль). Но я резко отрицательно отношусь к любым наукообразным интерпретациям в данных процессах, а тем более к превращению научных связей с учеными других стран в элементарный научный туризм.

– Тип управления научной деятельностью оказывает непосредственное влияние и на ориентиры ученых в своих работах. Здесь важны деликатность, уважение, доверие к ученому и его труду...

– Да, отличительными качествами управления научной деятельностью являются креативность и инновационность, опора на которые в науке немислимы без высокого уважения, деликатности и доверия к ученому, его каждодневному, творческому, новаторскому труду.

– И все же, Евгений Михайлович, что подвигло Вас, подающего большие надежды молодого ученого, пойти во власть?

– Многие люди стремятся войти во властные органы через участие в парламентских или президентских выборах, я к этому не стремился, правда, на один срок избирался депутатом Минского горсовета. Что же касается работы в ЦК КПБ, то меня туда приняли после моей беседы со вторым, а затем первым секретарем, которые настойчиво предлагали перейти туда работать. Когда я вежливо отказывался, ссылаясь на то, что меня приглашают на должность заведующего отделом диалектического и исторического материализма в Институт философии и права АН БССР, а это является моей специальностью, согласно защищенной диссертации, меня попросту «уломали», подчеркнув, что выполнять поручения ЦК – важнейший долг молодого коммуниста, которому создали благоприятные условия для защиты диссертации, а через три года меня вернут обратно в Институт философии и права АН БССР. Но обещанные три года обернулись 15 годами напряженной, но интересной работы.

Беседа вторая. Философ и власть

– На Ваших глазах рухнул Советский Союз, изменилась идеология, власть. Как Вы пережили этот период в жизни страны?

– Когда распался Советский Союз, я уже обладал достаточно большим жизненным опытом и переживал это мало кем предсказуемое, казавшееся невероятным, но все же свершившееся событие как общенародную и свою личную трагедию. Меня потрясло то удивительное обстоятельство, что умирание великого государства происходило тихо, грустно, никто ни в Москве, ни в других городах не встал на его защиту (если не считать печально известного ГКЧП, руководители которого собирались управлять огромной страной трясушимися от неуверенности, а может быть и от страха, руками). В одночасье изменилась идеология, совершенно иной стала власть. На обломках могучей империи образовались независимые, самостоятельные, суверенные государства. Вот эта вторая сторона данного исторического процесса уже радовала, внушала определенный оптимизм, порождала новые надежды. Становилось все более ясным, что предстоит больше работать по коренному преобразованию всех сфер жизни общества, в котором возрастающую значимость должны приобрести общественные науки, в том числе философия, социология, политология, комплекс экономических дисциплин.

– Интересен Ваш круг судьбы: БГУ – Институт философии и права АН БССР – отдел науки и образования ЦК КПБ – Институт философии и права АН БССР, Институт социологии НАН Беларуси. Ученый во власти – это хорошо или?..

– Согласно выдвинутой еще Г. Гегелем теории отрицания отрицания, подкорректированной позднее учением Ф. Ницше о вечном возвращении, ход исторического процесса и жизнь отдельного человека напоминают движение по кругу, сопровождаемое возвращением в исходную точку. Однако это не точное повторение прошлого, а развитие, внешне напоминающее круговое вращение, но на каждом новом этапе спирали приобретающее более сложное содержание. Конечно, я вернулся в Институт философии и права АН БССР, но это было возвращение, обогащенное новым, более глубоким пониманием путей решения возникающих проблем. К тому же я осуществил активные действия по созданию и развитию самостоятельного Института социологии АН БССР. Если ученого приглашают работать во властные структуры – это хорошо, ибо это способствует совершенствованию и эффективности управленческой деятельности.

– Чем отличается власть ЦК и академическая власть?

– Власть ЦК или любого руководящего (президент) или распорядительного (правительство) ор-

гана отличается от академической власти. В обоих случаях для осуществления властных полномочий на основе авторитета компетентности необходим политический, хозяйственный или научный опыт. В академической среде важным критерием успешности власти является инновационность, умноженная на глубокие научные знания и эвристичность, креативность. В политической и государственной власти главное – хорошо рассчитанная распорядительность, умноженная на глубокое знание руководимой системы (страна, предприятие, учреждение), стратегическое управление, опора на поддержку и инициативу масс.

– Евгений Михайлович, кто, на Ваш взгляд, из руководителей Беларуси останется навсегда в памяти народной и почему?

– Я убежден, что, благодаря своему героизму в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков, мудрому, требовательному и заботливому отношению к простому человеку, его лучшему будущему, навсегда в памяти народной останется Петр Миронович Машеров с его теплой, искрометной улыбкой и одновременно со строгим и требовательным взглядом, выдающимися качествами руководителя республики.

– Кто еще из руководителей страны Вам импонировал и почему? Помнят ли их?

– Мне, да и многим другим в Беларуси, импонировали такие замечательные руководители страны, как К. Т. Мазуров, Т. Я. Киселев, Ф. А. Сурганов, А. Н. Аксенов. Но с памятью о них дело обстоит гораздо хуже. Институт социологии НАН Беларуси расположен на ул. Сурганова, но помнят его и знают о том, кем был и как работал Федор Анисимович, не более половины наших сотрудников. Такая же картина и в других институтах, расположенных в нашем 13-этажном здании. Это печально. Надо ценить и помнить людей, внесших большой вклад в развитие республики.

– Вы, Евгений Михайлович, несмотря на постоянную занятость, работая в должности заместителя заведующего отделом науки и образования ЦК КПБ, находили время для активной научной работы, преподавания, выступлений по линии Всесоюзного общества «Знание», постоянно печатались в периодических изданиях. В этот период у Вас выходили фундаментальные монографии по научно-техническому прогрессу, духовной жизни общества. Как Вы все успевали? Особенно отмечалась тогда Ваша монография по научно-техническому прогрессу. В какой-то степени это были оценка состояния и прогноз развития науки в стране?

– Да, в последние 30–40 лет я постоянно загружен творческой работой в сфере науки, живу в со-

стоянии нехватки времени. Это приучило меня ценить время, жестко планировать и контролировать его, отдавая поздние вечерние часы чтению периодической печати и художественной литературы, иногда посещаю театры и кино. А еще я ввел для себя правило ставить перед собой сверхзадачу, которая кажется сначала невыполнимой, но, когда мобилизуешь свою волю, сконцентрируешь усилия на ее выполнении, интенсифицируешь творческий процесс, – глядишь, и задача успешно решается. Для этого необходимо всегда находиться в напряженном состоянии научного поиска, и ожидаемый результат будет достигнут, в том числе и в прогнозном варианте.

– Как Вы считаете, должен ли ученый – философ, социолог, историк – идти во власть?

– Настоящий, творчески работающий философ, социолог, политолог должен заниматься научной аналитикой, готовить для властных структур аналитические записки и доклады о путях и способах практического применения добытых им научных знаний в различных областях практической деятельности, будь это промышленное или сельскохозяйственное производство, торговля, медицина, образование и т. п. Но, если его избрали в парламент или местный совет депутатов, он должен уважать, выполнять волю избирателей и сотрудничать в органах власти.

– Как Вы полагаете, должна ли власть прислушиваться к экспертизе ученых и почему это не всегда происходит?

– Власть, конечно же, должна прислушиваться к выводам ученых и, в соответствии с их обоснованными рекомендациями, вносить коррективы в управленческую деятельность. Органы власти самого различного уровня, начиная от президента страны и вплоть до председателя сельского совета депутатов, безусловно, должны принимать во внимание рекомендации ученых в своей практической

деятельности. Не всегда так происходит, потому что нередко обеими сторонами не учитывается тот непреложный факт, что для успешного взаимодействия необходимо приложить обоюдные усилия. Нередко исследователь, добившийся в работе серьезных успехов, стремится обозначить свой приоритет, как можно скорее опубликовав результат исследования, а представитель власти, имеющий достаточный опыт практической управленческой деятельности, полагает, что такого рода опыта ему вполне хватит, чтобы решать новые управленческие задачи. Подобное разнопонимание отгораживает их друг от друга и мешает налаживанию взаимовыгодного и эффективного сотрудничества.

– Евгений Михайлович, как Вы сами говорите, труд ученого многогранен и зачастую приводит к непредсказуемым результатам. Имеет ли ученый право на ошибку?

– Труд ученого не только многогранен, но и в сущности своей инновационен: научный поиск всегда направлен на понимание нового, ранее неизвестного. Поэтому результат исследования непредсказуем: он может быть и отрицательным. Соответственно, ученый имеет право на ошибку.

– Перед кем ученый в своем научном поиске в ответе? Место власти здесь первостепенно или, как у Платона, «истина дороже»?

– Исследователь в своем научном поиске в ответе прежде всего перед этосом науки, сущность которого состоит в поиске и доказательстве истины. Роль же представителя властных структур в любом случае заключается в том, чтобы идейно, организационно, социально-психологически, финансово поддерживать научную работу, оказывать содействие поиску истины, активно поддерживать таланты, ибо без этого невозможно осуществление научного, социально-экономического, политического и духовного прогресса общества, в том числе и белорусского.

Беседа третья. Социология как судьба...

– В каких условиях и когда Вы столкнулись с наукой социологией и почему считали важным ее восстановить в правах?

– Назвать точную дату, когда мне пришлось вплотную столкнуться с социологией как со специфической общественной наукой, затруднительно. Видимо, это произошло в 1959 г., когда я впервые пришел на работу в Институт философии и права АН БССР, где мне, как ученому секретарю, в сотрудничестве с заведующими отделами пришлось разрабатывать планы исследований на 1960 г. и всю пятилетку вплоть до 1964 г. Тогда я был увлечен идеей уйти в исследовательской работе от прева-

лировавших в то время в этой сфере абстрактно-философских концепций. А через два года меня совершенно неожиданно для всех, в том числе и для меня самого, пригласили на работу в ЦК КПБ. Во время работы в отделе науки и учебных заведений ЦК в качестве заместителя заведующего отделом и заведующего сектором науки и вузов я предложил, разумеется с теоретическим обоснованием, создать в Институте философии и права АН БССР сектор социологии, пригласив туда в качестве заведующего Г. П. Давидюка. Еще более основательно социологической проблематикой мне пришлось заниматься в 1965 г., когда я был одним из авторов готовившегося постановления ЦК КПБ «Об органи-

зации конкретно-социологических исследований в республике». Следующим важным шагом в осознании назревшей необходимости развивать в Беларуси социологию как самостоятельную и важную общественную науку стало мое участие в работе VIII Всемирного социологического конгресса в Торонто (Канада) в 1974 г., посвященного проблемам науки и научно-технической революции в обществе (незадолго до этого я защитил докторскую диссертацию по данной тематике), где я дважды имел продолжительные беседы с самым влиятельным тогда в мире социологом – американским профессором Толкоттом Парсонсом, высказавшим мне несколько важных соображений о том, как лучше организовать и проблематизировать возрождение и развитие социологии в стране в правах самостоятельной науки.

– Как проходил процесс возрождения социологии, кто стал Вашей опорой, что препятствовало, какие были мнения?

– Процесс возрождения социологии не был простым, встречались и некоторые препятствия. Окрыляла в его осуществлении поддержка со стороны ЦК КПБ, Совмина, Президиума АН БССР, а также известных и влиятельных социологов из Москвы, Киева. Серьезной опорой в моих начинаниях были коллеги и друзья И. Н. Лушицкий, Г. П. Давидюк, В. П. Оргиш, С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, А. С. Круковский. Конечно, трудностей и препятствий возникало немало. Прежде всего требовалось буквально «выбивать» помещение для размещения сотрудников создаваемого института и «доставать» необходимое оборудование. Достаточно сложно было разрабатывать исследовательскую тематику и структурную архитектуру научного коллектива, которая учитывала бы как общие тенденции развития социологии, так и особенности социодинамики общественной мысли в Беларуси, перспективы ее развития. Не обходилось без определения источников и размеров финансирования и т. п. Все было непросто, везде возникали непредвиденные затруднения. Но самые серьезные осложнения в решении вопроса о создании Института социологии в структуре АН БССР возникли там, где их меньше всего следовало ожидать, – в Президиуме АН СССР.

Окрыленный поддержкой проекта создания в Минске академического института социологии, полученной в Институте социологии АН СССР, где директором в то время был член-корреспондент В. Н. Иванов, и в отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС, где тогда работали доктора философских наук Р. И. Косолапов, В. Н. Кузьмин и Ю. Н. Красин, я достаточно спокойно прибыл на заседание Президиума АН СССР, где мне предстояло выступить с докладом о проекте создания социологического института в АН БССР. Все началось по установлен-

ному стандарту: 15 мин для доклада о важности и актуальности создания нового академического подразделения, об имеющихся в Минске необходимых научных кадрах, об основных направлениях намечаемых исследований; затем – вопросы к докладчику и ответы на них, а после этого – обсуждение рассматриваемой проблемы.

Вот здесь-то и возникло неожиданное препятствие. Первым в процессе обсуждения выступил известный философ, академик Леонид Федорович Ильичев. Имея огромный опыт работы в газете «Правда», а затем в Идеологической комиссии при ЦК КПСС, которой он руководил, Л. Ф. Ильичев произнес достаточно длинную, витиеватую речь, смысл которой сводился к тому, что имеется печальный опыт внутриусобной межличностной борьбы в Институте социологии АН СССР, где научные интересы порой отодвигаются на второй план в сопоставлении с личными амбициями. Академик высказал сомнения по поводу того, не возникнет ли подобная ситуация в Минске в случае создания там самостоятельного социологического института, и заключил, что лучше не торопиться с этим вопросом. В подобном же ключе высказывался известный советский литературовед, академик Михаил Борисович Храпченко. Во время этих выступлений я чувствовал, что почва уходит из-под моих ног. Но вдруг обсуждение пошло в совсем другом русле. С яркой речью на заседании Президиума АН СССР выступил выдающийся физик, один из основоположников квантовой электроники, лауреат Нобелевской премии, академик Александр Михайлович Прохоров. «Меня, – сказал он, – удивляет странная позиция, даже, точнее говоря, отсутствие позиции у двух моих коллег, академиков-гуманитариев, которые должны были первыми активно поддержать предложение о создании в структуре АН БССР Института социологии. Нам молодой человек из Минска (А. М. Прохоров был старше меня почти на 20 лет) представил очень хорошо обоснованное предложение, согласованное и в Институте социологии нашей академии, и в отделе науки ЦК КПСС, о создании нового института. И никаких сомнений в важности и нужности такого института не должно быть. Мы, физики, в огромном долгу перед Беларусью за то, что там случилось после катастрофы на Чернобыльской АЭС. И самые тяжкие негативные последствия этой катастрофы не столько радиологические, сколько социальные и психологические. Да и опыт социально-экономического развития в этой республике очень интересный и поучительный, его надо изучать и обобщать, в том числе и социологическими методами. Поэтому Институт социологии в Академии наук БССР необходим».

После этого выступления Л. Ф. Ильичев в своей реплике заявил, что он не против создания Института социологии АН БССР в Минске, а только со-

мневается в своевременности такого решения. Но общее настроение членов Президиума АН СССР под впечатлением от речи А. М. Прохорова уже изменилось. К тому же и хороший мой знакомый по работе в отделе науки ЦК КПБ, заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, к тому времени избранный академиком и главным ученым секретарем АН СССР, известный специалист в области автоматизированных систем управления Игорь Михайлович Макаров активно поддержал проект о создании Института социологии в структуре АН БССР. После этих ярких выступлений успех был предрешен, и Президиум АН СССР своим решением постановил учредить Институт социологии АН БССР и одобрил основные направления его исследовательской деятельности.

В результате всех необходимых согласований и решения Бюро ЦК КПБ постановлением Совета Министров БССР от 16 января 1990 г. № 12 был образован Институт социологии АН БССР на базе функционировавшего на то время Республиканского центра социологических исследований и присоединения к нему двух отделов Института экономики АН БССР – отдела социально-экономических проблем демографического развития и занятости населения (заведующий – А. А. Раков) и отдела науковедения (заведующий – Г. А. Несветайлов), а также лаборатории социальной психологии личности и коллектива Института технической кибернетики АН БССР, преобразованной в отдел (заведующий – В. И. Секун). Широким фронтом в новом институте развернулись исследования по методологическим и теоретическим проблемам развития современной социологии, стали разрабатываться такие направления, как социология личности, науки и культуры, труда и демографии, молодежи, изучались отношения различных групп населения к социальным институтам, социально-стратификационная структура белорусского общества, динамика политической системы Беларуси, особенности общественного мнения, функционирующего в республике, и др.

– Вопрос о создании Института социологии в системе Академии наук, можно сказать, витал в воздухе, и Вы взяли на себя ношу организатора нового учреждения. Каковы основные аргументы склонили многочисленные инстанции в пользу создания в Беларуси такого института?

– Возрастающие потребности социального развития Беларуси в конце 1950-х – начале 1960-х гг. со все большей настоятельностью требовали восставления и развития социологической науки, естественно, на новой, качественно более высокой, чем прежде, методологической и теоретической основе.

Эти процессы имели преимущественно прикладной характер, осуществлялись по заказу и под контролем руководящих партийных органов. Важным шагом в институционализации социологии в Беларуси стало постановление Президиума ЦК Компартии Беларуси от 9 ноября 1965 г. «Об организации конкретно-социологических исследований в республике». Этим постановлением в обязанности Президиума АН БССР и Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР вменялось разработать мероприятия по усилению конкретно-социологических исследований в научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях. В частности, предлагалось создать лаборатории социологических исследований при БГУ и Институте народного хозяйства. В 1967 г. была создана проблемная социологическая научно-исследовательская лаборатория в БГУ, которую возглавил член-корреспондент АН БССР И. Н. Лущицкий. В следующем году был организован сектор конкретных социологических исследований, возглавляемый кандидатом (затем – доктором) философских наук Г. П. Давидюком в Институте философии и права АН БССР. В начале 1978 г. в этом же институте, директором которого я стал в марте 1977 г., был сформирован сектор методологических проблем социологических исследований. На работу в него наряду с сотрудниками Института философии и права АН БССР были приглашены квалифицированные социологи из БГУ Г. Н. Соколова, С. А. Шавель и др. Этот сектор и составил кадровую базу для создания самостоятельного Института социологии АН БССР. Главным звеном этой достаточно сложной и кропотливой работы, требующей многочисленных согласований с партийными и государственными органами, исследовательскими и учебными учреждениями, являлась подготовка высококвалифицированных кадров. В течение небольшого интервала времени докторами наук, профессорами стали сотрудники названного сектора С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, В. И. Русецкая, В. П. Оргиш, Э. К. Дорошевич, Р. А. Смирнова и ряд сотрудников других организаций, приглашенных на работу в создаваемый институт, – Г. А. Несветайлов, А. А. Раков, И. В. Котляров, В. И. Секун. Разумеется, в этот период защищались и кандидатские диссертации. Такая многогранная деятельность потребовала нескольких лет напряженного творческого труда. Однако с этими кадрами можно было решать самые сложные и актуальные задачи не только прикладных, но и теоретико-методологических исследований в сфере социологии.

– Как начал свою работу Институт социологии АН БССР? Кстати, в 2020 г. ему исполнилось 30 лет. Как подбирались кадры, какова была те-

матика, как происходило взаимодействие с руководством? Каким Вы его видели и что получилось по прошествии лет?

– Когда был создан наш институт, я в первые же месяцы его функционирования начал устанавливать контакты и развивать деловое и творческое взаимодействие с известными философами и социологами, работавшими за пределами республики.

В течение 1990-х гг. расширились научные связи и взаимодействия Института социологии НАН Беларуси с ведущими философскими и социологическими центрами Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Новосибирска. В институте неоднократно выступали академики РАН Б. М. Кедров, В. Н. Кудрявцев, М. Б. Митин, Т. И. Ойзерман, Г. В. Осипов, члены-корреспонденты РАН М. Т. Иовчук, В. Н. Кружков, И. А. Степанян, М. Н. Руткевич, В. И. Шинкарук, В. Н. Иванов, Ж. Т. Тощенко, Р. Г. Яновский, широко известные российские социологи В. А. Ядов, Л. Н. Коган, Ю. А. Левада, доктора социологических наук из Польши, Литвы, Эстонии А. Матуленис, М. Титма, Я. Ождзинский, М. Мартинковский, А. Садовский, В. Сломский и др. Со многими из них на базе руководимых ими научно-исследовательских организаций проводились совместные консультации и исследования. Высокая квалификация, обширный опыт и творческий профессионализм ученых очень помогли в становлении и развитии нашего института.

За прошедшие после этого 30 лет Институт социологии НАН Беларуси превратился в крупный и признанный не только в нашей стране, но и за ее пределами исследовательский центр. Его сотрудниками, аспирантами и соискателями защищено более 20 докторских и свыше 50 кандидатских диссертаций, опубликовано более 170 монографий, учебников и учебных пособий; проводятся исследования и научные конференции. В институте проходят подготовку высококвалифицированные научные кадры по широкому кругу актуальных и важных социологических проблем, диктуемых динамичным устойчивым инновационным развитием Республики Беларусь.

– Какое место занимала социология в период, когда наблюдался серьезный кризис советской системы, связанный с чернобыльской трагедией, началом распада СССР?

– Кризис советской системы, завершившийся распадом Советского Союза, стал величайшей общественно-политической катастрофой. Резко снизился уровень жизни народа во всех республиках, в том числе в Беларуси, большинство населения оказалось на грани выживания. Полки магазинов быстро опустели, самые необходимые продукты питания приобретались по талонам. В этих условиях начался отток квалифицированных специа-

листов, в том числе и социологов, в более «денежные» сферы деятельности. В нашей республике эта ситуация усугубилась крупнейшей в истории человечества социально-эколого-технологической чернобыльской катастрофой. Институт социологии одним из первых в Беларуси организовал исследование этой трагедии и ее воздействия на все стороны жизни людей. Для этого мы оперативно установили связи с облисполкомами и райисполкомами двух наиболее пострадавших от радиоактивного загрязнения и его негативных последствий областей – Гомельской и Могилевской. Вместе с заместителем директора института А. С. Круковским, ведущими научными сотрудниками В. А. Клименко, В. И. Русецкой и другими коллегами мы осуществили социологические и социально-психологические экспериментальные исследования в пострадавших от радиации районах, провели необходимые консультации, представили в местные органы управления аналитические записки и практически значимые рекомендации. Фактически в нашем институте была разработана и концептуализирована философско-социологическая теория катастроф, которая нашла воплощение в трех моих монографиях, освещавших сущность, особенности, последствия и способы преодоления последствий чернобыльской катастрофы, а также в тематических сборниках научных трудов, докладах и выступлениях на научно-практических конференциях, в том числе и в зарубежных странах.

– Насколько прислушивалась власть к результатам Ваших исследований?

– Если возникает вопрос о том, насколько прислушивается власть к результатам социологических исследований, то лучше было бы спросить об этом представителей власти. Что касается социологов, то я твердо убежден, что важнейшей составной частью социологических исследований является подготовка аналитических записок и докладов, в которых обобщаются и осмысливаются основные результаты изучения социологическими методами и приемами актуальных социальных проблем, и представление такой аналитики властным структурам (разумеется, в сжатой форме, с выводами и рекомендациями). Почти ежегодно такие документы мы направляем в различные властные структуры – в Администрацию Президента Республики Беларусь, парламент, прокуратуру, различные министерства и ведомства, местные органы власти и самоуправления. В Администрацию Президента Республики Беларусь, например, мы представляем аналитические материалы о социодинамике степени влияния тех или иных политических сил или отдельных участников предвыборной кампании в период подготовки и проведения президентских и парламентских выборов, а также об оценке деятельности политических и социальных институтов в общест-

венном мнении граждан Беларуси. В Министерство образования Республики Беларусь направлялись аналитические записки о рекомендации по совершенствованию образовательно-воспитательной деятельности в средней и высшей школах. В Министерство экономики Республики Беларусь представлялись аналитические материалы об усилении эффективности государственно-частного партнерства, об оптимизации соотношения профессий и специальностей на быстро изменяющемся рынке труда. В Гомельский, Могилёвский и другие облисполкомы отправлялись аналитические обзоры и рекомендации по основным направлениям социально-психологической реабилитации населения, а также путей формирования и реализации адаптационных стратегий поведения разных групп населения, пострадавших от чернобыльской катастрофы, по эффективным способам преодоления ее отдаленных последствий и реабилитации пострадавших территорий. В местные органы власти и управления направлялись аргументированные выводы о наиболее эффективных путях привлечения граждан к участию в подготовке, разработке и реализации управленческих решений, контролю за их осуществлением.

Иногда мы получаем от адресатов очень подробную документацию о том, какие рекомендации приняты и реализуются, на какие проблемы в изучаемой сфере общественной жизни следует сфокусировать внимание в ближайшем будущем, как это было, например, в развернутом, обоснованном ответе на нашу аналитическую записку в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь. В большинстве случаев к нашим инициативам относятся с вниманием и благодарностью.

– В Ваших публикациях конца 1980-х – начала 1990-х гг. все более настойчиво проявлялась потребность в осмыслении национальной идентичности, «беларускасці», как Вы пишете, проблемы укоренения белорусской государственности.

– Да, действительно, как только разрушился Советский Союз, а в разошедшихся союзных республиках образовались независимые, суверенные государства, возникла острая, животрепещущая проблема выработки и реализации самостоятельного курса в экономике, политике, образовании, культуре каждой из новых стран. Тогда белорусский народ сделал свой исторический выбор, воплощенный в белорусской модели социально-экономического развития. В ее основе находится создание эффективно действующей социально ориентированной рыночной экономики с мощными механизмами государственного и рыночного регулирования, обеспечением честного сотрудничества государственного и частнопредпринимательского

секторов, функционированием эффективной власти и сильной социальной политики. Такая экономико-политическая модель учитывает менталитет белорусского народа, его историю и традиции, надежды и чаяния. Она предусматривает неуклонную реализацию принципов социальной справедливости и человекоориентированности во всех сферах белорусского общества.

В тот нелегкий и сложный период развития молодого независимого белорусского государства и сформировалась идея *беларускасці* как воплощения самостоятельности и самобытности социально-экономического, политического и социокультурного развития нашей страны в первой четверти XXI в. Этот феномен, как я себе представляю, должен базироваться на трех опорах: национальной идее, идеях белорусской независимой государственности и высокой гражданственности. Конечно, на протяжении двух с половиной десятилетий идея *беларускасці* развивалась и конкретизировалась. Я бы упомянул еще два важных ее аспекта, получивших разработку в Институте социологии НАН Беларуси в последние годы, – проблемы национально-культурного кода белорусского народа и национальной идентичности. Социологические исследования показывают, что белорусский национально-культурный код со времени складывания белорусской народности (эпоха Евфросиньи Полоцкой и Кирилла Туровского) и формирования белорусской нации (период деятельности Франтишка Богушевича и Янки Купалы) выполнил мощную креативную роль в формировании национальной идентичности белорусов (так считают почти 85 % респондентов), их гражданской идентичности (91,5 %). Характерно, что две эти идентичности не только развиваются в едином социально-историческом русле, но и синергетически усиливают друг друга. Это свидетельствует о глубокой укорененности белорусской идентичности (*беларускасці*, *беларушчыны*, как писали Янка Купала и Рыгор Бородулин), неотделимой от белорусской государственности, в менталитете и действиях нашего народа.

– Иногда создается впечатление, что не было такой проблемы, на которую Вы не откликнулись бы фундаментальной монографией. В частности, Вы разрабатывали проблемы последствий аварии на Чернобыльской АЭС, перехода общества к рыночным отношениям, кризиса духовной сферы, человекомерности... Как Вам удастся создавать актуальные и востребованные работы?

– В течение многих лет, начиная с участия на втором курсе в деятельности студенческого научного общества БГУ, все более усиливалось мое стремление заниматься исследовательской работой, искать и находить нечто новое, мало или совсем не

изученное философией, а затем и социологией, политологией, культурологией, формулировать из найденного нового свою доказательную позицию и решительно ее отстаивать перед кем-то из коллег и даже представителей начальства. Сначала результаты научных изысканий публиковались в сборниках студенческих научных работ, затем – в университетских, академических, политико-публицистических изданиях. Потом на основе осмысления приобретенного опыта создавались монографии и учебные пособия для вузов. По мере продвижения по этим ступеням тематика расширялась, аргументация усиливалась, но неизменным оставалось стремление генерировать новые подходы, идеи, концепции. Откликаясь на запросы времени, я готовил публикации и по проблемам научного познания в русле диалектического и исторического материализма (так записано в моих дипломах кандидата и доктора наук), и по тематике технологических, социальных, политических и личностных катастроф (в психологическом ракурсе), особенностей перехода общества к рыночным отношениям, и по актуальным вопросам обеспечения национальной, региональной и международной безопасности (в частности, информационной безопасности), и, конечно же, по становящейся все более актуальной с развитием в XXI в. третьей и четвертой промышленных революций проблематике человекомерности социального бытия и различных его сфер. Всецело поглощенный стремлением к исследовательской деятельности, я себе послабления не даю, иногда два-три года не бываю в отпуске, постоянно держу себя в творческом тонусе, отсюда появляется и заметный результат.

– За долгие годы работы у Вас сформировалась своя научная школа. Как бы Вы ее назвали и кого бы определили в качестве своих сподвижников, развивающих Ваши научные идеи?

– Я бы уточнил: сложилась не просто научная школа, а более широкий социально-исследовательский феномен – научное философско-социополитическое направление. Школа, разумеется, есть, но это более узкий ракурс исследовательско-наставнической деятельности. Я бы назвал ее (достаточно условно) научной школой человекомерности социального, научного и технологического развития социального бытия. В качестве своих сподвижников (боюсь, всех не назову) я бы выделил членов-корреспондентов НАН Беларуси П. А. Водопьянова и А. Н. Данилова, докторов наук, профессоров В. И. Русецкую, С. А. Шавеля, В. В. Бущика, Ю. М. Бубнова, А. П. Дикселиса, Г. М. Евелькина, А. И. Зеленкова, П. В. Кикеля, В. В. Кириенко, А. С. Лаптенка, В. П. Оргиша, Г. Н. Соколову, Р. А. Смирнову, В. П. Старжинского, В. П. Шейнова.

– Вы всегда очень тепло говорите о родном БГУ, многих знаете, со многими работали в разное время, а когда началась подготовка профессиональных социологов, преподавали. И до сих пор остаетесь постоянно на связи с учениками. Что для Вас БГУ? Сейчас приток студентов значительно возрос. Чем отличаются современные студенты от прежних поколений?

– Да, действительно, я всегда считал и считаю, что БГУ – это мой дом родной, моя судьба, мои лучшие годы, мой вечно живой и активно действующий трамплин, позволивший мне совершить успешный прыжок в заманчивую, увлекательную профессиональную жизнь философа и социолога. Именно здесь закладывался фундамент тех идей и свершений, которые и сегодня согревают мою душу и помогают идти вперед, преодолевать трудности. В БГУ и сейчас работают мои верные друзья, и не только философы, социологи, но и физики, химики, в том числе мои ученики, с которыми я поддерживаю творческие и дружеские связи. Сейчас студентов в БГУ и других университетах Беларуси стало неизмеримо больше, чем в то время, когда учились мы. Я бы не стал противопоставлять прежних и современных студентов. За это время коренным образом изменилась наша страна, произошли трансформации в образовании, науке, культуре, другими стали требования к студентам, конечно же, изменились и студенты, ведь мы живем в сетевом обществе, в эпоху глобальной цифровизации. Но студент всегда останется студентом: ему присущи любознательность, ироничность, критичное отношение ко многим устоявшимся вещам, веселая насмешливость – иначе и быть не может. Если вспомнить годы моего студенчества, то учиться было интересно, правда, по сравнению с нынешними временами мы сталкивались со многими сложностями: не хватало книг, необходимую философскую литературу можно было найти в Ленинской библиотеке, а социологию и вовсе считали буржуазной лженаукой, об интернете даже не помышляли. Такая ситуация побуждала к тому, что мы практически всей группой ездили в библиотеку, читая книги по очереди, и это подталкивало к серьезному изучению литературы. Однако философское образование в то время выгодно отличалось тем, что мы на семинарах постоянно практиковали дебаты, учились аргументировать свою позицию, дискутировали с оппонентами. Сейчас этому уделяют меньше внимания, а зря. Помню, как мы целый семестр изучали немецкую классическую философию. Это было очень увлекательно, и знания, полученные мною тогда, еще студентом, очень пригодились, когда годы спустя я ездил читать лекции в университеты Германии, выступал с докладами и участвовал в дискуссиях на международных конференциях, в том числе

и на всемирных философских и социологических конгрессах.

Главное отличие между студентами того времени и современным поколением состоит в том, что теперь молодые люди более активны, они обладают огромными возможностями: есть доступ к любой литературе в библиотеках и интернете. С одной стороны, теперь студенты более информированы, информация окружает их везде. С другой стороны, как мне кажется, у современных студентов меньше развиты навыки публичной речи, ведения дискуссии. Это связано, конечно, и с ориентациями в образовании. Еще одно явное отличие заключается в соотношении юношей и девушек, которые учатся на философском отделении. У нас в группе было 24 юноши и 4 девушки, и в принципе на философию шли в основном ребята, они хотели заниматься наукой. Сейчас на гуманитарных специальностях везде больше девушек. Юноши как-то особо не хотят заниматься наукой – непрестижно, много денег не зарабатываешь. В этом смысле ориентиры поменялись.

Нельзя не заметить еще одной особенности мышления и миропонимания современного молодого человека. Многие студенты чрезмерно погружены в красочный мир событий, сюжетов, образов, концепций, калейдоскопически меняющийся на интернет-ресурсах с огромной быстротой, без какой-либо логической последовательности. Сиюминутность не оставляет ни времени, ни желания серьезно осмыслить и взвешенно оценить все найденное на сайтах. Интернет дает максимум свободы в выборе программ и сюжетов при минимуме осмысления и ответственности, вследствие чего стремления проникнуть в сущность изображаемого, сделать выводы, всерьез задуматься и глубоко понять то, что стоит за яркими изображениями, не остается. Постепенно у зрителя и слушателя формируется обманчивое ощущение, что он знает почти все обо всем, но такое знание поверхностно, оно не сопровождается выработкой умения систематизировать воспринимаемые явления и процессы, убедительно аргументировать свою позицию. Это обманчивое (даже, можно сказать, самообманчивое) всезнание освобождает от кропотливой, трудозатратной дискурсивной, хорошо обоснованной, доказательной и творческой логической работы мысли и мироистолкования. Поэтому у многих студентов утрачиваются (а то и просто не формируются) навыки самостоятельного, оригинального, самобытного и творческого практико-ориентированного мышления. Это и есть все то, что называется клиповым мышлением, которое препятствует молодому человеку сформироваться (разумеется, с помощью профессоров, преподавателей, участия в дискуссиях и т. п.) как специалисту-профессиона-

лу: философу, социологу, психологу, физику, биологу и т. д.

– Наука и образование. Сегодня много споров вызывают количественные оценки эффективности работы ученых, основанные на публикационной активности, величине индекса цитирования. Как Вы к этому относитесь?

Наука и образование – это два неразрывно связанных, сообщающихся социальных сосуда: чем успешнее развивается один, тем выше поднимается второй. Они не только взаимопереплетаются, но и множественно пересекаются друг с другом. Ведь не может быть успешных ученых, если в обществе нет или недостаточно хорошо подготовленных учащихся и студентов. Но не может быть и хорошо обученных и воспитанных, талантливых и перспективных студентов, если общество не располагает талантливыми, перспективно мыслящими и действующими научными кадрами, поэтому наиболее квалифицированные научные работники должны взаимодействовать со студенческой молодежью, желательно на условиях штатного совместительства. А строго соблюдать возрастной ценз здесь вовсе не обязательно: один профессор или доцент даже в 80 лет и наукой успешно занимается, и лекционный курс замечательно преподает студентам или аспирантам, а другой едва справляется с преподаванием, читая лекции по замусоленным бумажкам. В каждом человеке есть нечто потаенное, о чем замечательно писал М. Хайдеггер, и это потаенное раскрывается, становится явью только в активной исследовательской и преподавательской деятельности.

Существует множество подходов к оценке эффективности работы ученых. Я убежден, что главное здесь – качественные, а не количественные характеристики. Когда человек в науке достигает заметной или выдающейся позиции, это оценка качественная, а не количественная. Публикационная активность ученого всем видна – у каждого имеется определенное число статей, книг или учебников. Что же касается индекса цитирования, то здесь много субъективизма: одного автора я знаю и цитирую, о втором почему-то не слышал, не читал и оставляю за пределами своего внимания. К тому же в этой сфере есть нечто похожее на договорные матчи в футболе, поэтому к индексам цитирования я отношусь с определенной долей скептицизма, недоверия.

– Какая социология востребована сегодня и что ее ждет впереди, с Вашей точки зрения?

– Происходящие в современном социуме крупномасштабные сдвиги, детерминированные раз-

вертыванием третьей, а затем и четвертой промышленной революции (нано-, биоперевооружения, экологические, информационные и когнитивные перемены), ставят перед современной социологией новые, невиданные ранее задачи. Она должна стать прежде всего социологией самовоспроизводства человека и общества и выстраивать в этом контексте новый теоретико-методологический дискурс, человекоориентированный и человекомерный. Также она призвана исследовать и концептуализировать познание человека как продукта собственного активного действия и самосовершенствования. Помимо этого, современное высокотехнологичное, информационно перенасыщенное общество ждет от социологии эвристической сконструированности, субъектности и субъективности человека и всех форм его жизнедеятельности. Обществу, его индивидам, социальным группам и общностям нужна концентрация всех видов, способов и форм существующих ныне интегративных приемов и умений, позволяющих осмыслить и концептуализировать миропреобразующую и челове-

коформирующую деятельность народов и стран как трансинтегративную, непрестанно обновляющуюся и совершенствующуюся социологическую систему, обладающую множеством дифференциаций, горизонтальных и вертикальных, прямых и обратных связей. Социология должна быть ориентирована на углубленное теоретическое и практико-ориентированное эмпирическое исследование, выработку новой концептуализации всех возникающих форм жизнедеятельности, адаптационных стратегий людей, всех видов уплотняющихся (включая и виртуальные, массмедийные) взаимодействия индивидов, групп, обществ. Отвечающая запросам и потребностям сегодняшнего и завтрашнего дня социология призвана стать социологией глобальной поливариативности чувств, мнений, стремлений, надежд, целей и активных действий рода человеческого.

Если социология в процессе своего безостановочного развития обретет названные качества и овладеет умениями их практической реализации на благо людей, ее ждет прекрасное и благодатное будущее.

Беседа четвертая. Мудрость зрелых лет

– Евгений Михайлович, когда, на Ваш взгляд, наступает мудрость и что это такое?

– Сказать точно, когда наступает мудрость, довольно затруднительно. В жизни не бывает так, чтобы жил себе на свете человек и в один прекрасный день вдруг все поняли, что он стал мудрым. Мудрость – это очень объемное, многомерное понятие. Она включает в себя и глубокий ум, и внимательность, наблюдательность, и эмоциональную отзывчивость человека, и его удивительную интуицию, и хорошее знание жизни, житейский опыт, и, конечно же, умение по определенным признакам и явлениям улавливать тенденции и перспективы развития окружающей действительности, а также сущность и характер человека, его доброту или заносчивость, злобность. Я думаю, что очень точно сущность мудрости определил выдающийся русский писатель И. А. Гончаров: «Мудрость – это совокупность истин, добытых умом, наблюдением и опытом, это гармония идей с жизнью». Обычно мудрость приходит к человеку с годами, в зрелом возрасте. Поэтому когда говорят о человеке, что он мудрый, то имеют в виду, что он обладает глубоким знанием жизни, богатым опытом, одарен большим умом, основанным на понимании окружающих явлений, процессов и стоящих за ними людей. Но недостаточно обладать мудростью: необходимо уметь пользоваться ею в различных жизненных ситуациях, без этого мудрость способна выродиться в бесплодное умствование, схоластику. Философу и му-

дрецу (эти понятия отнюдь не всегда совпадают) чаще всего живется нелегко.

– Как менялись в Вашей жизни приоритеты, ценности, может, взгляды и что их меняло?

– Чаще всего приоритеты, ценности и взгляды человека меняются с возрастом и зависят от окружающей его социальной и даже семейной действительности. Для меня, например, на протяжении многих лет жизни высшей ценностью являлись коммунистические идеалы и истины науки. С течением времени они несколько потускнели, но я от них не отказался, а истины науки многократно возросли в своей значимости. Меняла же эти ценности и приоритеты сама удивительная, прекрасная, противоречивая и все же вызывающая перед собой преклонение жизнь во всей ее красе.

– Что Вас беспокоит сейчас и, если можно так сказать, что сейчас составляет для Вас передний край гуманитарного знания?

– Прослужив много лет в сфере гуманитарного знания, могу честно сказать, что меня беспокоит немало в данной сфере, но, пожалуй, главный предмет беспокойства состоит в том, что гуманитарные знания пока еще не достигли такой же ценности, точности, доскональности и признательности, как знания естественно-научные. А если говорить о переднем крае гуманитарного знания, я бы отнес к нему философию, языковедение и литературоведение.

– *У Вас только что вышла новая монография «Наука и человекометричность окружающей реальности». Поздравляем! Над чем Вы сейчас работаете?*

– Над подготовкой к публикации «Энциклопедического словаря по проблемам политической социологии» в издательстве «Беларуская навука». Привлекаем к этой непростой работе довольно широкий круг авторов, в том числе и молодых ученых.

– *Вы когда-то стартовали в науке с монографии о религии, сейчас она даже хранится в библиотеке Ватикана. А как Вы сами относитесь к религии, вере?*

– Я хотел бы уточнить: первая монография, которую мне удалось опубликовать еще в 1963 г., была посвящена раскрытию роли анализа и синтеза в научном познании, а в следующем году вышла в свет монография по проблемам религиоведения. Главный ракурс, в котором я рассматривал, да и сейчас иногда публикую работы по религиоведческой проблематике, – это взаимоуважительный диалог науки и религии. Первые мои работы на эти темы были опубликованы в журналах «Наука и религия» (Москва) и «Ринашита» (Рим). Я всегда, и в 1960-х гг., и в настоящее время, относился и отношусь с уважением к религии, священнослужителям и верующим. Никогда не скатывался в своих высказываниях на расхожие в советской печати штампы типа «атеисты в наступлении», «против религиозного мракобесия». Почти во всех крупных городах, в частности в Москве, Петербурге (Ленинграде), Киеве, Варшаве, Кракове, Берлине, Париже, Мадриде, Риме и Ватикане, Нью-Йорке, Вашингтоне, Дели, Иерусалиме, Стамбуле, Минске, Гомеле, я посещал храмы. Убежден: надо уважать то, во что верят люди, и всегда лучше, если человек верит в кого-то или во что-то, чем когда он ни во что не верит.

– *Как менялся собирательный портрет ученого на протяжении Вашей работы в науке и высшей школе? Что оставалось важным и неизменным, а что было тогда первостепенным, а с годами теряло свою ценность?*

– Обобщенный, типичный портрет ученого, конечно же, изменяется вместе с тем, как развивается эпоха, наука. По мере развертывания научно-исследовательского процесса, его углубления в сущность изучаемых явлений отходят на задний план отжившие свой век представления, выявляются новые закономерности развития окружающей действительности, да и самого человека, но остается неизменным самое главное, составляющее сущность научного познания, – генерирование нового знания, исследование неизвестного, движение

к истине, стремление применять добытые знания на практике. Например, во времена моего студенчества всячески превозносили бездоказательные призывы академика Т. Д. Лысенко выращивать на одном стебле пшеницы два колоса вместо одного и тем самым удваивать получаемый урожай, зато подвергались жесткой критике генетика и кибернетика как измышления «буржуазной лженауки», отвергались их достижения. Кстати, в разряд таких измышлений штатные околонаучные пропагандисты относили в то время и социологию. К счастью, все это осталось в прошлом, хотя и сейчас бывают в науке не только великие открытия, но и досадные заблуждения. Я убежден в правоте высказанной К. Марксом мысли, известной очень многим лицам: «В науке нет широкой столбовой дороги...» В ней прогресс достигается упорным, кропотливым трудом ученого. Так было и так будет всегда, ибо в этом заключена сущностная особенность научно-технического прогресса.

– *Глобализация, информационное общество, цифровизация – новые вызовы современности?*

– Новые вызовы современности, сгенерированные глобализацией, информационной революцией, цифровизацией, не оттеснили особенности науки, но сделали их еще более рельефными, зримыми.

– *За Ваш век, Евгений Михайлович, как трансформировались наука и образование? Какие перемены Вы оправдываете и над чем стоит еще подумать?*

– На протяжении длительного времени мне пришлось участвовать в исследовательской деятельности и преподавании. Изменилось очень многое. Сделано немало новых открытий, разворачивают свое разнообразие третья и четвертая научно-технические революции, радикально трансформируется содержание высшего образования (да и среднего тоже). Все это замечательно, все принято нашим обществом, нашим народом с пониманием и удовлетворением. Но существуют проблемы, требующие решения, и желательного быстрого. Одна из них – более быстрое овладение исследователями и преподавателями, аспирантами и студентами позитивными сторонами сетевизации и цифровизации различных сфер современного общества. Вторая – найти в себе силы преподавателям и студентам, чтобы преодолеть нежелательную зависимость от интернета, социальных сетей, угрожающую молодым людям утратой не только способности дискурсивно, в том числе критически, мыслить и действовать, проникая в сущность изучаемых процессов, но и социальных навыков, которые формируются не компьютером, а в процессе разностороннего общения с другими людьми.

– Что для Вас Минск, БГУ, НАН Беларуси? Ваши навсегда незабываемые мгновения счастья? И что значит для Вас быть счастливым?

– Для меня Минск – навсегда любимый город. За все годы, прошедшие после Великой Отечественной войны, я уезжал из него только в отпуск, в командировки, на научные конференции, а в студенческие, комсомольские годы – на съезды ВЛКСМ и всемирные фестивали студентов и молодежи в Москву и Вену. Хотя заманчивых предложений перейти на различные научные и административные должности было немало – в Москву, Ленинград, Киев, Нью-Йорк, Душанбе. Для меня принять такое предложение – это то же самое, что изменить самому себе, так что я неизменный минчанин.

О БГУ я уже говорил – это моя судьба, мой выбор, мой дом родной. Когда я в нем бываю, все воспринимается как родное, а сердце бьется со щемящим чувством радости. Что же касается НАН Беларуси, то здесь я работаю с 1959 г. (с перерывами), эта работа приносит мне глубокое удовлетворение, и это я оцениваю очень высоко.

Говорить о счастье трудно, делать это необходимо с душевным трепетом. Если сказать о счастье очень обобщенно, то считаю, что я человек счастливый. А незабываемых мгновений счастья в жизни было немного. Самое восхитительное промелькнуло однажды летом, на роскошном лугу, в пойме излучины реки недалеко от Минска. Мы были там вместе с женой Анастасией и двумя сыновьями. Мы с ней сидели на опушке леса, а сыновья неслись по высокой луговой траве, перемежающейся с прекрасно пахнущими летними (не городскими) цветами, мчались вдоль изгиба реки, обгоняя один другого. Я что было силы вскочил и помчался им наперерез, и, когда мы столкнулись и сплелись в единое целое, они опрокинули меня навзничь, прижали к теплой земле, и я отчетливо услышал бьющиеся в одной ритмике три родных сердца. Такого блаженного мгновения уже никогда не будет, а воспоминание о нем согревает и сегодня мое сердце и душу, заставляет их трепетать от счастья.

Кроме счастья как неповторимого мгновения, бывает счастье как длительность, протекающая достаточно долго. В таком понимании быть счастливым – это жить, учиться и работать в любимом городе; иметь верных друзей, которые всегда, когда потребуется, придут к тебе на помощь, поддержат и в горе и в радости; полюбить в юношеские годы потрясшую твое воображение и сердце девушку, которая останется для тебя единственно любимой на всю жизнь (у меня есть двое таких друзей и подруга со школьных лет, есть любимая жена, с которой мы вместе с четвертого курса – в этом состоит величайшее благо и счастье); уловить свое призвание при поступлении в вуз и, следуя этому призванию,

упорным и кропотливым трудом формировать в себе высококвалифицированного профессионала; в своей профессиональной деятельности добиться успехов такого уровня и качества, чтобы твое признание не только друзьями, сослуживцами, коллегами, учениками, но даже возможными завистниками и соперниками превратилось в прочное и заслуженное признание. Желательно, чтобы эти пять компонентов формировались и развивались не в отдельности друг от друга, а в синергетическом синтезе, в котором происходит не сложение, а умножение одного элемента на другой.

– На кого из Ваших учеников Вы возлагаете свои надежды в будущем? Молодые – какие они? Легко ли сегодня быть молодым?

– Когда у тебя появляется ученик, будь то учащийся, студент, аспирант, докторант или просто коллега, то ты всегда надеешься на его будущие успехи, правда, не всегда это случается. Из тех людей, которых называют моими учениками, я совершенно однозначно скажу, что мои надежды вполне оправдали доктора наук, профессора, члены-корреспонденты НАН Беларуси П. А. Водопьянов и А. Н. Данилов. Среди тех, кто помоложе, я очень надеюсь на Ю. М. Бубнова и Н. Н. Сухотского, уверен, что их ждут серьезные успехи в исследовательской и преподавательской работе в недалеком будущем. А среди тех, кто еще моложе и даже делает только первые шаги в науке, не перешагнув 25-летний возрастной порог, осмелюсь назвать могилевчанку Анастасию Николаеву.

Сегодня молодые преподаватели очень любознательны, критичны в оценках событий, явлений, они ироничны, решительны, целеустремленны, часто сталкиваются с непониманием своих старших коллег, а порой даже с недоверием с их стороны, что мешает им принимать и осуществлять нестандартные конструктивные решения. Поэтому быть молодым сегодня нелегко, но молодость все невзгоды преодолет, и, я убежден, она добудет себе и своему народу лучшее будущее.

– Евгений Михайлович, назовите пять причин, которые, на Ваш взгляд, дают право утверждать, что жизнь удалась.

– Те пять элементов счастья, которые я только что назвал и которые осуществились в моей жизни, можно, без сомнения, определить в качестве пяти причин подтверждений того, что жизнь удалась. Правда, к этому следовало бы еще добавить, что я прочитал множество художественной классической литературы (всех писателей не перечислить), посмотрел потрясающие спектакли в Москве, Ленинграде, Киеве, Львове, Тбилиси, Варшаве, во всех городах Беларуси. Горжусь тем, что был знаком

со многими выдающимися учеными – академиками А. П. Александровым, В. А. Амбарцумяном, В. С. Келдышем, Б. М. Кедровым, Н. Н. Моисеевым, композиторами А. И. Хачатуряном, А. Н. Пахмутовой, И. М. Лученком, а также со знаменитыми актерами, спортсменами, политическими деятелями, много поучительного для себя вынес из бесед с ними.

– Какие основные уроки из Вашей жизни Вы хотели бы обозначить?

– Из моей достаточно продолжительной жизни можно обозначить несколько важных уроков. Первый из них – всегда, во всем и со всеми, начальниками, подчиненными, коллегами, студентами, случайными попутчиками, быть самим собой.

Второй – оставаться честным в оценке своих успехов и неудач, недостатков, в отношениях со всеми окружающими, даже в тех случаях, когда они тебе не нравятся или противоречат. Третий – в любой ситуации, радостной, тревожной, печальной, конфликтной, жить по совести, быть милосердным, помогать тем, кто нуждается в заботе и поддержке. Четвертый – через тернии возможных неудач и горестей проходить с оптимизмом, с надеждой на лучшее будущее. И наконец, пятый урок – всегда, даже в самых трудных условиях и ситуациях, быть достойным гражданином своего Отечества, и в труде, и во взаимодействиях с иностранцами, а если понадобится, то и в вооруженной защите родной страны.

УДК 316.01+177:130.2

МИРОВЫЕ ЛИНИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Л. Л. ЕНКОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Институт теоретической физики им. Н. Н. Боголюбова НАН Украины,
ул. Метрологическая, 14б, 03143, г. Киев, Украина

Известные физические законы применяются для моделирования отношений между людьми, описываемых мировыми линиями. Рассматривается основной элемент общества – супружеская пара, ее стабильность определяется равновесием между притяжением и отталкиванием. Построение мировых линий (поверхностей) приводит к двухъярусной системе координат, которая показывает взаимодействие бинарной системы типа «струна» (здесь – супружеской пары) и соответствует внешней среде, в которой «живет» описываемая («выметающая») поверхность (брану) мировая линия. С использованием эмпирических данных, основанных на наблюдениях, приводятся простые модели таких мировых линий и поверхностей, допускающие различные модификации и имеющие тесную связь с социальными сетями. В качестве иллюстраций приведены примеры.

Ключевые слова: мировая линия; струна; брана; социальная сеть; притяжение; антипатия.

Благодарность. Работа была выполнена при поддержке гранта Национальной академии наук Украины («Динамика частиц и коллективных возбуждений», № 0121U109612). Автор выражает благодарность кандидату физико-математических наук А. Жохину и доктору физико-математических наук Ю. Штанову за полезные и плодотворные обсуждения и помощь в подготовке статьи.

WORLDLINES AND SOCIAL NETWORKS

L. L. JENKOVSKY^a

^aBogolyubov Institute for Theoretical Physics, National Academy of Sciences of Ukraine,
14b Metrologicheskaya Street, Kiev 03143, Ukraine

Образец цитирования:

Енковский ЛЛ. Мировые линии и социальные сети. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021;1:23–37 (на англ).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-23-37>

For citation:

Jenkovszky LL. Worldlines and social networks. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;1:23–37.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-23-37>

Автор:

Ласло Ласлович Енковский – доктор физико-математических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

László L. Jenkovszky, doctor of science (physics and mathematics); leading researcher.
jenk@bitp.kiev.ua

Familiar laws of physics are applied to study human relations, modelled by their world lines (worldlines) combined with social networks. We focus upon the simplest, basic element of any society: a married couple, stable due to the dynamic balance between attraction and repulsion. By building worldlines (worldsheets), we arrive at a two-level coordinate systems: one describing the behaviour of a string-like binary system (here, a married couple), the other one, external, corresponding to the motion of this couple in the medium, in which the worldline is embedded, sweeping there a string-like sheet or brane. The approach is illustrated by simple examples (semi-quantitative toy models) of worldlines (sheets), open to further extension, perfections and generalisation. Worldlines are combined with social networks. Simple illustrative examples with empirical inputs taken from intuition and (or) observation are appended.

Keywords: worldline; string; brane; social network; attraction; repulsion.

Acknowledgements. The work was supported by the grant of the National Academy of Sciences of Ukraine («Dynamics of particles and collective excitations», No. 0121U109612). I thank PhD (physics and mathematics) A. Zhokhin for numerous discussions and doctor of science (physics and mathematics) Yu. Shtanov for useful remarks.

Introduction

The behaviour of individuals or groups of people analysed by means of mathematical physics, appended by empirical data (observations) is attracting researchers working in various fields of natural sciences: mathematics, biology, sociology, economy etc. [1–6]. A branch related to sociology is called *social physics* or *sociophysics* [7; 8]. It investigates various phenomena by analogy with astronomical, physical, chemical, and physiological phenomena. Social physics refers also to using big data analysis and the mathematical laws to understand collective effects of human crowds. The basic idea is that data about human activity contain mathematical patterns that are characteristic of social interactions as well.

The application of mathematical physics methods in chemistry, biology, physiology, sociology and related area is not new. In the present paper I try to advance further by including innermost motivations of human behaviour and (or) groups of persons.

I adhere to the philosophical principal of dualism by which life is based on balance between two competing components, «good» (love, interest, sympathy, empathy etc.) and «bad» (disgust, hate, antipathy, evil etc.). Alternatives to dualism are monism, by which only a singly category exists, or pluralism, implying a multitude of categories in nature. We chose dualism (subsec. 5) for its universality, simplicity and affinity to the basic laws of physics.

The idea that mental and bodily events are coordinated, without causal interaction between them is known as *philosophical parallelism*. It assumes correlation of mental and bodily events, but denies any direct causal relation between mind and body. Accordingly, mental and bodily phenomena are independent, yet inseparable. Psychophysical parallelism [9] is a third possible alternative regarding the relation between mind and body, between interaction (e. g., dualism) and one-sided action (e. g., materialism, epiphenomenalism). It is a theory related to dualism suggesting that although there is correlation between mental and physical events there is no causal connection. The defi-

nition of and relation between *body* and *soul* is a delicate issue, not easy to fix rigorously or unambiguously.

In any case, I believe that part of the universe, namely its materialistic component may be conceived or, at least approached by means of mathematical physics, while the other one, spiritual belongs to theology. I will not enter that area, instead try to approach the interface region between the two by using general and flexible physical laws and models of interaction. These models are based on attraction and repulsion with free parameters adjusted to empirical data, intuition and guesses suggested by great artworks. By the latter I mean the treasury of world art, accumulated in works of philosophers, artists, writers, poets and musicians. Great artists were able to unveil the past and intuitively reveal the future.

A typical problem in specifying the border and transition region between matter and spirit is in understanding emotions (feelings). Physiologists attempted to find the origin and nature of feeling in experiments with animals. Popular are discussions connected with the pleasure and searches of relevant centers in animals and human beings. Brain stimulation reward, discovered by J. Olds and P. Milner [10] is a pleasurable phenomenon generated by stimulation of specific brain regions. Profound observations of animals' internal world (*ethology*) and mysterious telepath phenomena can be found in works [11; 12].

Human souls are battlefields between body (physiology) and spirit (divine), subject of literature masterpieces such as L. Tolstoy's «Father Sergius» [13]. I will not penetrate the «other side», instead try to model the behaviour of human beings based on observations, literature, intuition and common sense. I try to demonstrate that human relations may follow simple laws of attraction and repulsion appended by observations (empiric).

At this point it is appropriate to cite I. Kant: «Two things fill the mind with ever new and increasing admiration and awe, the more often and steadily we reflect upon them: the starry heavens above me and the

moral law within me. I do not seek or conjecture either of them as if they were veiled obscurities or extravagances beyond the horizon of my vision; I see them before me and connect them immediately with the consciousness of my existence» [14].

The aim of the present paper is animation of world lines and social networks. By «animation» I mean inspiration, i. e. endowing familiar mechanical, statistical or mathematical constructions (world lines and

social networks) with footprints of spirit, absent from machines but present in human behaviour.

The paper is organised as follows: in subsec. 1 I introduce worldlines, to be combined with networks in subsec. 2. In subsec. 3 I overview various binary systems and their interrelation, with subsec. 3.1, preparing the ground for the central part of the paper, subsec. 5 modelling the dynamics of particular binary systems, namely those of married couples.

Results and discussion

1. Worldlines. Worldlines [15], called also time-space geography are three-dimensional plots in which two dimensions are spatial (we use flat, Euclidean space), the third coordinate being time.

The existence of the fourth, time dimension, apart from those spacial was intuited, well before H. Lorentz, H. Poincaré and H. Minkowski by great Greeks, followed by B. Spinoza, I. Kant, I. Newton and, last but not least, H. Wells in his «The Time Mashine». Less familiar, moreover unknown, are the related ideas of the Russian philosopher M. S. Aksionov, available in works [16; 17].

When I. Newton formulated his theory of gravity, he assumed time to be linear, with unchangeable rate of flow. He assumed space to be absolute, unchanging, and Euclidean: «The divine sensorium» [18].

Time geography or time-space geography is an interdisciplinary merge of spatial and temporal events. Time geography is a framework and visual language in which space and time are basic dimensions to analyse dynamic processes. Time geography was originally developed by geographers, but now it is used in various fields including anthropology, environmental science etc. Since the 1980s, time geography is used also by researchers in biological and social sciences, and in interdisciplinary fields.

B. Bach with his colleagues have generalised the space-time cube towards a framework for temporal data visualisation applicable to all data that can be represented in two spatial dimensions plus time.

Worldlines are perfect tools to illustrate biographies [19; 20]. Constructing and drawing worldlines of known persons, based on documents and (or) (auto) biographies, combined with their genealogical lines is an amusing and useful exercise.

Worldlines (time geography) may be useful to visualise events or, extended and appended by social networks, in analysing data (e. g. in history) and in making predictions (e. g. in sociology) by extrapolation. Worldlines themselves offer an infinity of options and applications, e. g. by replacing lines with extended objects – strips, sheets, bands, tubes, branes (a brane is a physical object that generalises the notion of a point particle to higher dimensions) or increasing the number of lines and tubes, including continuum (merge of worldlines). With the advent of computational and

storage capacities, infinitely large manifolds of worldlines, coming close and interacting multiply, evolving towards a continuous, three-dimensional bulk of world history, parameterised by relevant computer codes may be realised in the near future.

A particular extension of worldlines are the phase and configuration spaces. In classical mechanics, *phase space* is the space of all possible states of a system. Remind that the state of a mechanical system is determined by the position p and momenta q of its constituents, where p and q predict the further evolution of the system at any time, provided the laws governing the motion of these objects are known.

In *configuration space*, the parameters that define the configuration of the system are called generalised coordinates and the vector space defined by these coordinates is called configuration space. For example, the position of a single particle moving in ordinary Euclidean three-dimensional space is defined as $q = (x, y, z)$ and its configuration space is R^3 . A particle may be constrained to move within a specified manifold. For example, if the particle is constrained by a rigid bond, free to swing about the origin, it is constrained to lie on a sphere. For n disconnected, non-interacting point-like particles, the configuration space is R^{3n} . (A word of warning: in life sciences and sociophysics, mechanical momentum should be replaced by a relevant variable.)

In this sense, the predictive power of the phase or configuration spaces is the same as that of a worldline, but it is a convenient and powerful technical tool, especially in the case of a large number of objects. The formalism of the phase and configuration spaces offers huge perspectives in social science studies, provided we know the laws governing human beings or societies. A priori we do not. In the present paper I try to guess and model these laws and regularities, to be verified empirically.

Worldlines and social networks are different. While worldlines evolve in time along certain trajectories, as shown, e. g., in fig. 1–4, networks are static. Time dependence, and more details, such as the «price» of a vertex etc., may be introduced in networks. If so, the time dependence becomes hierarchic: «internal» within the network and «external» along the worldline, as in subsec. 6 and fig. 10, obeying statistics and topology. Still, they have some common features. With genealo-

gy trees included, worldlines acquires many features of a social network (mind the arrow of time!), hence one may look for a particular *duality* by interchanging time (vertical orientation) and the (horizontal) spatial coordinate («interaction range»), remembering however of the uniqueness of the time arrow.

In perspective, worldlines may play an important role in descriptive history. By this I mean a detailed panoramic view of the evolution of mankind including worldlines of individuals and groups, societies etc., as

well as their interaction and intersection at various levels and forms. The realisation of such a huge «bank of worldlines» technically was incredible in the past, but now, with the advent of huge computation and storage capacities, it may be realised!

In the present paper I consider worldlines of a single person or a couple – building block of our societies. This will be useful when generalised to more complex systems, their interaction, collective effects etc., all that now is realisable.

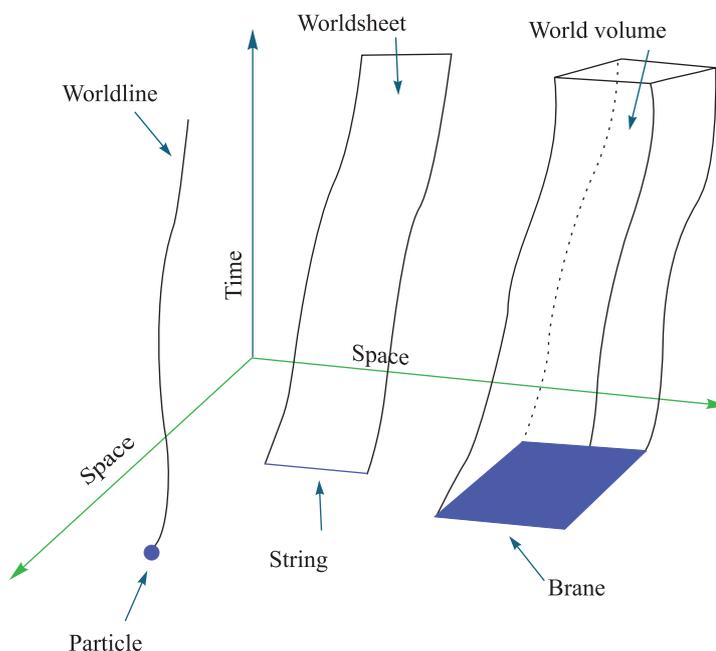

Fig. 1. Worldlines and branes: from the worldline of a point-like object (leftmost), via a two-dimensional sheet (propagating rubber band, i. e. a string) to a multi-dimensional brane

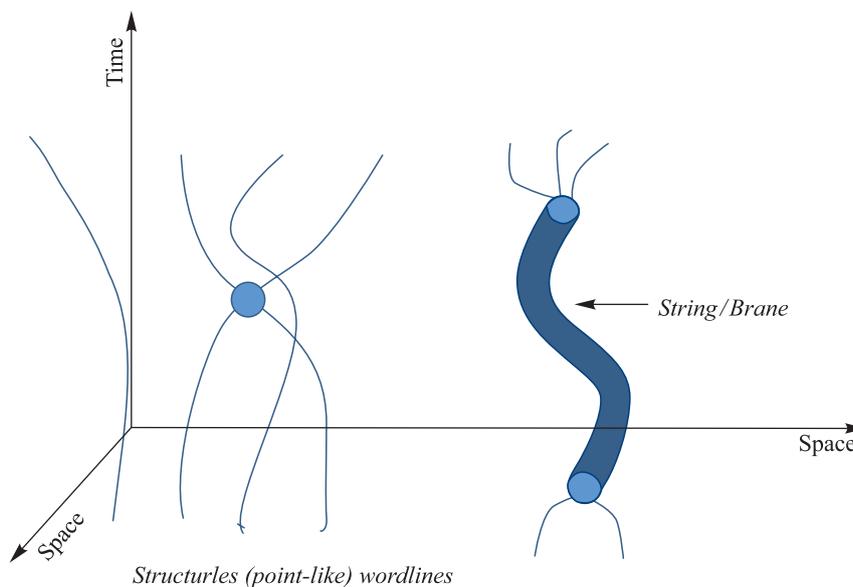

Fig. 2. Worldlines leftmost is a dimensionless line; crossing lines (next to the right) may or may not interact; the rightmost object, emerging from the merge of two structureless lines has finite dimensions, it is called strip (rubber band), tube or brane

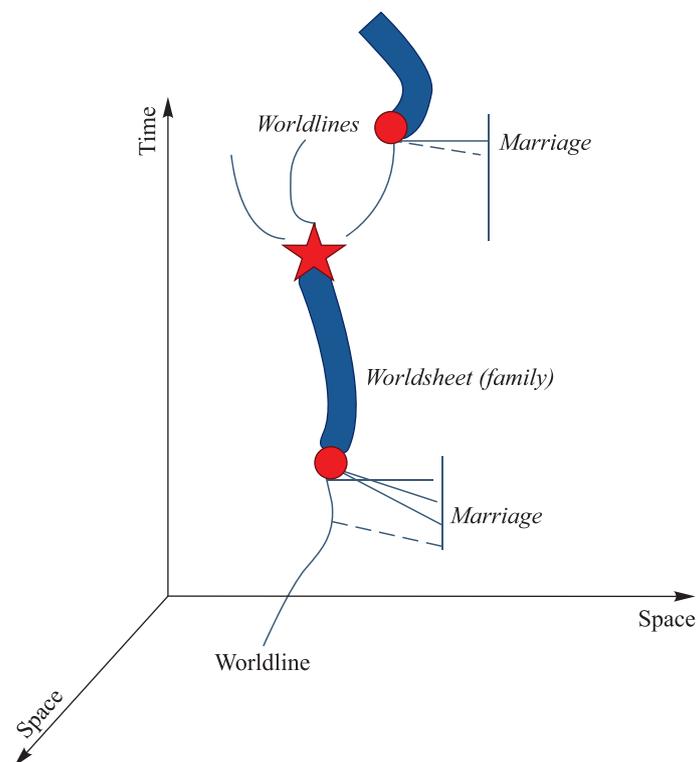

Fig. 3. Worldlines appended by elements of a «marriage network» (right margin, to be expanded in subsec. 4). Such worldlines may evolve also in genealogical graphs, alluded to at the bottom and top of the present figure

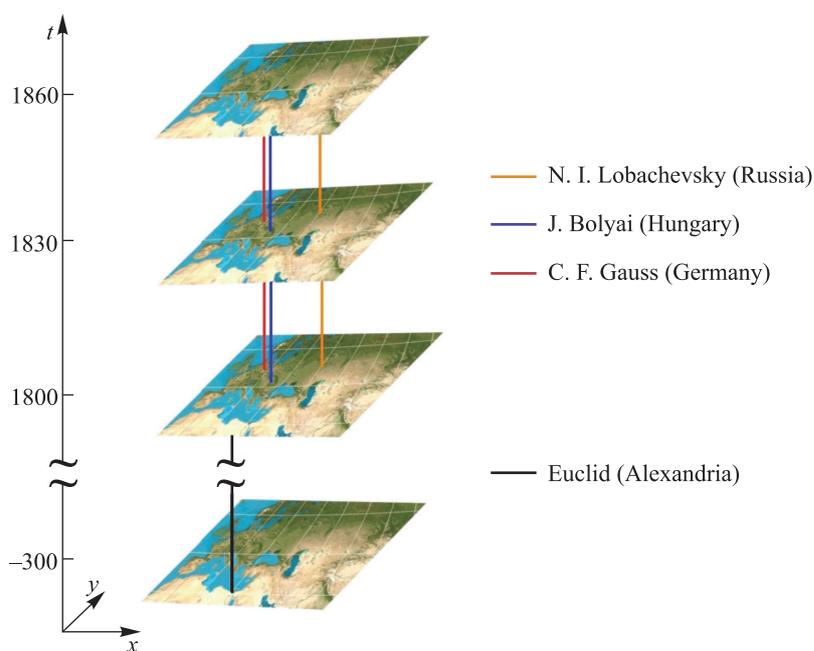

Fig. 4. Straightened worldlines of Euclid, J. Bolyai, C. F. Gauss and N. I. Lobachevsky (EBGL) (three geni (BGL) who discovered the new, non-Euclidean world, living on the same continent, nearly at the same time, never met). Source: [19]

2. Worldlines and networks, arrow of time. Networks [21–23] are studied and used in mathematics, computer science, geography and other fields of science. Random networks were proposed by P. Erdős and A. Rényi [24] at the end of 1950s. The interest was renewed and reinforced after the discovery by R. Albert and A.-L. Barabási [2] of strong heterogeneities.

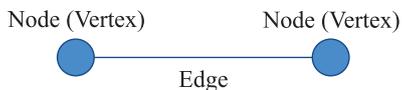

Fig. 5. Simplest, primitive net: a binary system (see subsec. 5)

Network science studies also complex networks such as telecommunication networks, computer networks, biological networks, cognitive and semantic networks, and social networks, considering distinct elements or actors represented by nodes (vertices) and the connections between the elements as links (edges) [23]. The field exploits graph theory from mathematics, statistical mechanics from physics, data mining and information visualisation from computer science, and social structure from sociology. D. König [22] was among the pioneers. Probabilistic theory in network science was developed in P. Erdős and A. Rényi's papers on random graphs [24].

A.-L. Barabási and R. Albert [2] developed the scale-free network which is a loosely defined network topology that contains hub vertices with many connections, that grow in a way to maintain a constant ratio in the number of the connections versus all other nodes. Network models serve as a tool in understanding interactions within empirical complex networks.

The Erdős – Rényi model [24] is used for generating random graphs in which edges are set between nodes with equal probabilities. It can be used in the probabilistic method to prove the existence of graphs satisfying various properties. The Barabási – Albert model [2] is a random network model used to demonstrate a preferential attachment or a «rich-get-richer» effect (see also [1]).

A successful social network model is that of Galams' [4]. Their work focuses on the dynamics of group decision making and how minority opinions can influence public opinion.

Bipolarity, e. g. Western «democracy» vs Eastern «administrative command system», has a parallel with the title of the present paper: while networks correspond to democracy, worldlines are hierarchic. Funding of science is an example: centralised, vertical hierarchic funding, typical of the ex-Soviet Union is opposite to the horizontal system of grants, based on unbiased peer referees system (network!), provided it is free of corruption and conflicts (coincidence, correlation) of interests.

Networks are widely used in estimating citation indices, that became important in scientometrics in deciding about the financial support of a researcher,

group or institution. A citation network is a kind of social network that can be represented as a direct graph with nodes representing papers P_1, \dots, P_n and edges $e(P_i, \dots, P_j)$ between two nodes P_i and P_j denoting a co-citation relationship [5], when the paper P_i cites paper P_j . The number of citations of scientific articles is becoming one of the most important measures of scientific impact and quality. Hence, the authors are trying to obtain as many citations as possible for their works by creating corrupted citation cartels, where members cite each other in order to increase their own number of citations.

Besides the structure of interactions within the networks, of interest is also the interaction between networks. This aspect was studied in [6].

As repeatedly emphasised, we combine ascending (arrow of time!) worldlines with horizontal networks. Symmetries with respect to space P , time t and charge conjugation C and their combinations play an important role in the microworld. In a fantastic scenario, such symmetries may be used in sociophysics as well. A simple example of such synthesis is shown in fig. 3, where the horizontal lines (marriage) on the right margin are hinted. They will be discussed in more details in subsec. 4, referring to Hall's marriage theorem.

Music is a symbiosis of horizontal networks and vertical worldlines (evolution with time): while harmony (key, chord, orchestration) is horizontal, melody and rhythm correspond to vertical evolution along the time arrow. The merge of the two produces *symphony*. Plastic art, painting, architecture and photo-art are kind of «frozen music».

3. Binary systems (dyads, dipoles, biparticle graphs). In this subsection I specify the notion of binary systems. They may imply individuals, families, companies, countries, nations. Binary system (see fig. 5) forms the basis of further generalisations to «manybody» systems, big numbers, collective phenomena etc.

With dynamical equilibrium in mind, I rely on models of binary interactions known in physics. In the microworld (e. g. in the «standard theory» of basic, i. e. electro-weak and strong interactions), stable are systems formed by two elementary constituents of opposite charge, as in the hydrogen atom, made of an electron and a proton or in a meson, made of a quark and antiquark. Quarks are bound by strings forming dipoles in mesons or triangles (or «Mercedes» stars) in baryons. Different is gravitation where all massive objects attract but do not repel, there is no «antigravity»!

The emergence and evolution of coupling in a binary system is an essential ingredient in our analysis. It depends on many factors: internal motivation, external influence and many more. Three types of motivations may induce two-body correlations:

- *confounding*. A motivation for correlation between actions of adjacent agents in a social network is external influence from elements in the environment. Mathematically, this means that there is a confounding variable X , and both the network G and the set of

active individuals W come from distributions correlated with X . This is in contrast with the influence model, defined below;

- *influence*. An obvious explanation for social correlation is social influence. Mathematically, this can be modelled as follows: first, the graph G is drawn according to some distribution. Then, in each of the time steps $1, \dots, t$, each non-active agent decides whether to become active. The probability of becoming active for each agent u is a function $p(x)$ of the number x of other agents v that have an edge to u and are already active;

- *homophile*. The third and the most obvious tendency of individuals to choose partners is based on similarity of characteristics (homophile, see subsection «Conclusions, perspectives and open questions»). It leads to correlation between the actions of adjacent nodes in a social network. Mathematically, the set W of active nodes is first selected according to some distribution, and then the graph G is picked from a distribution that depends on W .

3.1. Measuring social correlations. Social correlation is a well-known phenomenon. Formally, this means that for two nodes u and v that are adjacent in G , the events that u becomes active is correlated with v becoming active. There are three primary explanations for this phenomenon: homophile, the environment (or confounding factors), and social influence. A logistic function with the logarithm of the number of friends as the explanatory variable provides a good fit for the probability. Therefore, one uses the logistic function with this variable, that is, one estimates the probability $p(\alpha)$ of activation for an agent with a already-active partner as follows:

$$p(\alpha) = \frac{e^{\alpha \ln(\alpha+1) + \beta}}{1 + e^{\alpha \ln(\alpha+1) + \beta}},$$

where α and β are parameters. The parameter α measures social correlation: a large value of β indicates a large degree of correlation.

4. Supply and demand, optimal pairing. Optimisation of marriages is a popular exercises in network theory, especially that «marriage» may imply variants. Huge literature exists on the subject (see [25–28]).

A popular model is based on the so-called Hall's marriage theorem [27] resulting from the combinatorics that specifies distinct elements to be chosen from

overlapping finite sets of elements. It is equivalent to several theorems in combinatorics, including that of R. P. Dilworth [28]. The name comes from an application to matchmaking, given a list of potential matches among an equal number of brides and grooms. The theorem gives a necessary and sufficient condition on the list for everyone to be married to an optimal match. Also, this is an example of the efficiency of the social networks.

4.1. Application to marriage, business partners etc. Suppose there is a certain number of women and men wanting to get married to someone of the opposite sex. Suppose that the women each have a list of the men they would like to marry, and that every man would like to marry any woman who is happy to marry him, and that each person can only have one spouse.

The best known mathematical result is Hall's marriage theorem [27]. It says that men and womenfolk can all be paired iff the following marriage condition holds: if in any group of women, the total number of men who are acceptable to at least one of the women in the group is greater than or equal to the size of the group.

It is clear that this condition is a necessary one. Hall's marriage theorem says that it is also sufficient.

This is a wide and popular subject, related to different areas of life, not only marriage but also employment, business, education, social relations. It is also a typical market problem of optimising supply and demand. Below we illustrate the problem by a simple example of optimising the employment of four students in four universities. The procedure may be applied in many areas, including marriage, of course.

Let us have four post-doctoral candidates, call them Peter, Paul, Juan and Maria, aspiring to best universities, and assume there are four prominent universities, say those of Padova, Heidelberg, Oxford and Kiev, opening exactly the same number of post-doctoral positions or scholarships, one position in each. The students are not of equal capacity. The universities obviously want the best among the students, while the students do not care too much about the choice.

In fig. 6, the students are on the top and the universities are at the bottom. A student and a university are connected if the university wants to have that student. For example, Kyiv will invite any student, so it is connected with all four applicants, as shown in fig. 6, left panel.

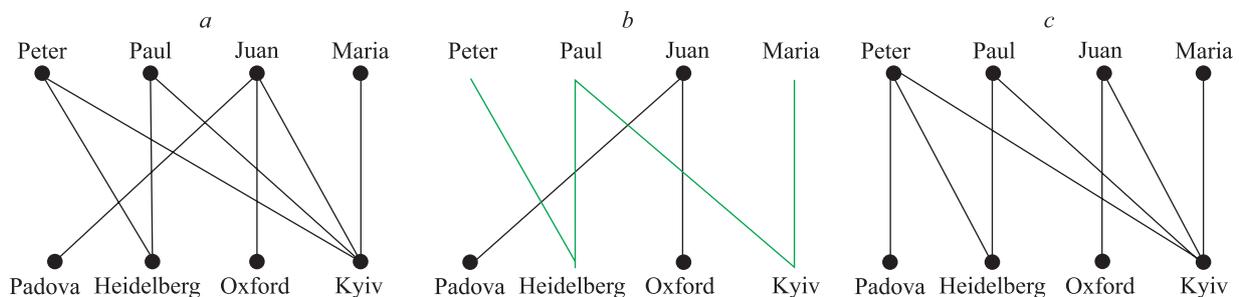

Fig. 6. Visualising Hall's «marriage theorem» (demand vs supply) (a – c)

Hall's theorem suggests the following optimal matching: suppose F is a bipartite graph (A, B) . There is matching covering A iff for every subset $X \subseteq A$, $N(X) \geq |X|$, where $N(X)$ is the number of neighbours of X .

Let us illustrate Hall's condition in the following way: for a set of n universities denote by m the number of students that at least one of these universities want to have. If $m > n$ for every list of universities, than a matching is possible. Otherwise it is not.

In fig. 6, middle panel highlights two universities (Padova and Oxford), but only one student, Juan is wanted by either one. Thus, since $1 < 2$, the matching fails. A solution: suppose Padova University's Council will invite Peter instead. Then matching is successful and every student gets a position.

Generally speaking, the number of students and positions does not need to be equal. If, for example, there are 10 students and 4 positions, and one wishes to fill every position, one can still use Hall's theorem, however in this case not every student will be granted a position.

As argued by Barabási [2], this problem has much in common with matching optimally the supply and demand. For example, it works when there is a certain number of postgraduate students applying for a position at a company (university etc.) and that company (university etc.) has a finite number of vacancies to be filled by best postgraduate students (see also [25]).

In what follows we will be interested in the relations a couple of opposite sex. In general, «sex» refers to the biological differences between males and females, such as the genitalia and genetic differences. «Gender» is more difficult to define, but it can refer to the role of a male or female in society, known as a gender role, or an individual's concept of themselves, or gender identity.

5. Conjugal life. In this subsection I investigate the creation and evolution of a family, a married couple – nucleus of any society.

Marriage is usually preceded by a period of «pairing», i. e. search for the optimal partner (see subsec. 4).

I consider several scenarios illustrating conjugal life (many more are credible!). The dynamics $V(r, t)$ of the couples' life will be shown as function of two variables – distance between the actors r and time t as well as their «worldline» (actually, a two-dimensional curved string and band) embedded (living in) a three-dimensional space-time world (see subsec. 1).

In the following subsection we apply the successful model of inter-particle interactions known in high-energy physics, based on the so-called Cornell potential [29]. In subsection 5.1 we use several empirical functions to model the conjugal life. Many more options are possible, e. g. those attached to milestones in couples' life, taken from the treasury of world art and literature (see appendix B).

5.1. Toy model. In physics, the interaction between two charged particles, e. g. quarks, gluons, is well described by the so-called Cornell potential [29], balancing between attraction at large distances r and repulsion at short distances:

$$V(r) = ar - \frac{b}{r},$$

where a and b are parameters. I apply this model to a married couple, extending it by introducing time dependence in a and b , different for the partners, $a \rightarrow a_m(t) + a_f(t)$ and $b \rightarrow b_m(t) + b_f(t)$. Also, I add a background term $c(t)$ accounting for any external influence. Thus, the potential becomes

$$V(r, t) = [a_m(t) + a_f(t)]r - \frac{[b_m(t) + b_f(t)]}{r} + c(t). \quad (1)$$

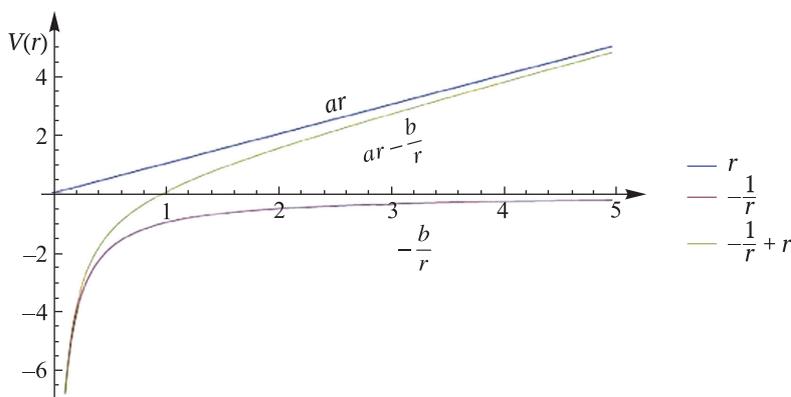

Fig. 7. Conjugal relations following the «Cornell» potential equation (1) with time-independent (for the moment) parameters a and b

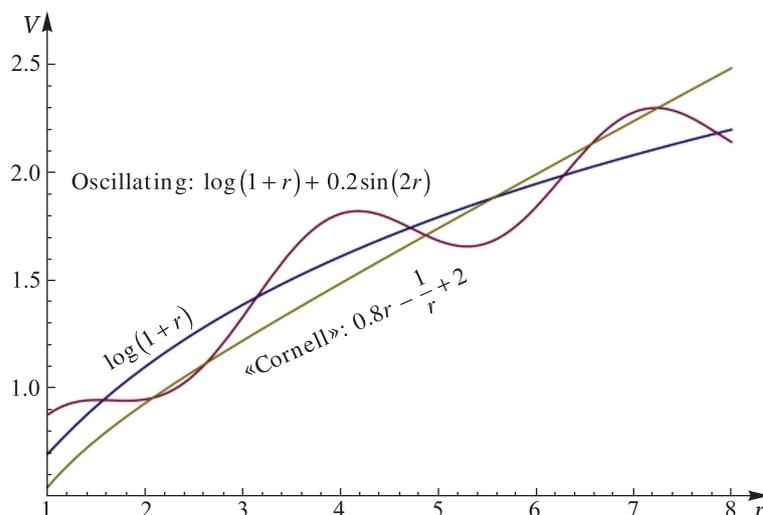

Fig. 8. Simple (and optimistic) trends in conjugal relations.

The Cornell model closely follows logarithmic rise.

Such a monotonic behaviour may be perturbed by small oscillations as in the «Swedish family» of a 1973 TV miniseries written and directed by Ingmar Bergman, starring Liv Ullmann and Erland Josephson.

Their matrimony is a sequence of attraction and repulsion caused by a mixture of common intellectual interests, sex, frustration etc., that may be described by a sinusoid, depending both on distance r and time t .

Pessimistic scenarios, i. e. those with degrading or interrupted and ruined relations are not considered here

The interaction between individuals, similar to physics, is a function of the internal (inherent) properties of the individuals and their interrelation, both depending on time and relative distance.

To be specific, below I concentrate on the basic binary systems, formed by a male and female. My choice is motivated by (i) the importance of the family as the basic cell in any society; (ii) similarity with the physical world: attraction between opposite (electric or magnetic) «charges» and repulsion between like charges.

The above model is only an approximation to reality: manifestation of masculine or feminine characters, respectively by men and womenfolk is not as unique as for electric or magnetic charges. Even within traditional sexual relations, men may be endowed with feminine features and vice versa. By this I mean psychology, not physiology (biology). (I avoid the delicate and disgusting subject of «erroneous» inborn gender and its correction («repair») by surgical intervention, popular in certain media.) I mean something simple and obvious: opposite characters attract thus compensating something they are short of; usually we avoid and reject what we dislike in ourselves, or we miss. Passive males usually chose an active female and vice versa. This «compensation mechanism» in human relations was subject of numerous studies (see [30]).

The variety of tempers of the individuals (encoded in a and b) may be modelled by replacing their sum with

$$A = \lambda a + (1 - \lambda)b, \quad (2)$$

where λ is a measure of masculinity (or, symmetrically, femininity), varying between 0 and 1. This formula

accounts for complementarity, important in balancing attraction and repulsion, assuming that a and b correspond to opposite (or at least different) tempers (see [30]). As noted, a balanced couple is that where the partners compensates the shortage or excess of their inborn qualities (egoism-altruism, openness-insularity, optimism-pessimism, practicality-dreaminess etc.). The equilibrium may be regulated by the parameter λ in equation 2. Available literature (see appendixes, subsection «Conclusion, perspectives and open questions»), folklore and daily observations offers innumerable examples of binary relations as functions of time and space.

Figures 8–10 illustrate scenarios of a couple's life. Note an interesting phenomenon, known in the microworld, and related to repulsive forces at small distances r known as *fall to the center* or *ultraviolet divergence*. The problem was extensively studied in relativistic quantum field theory, and cured by *renormalisation technique* [31]. A popular review can be found e. g. in work [32]. In a similar way, two persons (here a married couple), lean towards each other up to a certain (critical) distance corresponding to $V(r) = 0$ in fig. 8. This is understandable: each human being has his own innermost «privacy territory», closed to external intervention. This limit is «case-dependent», but it necessarily exists! Violated, i. e. penetrated by an outsider (intruder), the core or sole may be damaged and the individual may loose his or her *ego*. This is similar to the materialistic microword: a particle looses its identity if an external agent penetrates the barrier of critical repulsion (see [32]).

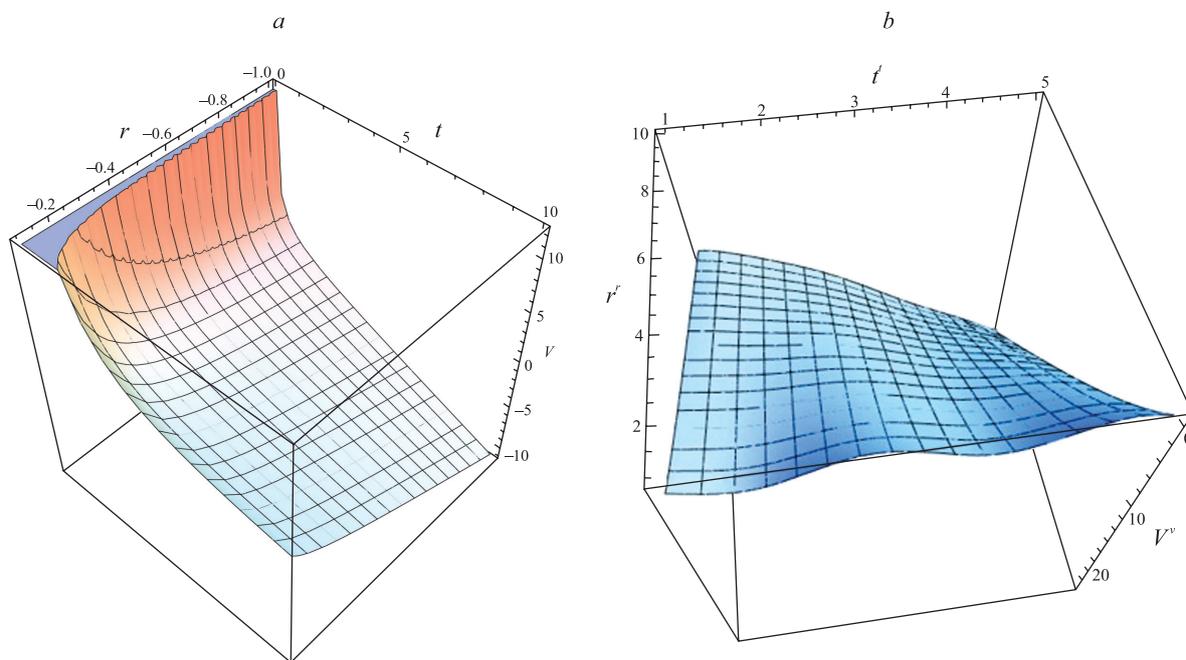

Fig. 9. Two-dimensional plots of fig. 7 and 8 are generalised to 3D by introducing (a, b) , apart from distance, also time dependence of the parameters $a \rightarrow a(t)$, $b \rightarrow b(t)$ and $c \rightarrow c(t)$ (the right-hand icon shows also mild oscillations with time (see fig. 8))

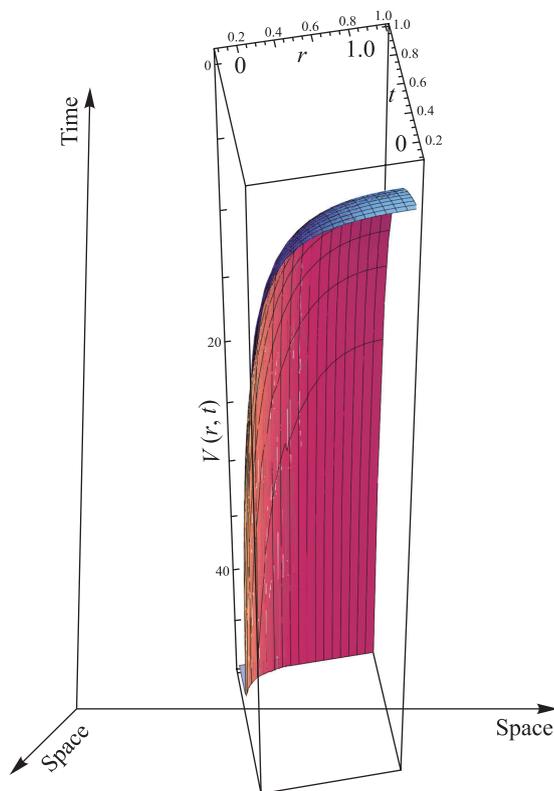

Fig. 10. Rescaled surface of a brane (fig. 9, a) embedded in an external coordinate system (x, y, t) , and living there string-like, the string's elements (here, a married couple, labelled with m and f) interacting continuously, sweeping a strip-like world-sheet (brane), living in (embedded in) the external coordinate system (external three-dimensional space-time (see fig. 2 and 3)). The scales are proper time and distance, t and r of the couple, as well as those of the external coordinates, x, y, t are arbitrary, compatible with human life

5.2. Units and scales. In moving from the material («body») to the spiritual («soul») world, we are facing the delicate problem of units, indispensable in natural sciences. Without going into details, let me only mention three options: classification of quantitative notions, comparative ones and quantitative, called also metric (contrary to the previous two, defined as «topological»). Let us try to be «metric» as far as possible, relying on the dominant logical, causal rather than chaotic behaviour of people. Causality implies that any effect is preceded (caused) by its cause. However, any physical action, including mechanical motion to large extent is induced by emotions, motivation. In other words, a *measurable* action, may be related or reduced, in some non-trivial way to or derived from accompanying emotions.

The toy model of subsection 5.1 is an attempt to do so: translate («materialize») feeling by using a familiar coordinate system. The linear dependence on r may be replaced by more complicated functions, but the above «Cornell» form is a convenient way to demonstrate the idea. By choosing a, b, r, t as variables, we must define their dimensions as well as that of the «potential» $V(a, b, r, t)$. While the dimensions of r

(distance) and t (time) are obvious (e. g., meters and seconds), the intensity of «feelings», a and b , are to be defined. A new unit may be introduced. In choosing the scale one may follow the definition of temperature, scaled to boiling and freezing points. For example, set 100 degrees as the upper («boiling») value of $V(r, t)$ (marriage) and 0 as the «freezing» point, e. g. associated with separation (divorce etc.). Actually, it is common to characterise feelings using «thermal» vocabulary, ranging from frozen relations (0 degrees), though cold, cool, warm, hot relations, arriving to boil (blow up) at 100 degrees.

In this subsection we have set down a framework admitting various dynamical inputs, visualised by simple semi-quantitative examples. Common is the start: a marriage occurs when two individuals decide to connect their worldlines. The subsequent evolution may follow different avenues. The predictive power of our formalism depends on the dynamics fed in. The main source of information comes from observations (empiric), literature, inspiration etc. Common and definite are the «initial conditions»: people marry when they prefer to live together rather than separately: attraction dominates over repulsion.

Conclusions, perspectives and open questions

In this paper I attempted the almost impossible: to combine irrational and in-deterministic human behaviour with rational and deterministic laws of physics. The conclusion of this study are manifold. Reproducing worldlines of known people extended by relevant social network and genealogy, given the huge amount of «data» in the literature, is more than just amusing entertainment: it is instructive and useful not only for history but also as a check of the method presented in this paper, evolving towards useful applications and predictions.

Interesting is the next step involving multiply interacting networks fitted to more than two actors. In any case, understanding binary systems is indispensable to progress towards more complex collective systems including possible critical phenomena, with phase transitions in social systems. Van der Waals forces and the relevant equation, similarly to binary systems discussed in subsec. 5 are based on attraction and repulsion between the constituents, offering many possibilities of their application in sociophysics. Simple semi-quantitative examples (fig. 7–10) are meant merely to illustrate the basic ideas.

Promising are studies of an increasing number of worldlines and tubes, including continuum (merge of worldlines). With the advent of computational and storage capacities, infinitely large manifolds of worldlines, coming close and interacting multiply, evolving towards a continuous three-dimensional bulk of world history, parameterised numerically of by phenomenological models. Modern computing and sto-

rage capacities offer perspectives to handle the interaction of large numbers of encoded world sheets.

In studying the behaviour of a large number of individuals one faces two kinds of hierarchic systems: totally hierarchic (vertical, as in a worldline) and completely democratic (horizontal networks) systems. The real world is a mixtures of two.

The above-mentioned bipolarity (Western «democracy» vs Eastern «administrative command system») has a parallel with the title of the present paper: while (horizontal) *networks* correspond to democracy, (vertical) *worldlines* are hierarchic.

In perspectives, worldlines may play an important role in descriptive history. By this I mean a panoramic view of the evolution of the society, including worldlines of individuals and groups, societies etc., as well as their interaction or intersection at various levels and forms. Realisation of such a huge «bank of worldlines» technically was incredible in the past, but now, with the advent huge computation and storage capacities, it may be realised.

The fate of an ethnic and linguistic minorities in alien environment may be modelled by a drop of oil in water. Chances for its survival or assimilation (by solution) depends on its homogeneity and surface tension of the drop and aggression of the medium, the surrounding liquid. The theory of percolation may mimic contacts and flow across borders. We intend to study these phenomenon with applications to familiar examples of big diaspora: Armenian, Russian, Jewish, Chinese, Hungarian, Spanish etc.

Appendix A

Types and dimensions of homophile

Baseline vs inbreeding. One distinguishes between baseline homophile and inbreeding homophile. The former is the amount of homophile that would be expected by chance given an existing uneven distribution of people with varying characteristics, and the second is the amount of homophile over and above the expected value [33].

Status vs value. Different are the status homophile and value homophile: individuals with similar social status characteristics are more likely to associate with each other than by chance. «Status» includes both ascribed characteristics like race, ethnicity, sex, and age. In contrast, value homophile involves association with others who think in similar ways.

Race and ethnicity. Social networks may be affected by race and ethnicity, which account for the greatest proportion of inbreeding homophile. Smaller groups have lower diversity simply due to the number of members, and this tends to give racial and ethnic minority groups a higher baseline homophile.

Sex and gender. As to sex and gender, baseline homophile of networks is relatively low compared to race and ethnicity. Men and women frequently live together, and are both large and equally-sized populations.

Age. Most age homophile is of the baseline type. For example, the larger age gap someone had, the smaller chances that they were confided by others with lower ages.

Religion. Homophile based on religion is due to both baseline homophile and inbreeding.

Education, occupation and social class. Parents account for considerable baseline homophile with respect to education, occupation, and social class.

Appendix B

Marriage quotes, aphorisms

Literature and folklore offer an inexhaustible source to guide empirical worldlines (see subsec. 5.1). Below is a short selection of aphorisms. Many more were collected and commented by Leo Tolstoy (see [34]).

All marriages are successful. Difficulties begin when living together begins.

Françoise Sagan

Les mariages se font dans les cieux.

Leo Tolstoy. War and piece

All happy families are alike, each unhappy family is unhappy in its own way.

Leo Tolstoy. Anna Karenina

Separation for love is the same as the wind for fire: it extinguishes a small love, and inflates a large one even more.

Aleksandr Kuprin

If the couple did not live together, successful marriages would occur more often.

Friedrich Wilhelm Nietzsche

Marriages are made in heaven, but they do not care that they are successful.

Maria Ebner von Eschenbach

Out of sight, out of mind.

Far from eye, far from heart.

It's one step from love to hatred.

Folklore

Appendix C

Simple Wolfram Mathematica codes

For readers' convenience and easement, below we quote several simple Wolfram Mathematica codes used in subsec. 5.1, fig. 7–10. The toy models are intended merely to illustrate the idea, opening the way to more sophisticated applications.

Cornell conjugal

```
a1 = a2 = 1; b1 = b2 = 1; a11 = a1/t; a12 = a2/t; b11 = b1; t; b12 = b2*t; c1 = 0;
Plot3D[{- (a11 + a12)/r + (b11 + b12)r + c1}, {r, -0.1, -1}, {t, 0.1, 10}, AxesLabel -> {r, t, V},
BoxRatios -> {1, 1, 10}]
```

World sheet; hierarchic coordinates

```
a1 = a2 = 1; b1 = b2 = 1; a11 = a1*t; a12 = a2; b11 = b1; b12 = b2/t^(0.1); c1 = 0; Plot3D[{-0.1
(a11 + a12)r + 10 (b11 + b12)/r + c1}, {r, 2, 5}, {t, 5, 10}, AxesLabel -> {r, t, V}, BoxRatios ->
{1, 1, 1}]
```

Cornell3D.6

```
a1 = a2 = 1; b1 = b2 = 1;
a11 = a1*t; a12 = a2*Sin[3t]; b11 = b1*t; b12 = b2/t; c1 = 0;
Plot3D[{- (a11 + 2a12)/(r + 1) + 0.5(b11 + b12) r + c1}, {r, 1, 10}, {t, 1, 5}, BoxRatios -> {1, 1, 1},
AxesLabel -> {"r", "t", "v"}]
```

```
c = 0; a = 1; b = 1; f1 = a*r; f2 = -b/r; f3 = f1 + f2 + c; Plot[{f1, f2, f3}, {r, 0, 5},
PlotLegends -> "Expressions"]
```

Библиографические ссылки

1. Buchanan M. *Social atom: why the rich get richer, cheaters get caught, and your neighbor usually looks like you*. New York: Bloomsbury Publishing PLC; 2007. 265 p.
2. Albert R, Barabási A-L. Statistical mechanics of complex networks. *Reviews of Modern Physics*. 2002;74(1):47–97. DOI: 10.1103/RevModPhys.74.47.
3. Lovász L, Plumer MD. *Matching Theory*. Amsterdam: North Holland; 1986. 543 p. Co-published by the «Akadémiai Kiadó». (North-Holland mathematics studies; volume 121).
4. Galam S. Sociophysics: a review of Galam models. *International Journal of Modern Physics C*. 2008;19(3):409–440. DOI: 10.1142/S0129183108012297.
5. Iztok F Jr, Iztok F, Perc M. Towards the discovery of citation cartels in citation networks. *Frontiers in Physics*. 2016;4:49. DOI: 10.3389/fphy.2016.00049.
6. Wang Zhen, Szolnoki A, Perc M. Interdependent network reciprocity in evolutionary games. *Scientific Reports*. 2013;3:1183. DOI: 10.1038/srep01183.
7. Kulakowski K. *Around the gap between sociophysics and sociology* [Internet]. 2007 [cited 2008 December 10]. Available from: <https://arxiv.org/pdf/0711.2880.pdf>.
8. Putnam RD. *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. 1st edition. New York: Simon & Schuster; 2001. 544 p.
9. Parallelism, Psychophysical. In: Gwinn RP. *Encyclopædia Britannica. Volume 20*. 11th edition. New York: Cambridge University Press; 1911. p. 762.
10. Olds J, Milner P. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain. *Journal of Comparative and Physiological Psychology*. 1954;47(6):419–427. DOI: 10.1037/h0058775.
11. Lorenz K. *Es redete mit Vieh, den Vögeln and den Fischen*. Wien: Buchgemeinschaft Donauland; 1949. 183 S.
12. Lorenz K. *So kam der Mensch auf den Hund*. Wien: Borotha-Schöler; 1949. 234 S.
13. Толстой Л. Отец Сергей. В: Толстой Л. *Полное собрание сочинений. Том 31*. Москва: Художественная литература; 1954. с. 5–47.
14. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Riga: Hartknoch; 1781. 856 S.
15. Franklin O. *World lines*. Texas: Epic Press; 2008. 216 p.
16. Аксёнов МС. *Нет смерти: новое учение о времени*. Изяславль: Типография З. А. Трахтенберга; 1918. 53 с.
17. Малькин ГБ. Русский философ Митрофан Аксёнов и теория относительности. *Успехи физических наук* [Интернет]. 2015 [процитировано 29 июля 2020 г.]. Доступно по: <https://ufn.ru/tribune/trib117.pdf>.
18. Barrow JD. Non-Euclidean newtonian cosmology. *Classical and Quantum Gravity*. 2020;37(12):125007. DOI: 10.1088/1361-6382/ab8437.
19. Jenkovszky L. From Euclid to BGL. *Ukrainian Journal of Physics*. 2019;64(11):977. DOI: 10.15407/ujpe64.11.977.
20. Gamow G. *My world line. An informal autobiograpy*. New York: Viking Press; 1979. 178 p.
21. Gurney K. *Introduction to neural networks*. London: UCL Press; 1997. 254 p.
22. König D. *Theory of finite and infinite graphs*. Cambridge: Birkhäuser Boston; 1990. 426 p. DOI: 10.1007/978-1-4684-8971-2.
23. Barthélemy M. Spatial networks. *Physics Reports*. 2011;499(1–3):1–101. DOI: 10.1016/j.physrep.2010.11.002.
24. Erdős P, Rényi A. On random graphs I. *Publicationes Mathematicae Debrecen*. 1959;6:290–297.
25. Knuth DE. *Stable marriage and its relation to other combinatorial problems: an introduction to the mathematical analysis of algorithms*. Providence: American Mathematical Society; 1997. 74 p. DOI: 10.1090/crpm/010. (CRM proceedings and lecture notes; volume 10).
26. Liu YY, Slotine JJ, Barabási AL. Controllability of complex networks. *Nature*. 2011;473(7346):167–173. DOI: 10.1038/nature10011.

27. Hall P. On representatives of subsets. *Journal of the London Mathematical Society*. 1935;s1-10(1):26–30. DOI: 10.1112/jlms/s1-10.37.26.
28. Dilworth RP. Decomposition theorem for partially ordered sets. *Annals of Mathematics*. 1950;51(1):161–166. DOI: 10.2307/1969503.
29. Quigg C, Rosner JL. Quarkonium level spacings. *Physics Letters B*. 1977;71(1):153–157. DOI: 10.1016/0370-2693(77)90765-1.
30. Weininger O. *Geschlecht und Charakter*. Wien: Braumüller; 1920. 599 p.
31. Боголюбов НН. Уравнения в вариациях квантовой теории поля. *Доклады Академии наук СССР*. 1952;82(2): 217–220.
32. Косяков БП. О физическом смысле перенормируемости. *Физика элементарных частиц и атомного ядра*. 2001;32(4):909–945.
33. McPherson M, Smith-Lovin L, Cook JM. Birds of a feather: homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*. 2001;27(1):415–444. DOI: 10.1146/annurev.soc.27.1.415.
34. Толстой Л. *Полное собрание сочинений. Том 39*. Москва: Художественная литература; 1956. 299 с.

References

1. Buchanan M. *Social atom: why the rich get richer, cheaters get caught, and your neighbor usually looks like you*. New York: Bloomsbury Publishing PLC; 2007. 265 p.
2. Albert R, Barabási A-L. Statistical mechanics of complex networks. *Reviews of Modern Physics*. 2002;74(1):47–97. DOI: 10.1103/RevModPhys.74.47.
3. Lovász L, Plumer MD. *Matching Theory*. Amsterdam: North Holland; 1986. 543 p. Co-published by the «Akadémiai Kiadó». (North-Holland mathematics studies; volume 121).
4. Galam S. Sociophysics: a review of Galam models. *International Journal of Modern Physics C*. 2008;19(3):409–440. DOI: 10.1142/S0129183108012297.
5. Iztok F Jr, Iztok F, Perc M. Towards the discovery of citation cartels in citation networks. *Frontiers in Physics*. 2016;4:49. DOI: 10.3389/fphy.2016.00049.
6. Wang Zhen, Szolnoki A, Perc M. Interdependent network reciprocity in evolutionary games. *Scientific Reports*. 2013;3:1183. DOI: 10.1038/srep01183.
7. Kulakowski K. *Around the gap between sociophysics and sociology* [Internet]. 2007 [cited 2008 December 10]. Available from: <https://arxiv.org/pdf/0711.2880.pdf>.
8. Putnam RD. *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. 1st edition. New York: Simon & Schuster; 2001. 544 p.
9. Parallelism, Psychophysical. In: Gwinn RP. *Encyclopædia Britannica. Volume 20*. 11th edition. New York: Cambridge University Press; 1911. p. 762.
10. Olds J, Milner P. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain. *Journal of Comparative and Physiological Psychology*. 1954;47(6):419–427. DOI: 10.1037/h0058775.
11. Lorenz K. *Es redete mit Vieh, den Vögeln und den Fischen*. Wien: Buchgemeinschaft Donauland; 1949. 183 S.
12. Lorenz K. *So kam der Mensch auf den Hund*. Wien: Borotha-Schöler; 1949. 234 S.
13. Tolstoy L. [Father Sergius]. In: Tolstoy L. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 31* [Complete collection of works. Volume 31]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1954. p. 5–47. Russian.
14. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Riga: Hartknoch. 1781. 856 S.
15. Franklin O. *World lines*. Texas: Epic Press; 2008. 216 p.
16. Aksionov MS. *Net smerti: novoe uchenie o vremeni* [No death: new studies about time]. Izyaslavl': Tipografiya Z. A. Trakhtenberga; 1918. 53 p.
17. Malykin GB. [Russian philosopher Mitrofan Aksionov and the theory of relativity]. *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Internet]. 2015 [cited 2020 July 29]. Available from: <https://ufn.ru/tribune/trib117.pdf>.
18. Barrow JD. Non-Euclidean newtonian cosmology. *Classical and Quantum Gravity*. 2020;37(12):125007. DOI: 10.1088/1361-6382/ab8437.
19. Jenkovszky L. From Euclid to BGL. *Ukrainian Journal of Physics*. 2019;64(11):977. DOI: 10.15407/ujpe64.11.977.
20. Gamow G. *My world line. An informal autobiography*. New York: Viking Press; 1979. 178 p.
21. Gurney K. *Introduction to neural networks*. London: UCL Press; 1997. 234 p.
22. König D. *Theory of finite and infinite graphs*. Cambridge: Birkhäuser Boston; 1990. 426 p. DOI: 10.1007/978-1-4684-8971-2.
23. Barthélemy M. Spatial networks. *Physics Reports*. 2011;499(1–3):1–101. DOI: 10.1016/j.physrep.2010.11.002.
24. Erdős P, Rényi A. On random graphs I. *Publicationes Mathematicae Debrecen*. 1959;6:290–297.
25. Knuth DE. *Stable marriage and its relation to other combinatorial problems: an introduction to the mathematical analysis of algorithms*. Providence: American Mathematical Society; 1997. 74 p. DOI: 10.1090/crmp/010. (CRM proceedings and lecture notes; volume 10).
26. Liu YY, Slotine JJ, Barabási AL. Controllability of complex networks. *Nature*. 2011;473(7346):167–173. DOI: 10.1038/nature10011.
27. Hall P. On representatives of subsets. *Journal of the London Mathematical Society*. 1935;s1-10(1):26–30. DOI: 10.1112/jlms/s1-10.37.26.
28. Dilworth RP. Decomposition theorem for partially ordered sets. *Annals of Mathematics*. 1950;51(1):161–166. DOI: 10.2307/1969503.
29. Quigg C, Rosner JL. Quarkonium level spacings. *Physics Letters B*. 1977;71(1):153–157. DOI: 10.1016/0370-2693(77)90765-1.
30. Weininger O. *Geschlecht und Charakter*. Wien: Braumüller; 1920. 599 p.

31. Bogolubov NN. [Variational equations of quantum field theory]. *Doklady Akademii nauk SSSR*. 1952;82(2):217–220. Russian.

32. Kosyakov BP. On the physical sense of renormalizability. *Fizika elementarnykh chastits i atomnogo yadra*. 2001;32(4):909–945. Russian.

33. McPherson M, Smith-Lovin L, Cook JM. Birds of a feather: homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*. 2001;27(1):415–444. DOI: 10.1146/annurev.soc.27.1.415.

34. Tolstoy L. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 39* [Complete collection of works. Volume 39]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1956. 299 p. Russian.

Received by editorial board 01.01.2021.

ВЕРИФИКАЦИЯ НЕОМАРКСИСТСКОГО КОНЦЕПТА ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛУПЕРИФЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ РОЛИ МИГРАЦИОННОГО ФАКТОРА)

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Неомарксистский мир-системный анализ был эффективным инструментом познания постколониального глобального порядка. Понятия «центр», «периферия» и «полупериферия» отражали зависимое развитие государств в глобальной капиталистической системе. Однако реалии всемирного развития конца XX в. потребовали от неомарксизма пересмотра жесткой привязки центропериферийного подхода к горизонтальному видению мира: глобализация вызвала массовые потоки мигрантов в высокоразвитые страны и постепенное стирание границ между центром и периферией. В неомарксизме был поставлен вопрос о способности капитализма сохранить центропериферийную организацию всеобщего разделения труда, а также воспроизвести центропериферийные отношения внутри государств центра путем включения иммигрантов в процесс сверхэксплуатации труда посредством скрытой политики неорасизма. Такая вертикальная организация центропериферийной модели мира, которая получила в неомарксизме название «двойственное общество», означала бы становление глобальной полупериферии. Цель статьи – верифицировать неомарксистский концепт глобальной полупериферии на примере роли миграционного фактора в ее становлении. В основу настоящей работы положены данные, предоставленные ООН, а также исследования с явно выраженным статистическим компонентом. По результатам проведенного анализа был сделан следующий вывод: неомарксистский концепт глобальной полупериферии не прошел верификацию актуальным эмпирическим материалом (на примере роли миграционного фактора). Имеющиеся статистические и аналитические данные не позволяют однозначно подтвердить неомарксистское положение о том, что мировой порядок под воздействием миграции трансформировался и функционирует в концептуальной модели двойственного общества. В планетарном измерении миграция не является определяющим фактором повсеместного становления и унификации двойственного способа эксплуатации труда внутри государств. Количественные данные по потоку мигрантов, сравнительные показатели по оплате труда в странах центра и степень концентрации доходов у отдельных групп населения в странах капиталистической системы констатируют, что мир по-прежнему в большей мере воспроизводится в горизонтальной центропериферийной модели. Таким образом, нет эмпирических оснований полагать, что глобальное двойственное общество возникло под воздействием миграционного фактора, равно как и глобальная полупериферия в рамках неомарксистского подхода Э. Балибара, И. Валлерстайна, М. Хардта и А. Негри.

Ключевые слова: неомарксизм; мир-системный анализ; глобальная полупериферия; миграция; иммигранты; глобальный порядок.

Образец цитирования:

Михайловский В.С. Верификация неомарксистского концепта глобальной полупериферии (на примере роли миграционного фактора). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;1:38–45. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-38-45>

For citation:

Mikhailouski VS. Verification of the neo-Marxist concept of global semi-periphery (on the example of the role of the migration factor). *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;1:38–45. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-38-45>

Автор:

Вадим Сергеевич Михайловский – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vadim S. Mikhailouski, PhD (political), docent; associate professor at the department of political science, faculty of law. mikhailouskivs@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-6988-2473>

VERIFICATION OF THE NEO-MARXIST CONCEPT OF GLOBAL SEMI-PERIPHERY (ON THE EXAMPLE OF THE ROLE OF THE MIGRATION FACTOR)

V. S. MIKHAILOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Neo-Marxism world-system analysis was an effective means of the understanding of the postcolonial global order. The concepts of «core», «periphery» and «semi-periphery» reflected the dependent development of states in the global capitalist system. Capitalism structured the global order in the classical Marxist dichotomy of exploiters and exploited which can be represented with various subjects (states, groups of states, territories) and which according to neo-Marxism can't disappear, because it reflects the essence of global antagonism. However, the realities of global development at the end of the 20th century demanded that neo-Marxism should reconsider the rigid link between the core-peripheral approach and the horizontal vision of the world: globalisation caused massive flows of migrants to highly developed countries and the gradual blurring of the boundaries between the core and periphery. There was the question in neo-Marxism which was about the ability of capitalism to preserve the core-peripheral organisation of the global division of labour. There was the idea that capitalism was able to reproduce core-periphery relations within the core states by including immigrants in the super-exploitation of labour through a covert policy of neo-racism. Such a vertical organisation of the core-peripheral model around the world, which was called dual society in neo-Marxism, would mean the formation of the global semi-periphery. The purpose of the article is to verify the neo-Marxist concept of the global semi-periphery using the example of the role of the migration factor in its formation. The study is based on UN data, as well as studies with a pronounced statistical component. According to the results of the study, it was concluded that the neo-Marxist concept of the global semi-periphery had not been verified by actual empirical material (on the example of the role of the migration factor). The available statistical and analytical data do not allow to totally confirm the neo-Marxist position that the global order under the influence of migration has been transformed and that it works in the conceptual model of a dual society. Globally, migration is not a determining factor in the widespread formation and unification of the dual method of labour exploitation within states. The quantitative data on the flow of migrants, comparative data on salaries in the countries of the core and the degree of concentration of income among certain groups of the population in the countries of the capitalist system state that the world is still largely reproduced in the horizontal core-peripheral model. Thus, there are no empirical grounds for stating the presence of a global dual society under the influence of the migration factor and consequently the presence of a global semi-periphery within the neo-Marxist approach of E. Balibar, I. Wallerstein, M. Hardt and A. Negri.

Keywords: neo-Marxism; world-system analysis; global semi-periphery; migration; immigrants; global order.

Введение

Изучение межгосударственных отношений и поиск закономерностей функционирования современного глобального порядка являются одними из значимых направлений неомарксизма. Обширные и многообразные неомарксистские исследования международной проблематики обобщены в *неомарксистскую теорию глобального порядка* [1]. Наибольший вклад в развитие этого направления неомарксизма внесли С. Амин, Э. Балибар, И. Валлерстайн, Т. дус Сантус, Р. Пребиш. Причиной появления неомарксистской теории глобального порядка стала потребность в понимании изменения мира в результате процесса деколонизации и активной модернизации государств во второй половине XX в.

Реалии международного постколониального порядка объективно требовали от неомарксистской мысли аналитического переосмысления прежних положений, т. е. преодоления марксистской абстракции «упрощенного “мирового рынка”» [2, с. 11]. Такое переосмысление впервые нашло свое отражение в разработке понятий «центр» («ядро»), «периферия», «полупериферия», которые исполь-

зовались как интеллектуальные инструменты для обозначения групп государств (регионов) в зависимости от уровня их развития и отражали структурное измерение глобального порядка. Согласно мир-системному подходу глобальность представляет собой историческую систему определенного типа, которая называется капитализмом. Как способ производства капитализм структурирует глобальный порядок в классической марксистской дихотомии эксплуататоров и эксплуатируемых. Она может быть представлена различными субъектами (государствами, группами государств, территориями), исчезнуть не может, так как отражает суть глобального антагонизма. Конкретное государственное наполнение центра, периферии, полупериферии может меняться по мере развития глобального порядка.

Центропериферийный подход определял мир в состоянии зависимого развития. Неомарксистский дискурс включает важное понятие «рост без развития», призванное отобразить состояние экономической и социально-политической систем государств, вписанных в международный капита-

листический порядок с определенными структурными функциями, в частности воспроизводство периферийного капитализма через сохранение условий неразвитости. Однако реалии глобального развития конца XX в. потребовали от неомарксизма пересмотра жесткой привязки центропериферийного подхода к горизонтальному видению мира. Э. Балибар отмечал, что «глобализация общественных отношений и перемещение населения в рамках системы национальных государств рано или поздно приведут к переосмыслению понятия “граница” и его расширению» [2, с. 38], т. е. глобализация вызвала массовые потоки мигрантов в высокоразвитые страны. Итак, в неомарксизме была обозначена проблема устойчивости капитализма при смешении (встрече) населения стран центра и периферии в рамках одного государства. Эту проблему Э. Балибар сформулировал как образование двойственного общества¹, которое в рамках глобального порядка представляет собой глобальную полупериферию [2, с. 209]. Об этом писал также И. Валлерстайн [3, с. 30].

Идея глобальной полупериферии была хорошо воспринята новым поколением неомарксистских теоретиков: М. Хардтом и А. Негри. Они, позиционируя себя в качестве исследователей постглобализации, описывали новый глобальный порядок как последствие не только предела капиталистической экспансии, но и глобальной мобильности масс.

По их мнению, «центр и периферия, Север и Юг более не определяют сущность международного порядка, смещаясь ближе друг к другу» [4, с. 313], но в результате глобализации «третий мир не исчез совсем... а стал частью первого мира, стал гетто, городом трущоб... Первый мир, в свою очередь, перешел в третий мир в форме бирж и банков, транснациональных корпораций и холодных небоскребов денег и управления» [4, с. 239].

Миграционный фактор в трансформации современного мира и в становлении капиталистического порядка как глобальной полупериферии был актуализирован М. Хардтом и А. Негри в начале 2000-х гг. в работе «Империя». История начала XXI в. убедительно показала актуальность миграционного фактора в развитии современности. Однако соответствует ли нынешняя реальность неомарксистским теоретическим представлениям? Действительно ли миграционный фактор определил становление современного глобального порядка как мировой полупериферии?

Цель статьи – верифицировать неомарксистский концепт глобальной полупериферии на примере роли миграционного фактора в ее становлении (далее – концепт глобальной полупериферии), который является авторским обобщением неомарксистского дискурса по вопросам миграции в рамках проблематики трансформации глобального капиталистического порядка.

Теоретические основы

Для реализации поставленной цели были использованы парадигмально неангажированные данные по международной миграции и эксплуатации труда, а также данные, предоставленные ООН, и исследования с явно выраженным статистическим компонентом: «Международная миграция, этническая принадлежность и экономическое

неравенство» немецких исследователей М. Каханека и К. Ф. Циммермана [7], «Глобальное неравенство в оплате труда и международный поток мигрантов» американского ученого М. Р. Росензвейга [10], «Вызывает ли миграция неравенство доходов?» американских исследователей П. М. Оррениуса и М. Заводны [11].

Результаты и их обсуждение

Актуальность концепта глобальной полупериферии может быть верифицирована на основании информации, предоставленной Порталом глобальных данных о миграции (*Migration Data Portal*)². С помощью одной из опций портала можно отследить общее число международных мигрантов, присутствующих в какой-либо стране в определенный момент времени как в абсолютном, так и в относи-

тельном (процентном) измерении. По данным на 18 сентября 2019 г., доля мигрантов (всех иностранных граждан, проживающих в стране, независимо от того, когда они въехали в нее) в мире составляла 3,5 % от общего количества населения. По регионам статистика следующая: Америка – 8,9 %, Европа – 11, Океания – 21,2, Азия – 1,8, Африка – 2 %. Если верифицировать концепт глобальной полу-

¹В раннем переводе книги используется категория «дуальное общество» (см.: Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, 2003. 272 с.).

²Портал глобальных данных о миграции – это одна из многих организаций, которая занимается сбором и обработкой информации о глобальных и региональных миграционных процессах. Портал поддерживается Центром Международной организации по миграции по анализу глобальных данных о миграции. ООН оценивает портал как уникальный источник исчерпывающей и актуальной информации в этой области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/> (дата обращения: 20.12.2020); Вся статистическая информация, использованная и приведенная в тексте раздела, взята с официального сайта Портала глобальных данных о миграции [Электронный ресурс]. URL: <https://migrationdataportal.org> (дата обращения: 20.12.2020).

периферии приведенными показателями, то следует сказать, что он не соответствует объективной реальности: доля мигрантов в структуре мирового населения не позволяет констатировать глобальное двойственное общество. Однако для реализации цели настоящей статьи использованные данные не являются валидными, поскольку не учитываются определенные положения неомарксистской теории.

В рамках мир-системного подхода вводились понятия «центр», «периферия», «полупериферия» как структурно-территориальные отражения способов эксплуатации труда и категории экономического анализа. Они были привязаны к классовому характеру конфликтов, возникающих на почве различных способов присвоения прибавочной стоимости в рамках функционирования мирового капитализма [2, с. 146]. Двойственное общество – это в первую очередь концептуальная модель двух стратегий эксплуатации в пределах одного государства: капиталистической (осуществляется через заработную плату и массовое потребление) и докапиталистической (связана с расовой дискриминацией) [2, с. 210]. Для Э. Балибара и И. Валлерстайна было важно понять, каким образом капитализм, направленный на увеличение накопления средств и требующий включения в капиталистическое производство всей рабочей силы с одновременным минимизированием ее стоимости, преодолевает постоянную угрозу нестабильности. По мнению ученых, это достигается посредством расизма, или, другими словами, ««этнизацией» рабочей силы» (неорасизмом) [2, с. 47]. Также И. Валлерстайн утверждал, что «этничность или же институт национальности разрешает одно из основных (базовых) противоречий капитализма – одновременное стремление к равенству в теории и неравенству на практике». Эта политика позволяет включить население стран третьего мира в мировое разделение труда исходя из структурных потребностей глобального воспроизводства капитализма. Так и обеспечивается легитимация «иерархической реальности капитализма» [2, с. 100]. Однако политика этнизации рабочей силы имеет значение не только для мирового капитализма, но и для отдельных государств. На национальном уровне неорасизм выполняет такие функции, как рекрутирование рабочей силы на невыгодные экономические позиции, социализация (исходя из текущих потребностей капиталистического порядка), а также служит базисом «для оправдания социального неравенства» [2, с. 46].

Концепция современного расизма (неорасизма) позволила неомарксистам заключить, что встреча в рамках одного государства двух форм эксплуатации необязательно приведет к замещению одной формы другой. Путем неорасизма капитализм способен воспроизвести центропериферийную структуру глобальной эксплуатации труда в рам-

ках отдельного государства – в этом заключается основная эвристика концептуальной модели двойственного общества Э. Балибара.

По мнению автора настоящей статьи, миграционные потоки населения как таковые не влияют на мир-системную трансформацию глобальности и автоматически не конституируют проблему встречи в едином государственном пространстве различных форм эксплуатации. Для капиталистического порядка всеобщая мобильность рабочей силы имеет значение только в том случае, если в результате миграционных процессов меняется глобальная структура эксплуатации труда. Однако сам факт присутствия иммигрантов в странах центра не отражает их эксплуатационный (экономический) статус. Если в странах периферии слабая правовая регуляция защиты труда способствует сверхэксплуатации труда, то в странах центра на трудовых мигрантов распространяется трудовое законодательство. По этой причине в странах центра двойственное общество может существовать только вне правового государства и особых оснований трудовой дискриминации, отличных от присутствующих в дискурсе публичной политики стран центра. Двойственное общество возникнет в странах центра только в том случае, если в отношении иммигрантов будет реализовываться политика скрытого расизма (неорасизма). Истоки и основные положения неомарксистской концепции неорасизма также были проанализированы [1]. Пребывание иммигрантов в стране центра не означает автоматической реализации политики неорасизма. Она конъюнктурна и в большей степени опирается на либеральные представления о жесткой конкурентной борьбе и предпринимательской выгоде, чем на исходные расистские убеждения о превосходстве и должной общественной иерархии. Этот тезис подтверждается статистикой доходов иммигрантов в странах центра (далее будет приведена в статье).

Более того, центр может появиться в периферии как итог классового разделения коренного населения в результате развития капиталистических отношений. Даже если принимать неоимпериалистический тезис неомарксизма о том, что основными эксплуататорами стран периферии являются страны центра, то можно сделать вывод: национальные адепты такой политики, работая на центр и получая преимущества от сложившейся ситуации зависимого развития, занимают место национальных эксплуататоров местного населения и привилегированных эксплуатируемых по отношению к внешним эксплуататорам. Таким образом, встреча в одном государстве двух способов эксплуатации возможна в странах периферии и без миграционного фактора, что не характерно для стран центра. Уровень развития капиталистических отношений в странах центра не позволяет моделировать ситуа-

цию возникновения сегментов сверхэксплуатации национальной рабочей силы. Такой сегмент может появиться только за счет внешнего привнесения труда в экономику и в рамках политики неорасизма. В этом случае в странах центра проблема встречи в одном государстве двух способов эксплуатации невозможна без миграционного фактора.

Несмотря на то что понятие эксплуатации труда связано в марксистской политэкономии с долей рабочего времени, которое собственник средств производства не оплачивает, эмпирическим выражением эксплуатации труда в неомарксистских исследованиях выступает в том числе и неравенство доходов. Отсюда возникает эвристический способ верификации неомарксизма – выявление глобальной полупериферии по критерию оплаты труда иммигрантов в странах центра (экономическому разрыву между коренным и приезжим населением) и по разрыву в доходах среди групп коренного населения в странах периферии и полупериферии.

Данные Всемирной организации труда³ (ООН) позволяют сравнить уровень дохода (в местной валюте) между коренным населением и иммигрантами. По данным всех представленных в списке государств, традиционно относящихся к странам центра (Австралия, Бельгия, Канада, Испания, Франция, Великобритания, Люксембург, Норвегия, США), за период 2010–2019 гг. в оплате труда был выявлен дисбаланс: в Бельгии и Великобритании – в пользу иммигрантов, в других странах – с выгодой для коренного населения. При этом самое большое расхождение в оплате труда между коренным населением и иммигрантами наблюдалось в Норвегии – около 15 %.

Несмотря на высокую достоверность данных Всемирной организации труда, приведенный источник все же не позволяет констатировать неравную оплату труда в странах центра по причине неорасизма. Неорасизм может использоваться в качестве трудовой дискриминации иммигрантов по этническим основаниям при прочих равных условиях. Однако необходимо учитывать тот факт, что неорасизм может применяться и к коренному населению. Так, И. И. Антонович пишет о поляризации американского общества по причине системного расизма, жертвами которого являются не иммигранты, а все афроамериканское население. Далее российский ученый заключает: «Общее настроение радикализма не дает возможности исследовать проблему межэтнических конфликтов на фоне современных миграционных процессов, которые обо-

строятся и ускоряются глобализацией» [5, с. 48]. Более того, приведенные ООН данные констатируют о среднем уровне ежемесячного дохода коренного жителя и иммигранта и не отражают уровень их квалификации. Например, в 2020 г. исследователи А. Адвани, Ф. Кoenig, Л. Пессина, А. Суммерс уточнили, что за последнее десятилетие в англоязычных странах «богатые стали богаче, а бедные – беднее». По выводам исследователей, в Великобритании богатые стали еще богаче за счет активного проникновения в их число высококвалифицированных иммигрантов: каждый третий из них является представителем наиболее обеспеченных слоев населения и лишь каждый шестой – самым малообеспеченным⁴. В связи с этим стоит согласиться с российским ученым Д. С. Григорьевым, указывающим на необходимость исследовать отношение к иммигрантам не только как к конкретной этнической группе, но и как к категории с соответствующим социоэкономическим статусом [6, с. 97].

Во многих научных исследованиях был поставлен вопрос о сверхэксплуатации иммигрантов в странах центра в привязке к уровню трудовой квалификации. Из работы М. Каханека и К. Ф. Циммермана можно заключить:

1) абсолютное большинство иммигрантов в странах центра улучшают свое финансовое положение по сравнению с местом их первичного проживания (периферия, полупериферия);

2) на рынке труда существуют два сценария ассимиляции иммигрантов. В случае иммиграции квалифицированной рабочей силы страны центра принимают людей «с сильным потенциалом на рынке труда, экономическими мотивами и желанием работать»⁵ [7, р. 5]. (Особенно это касается миграции высокоинтеллектуальной рабочей силы⁶.) Квалифицированные иммигранты на первичном (раннем) этапе ассимиляции временно занимают менее квалифицированные должности и получают более низкий заработок, чем местные жители. Однако со временем в рамках насыщения неквалифицированного труда квалифицированными работниками «снижается заработная плата квалифицированных людей и увеличивается заработная плата и занятость неквалифицированных». В итоге «“бедные” получают больше, а “богатые” – меньше... <...> ...Квалифицированная трудовая иммиграция имеет большой потенциал для сокращения неравенства в принимающих странах» [7, р. 15]. Подобный вывод был сделан еще в 1991 г. исследователями Дж. Б. Дэвисом и И. Уотном [8, р. 16].

³См.: База данных Всемирной организации труда, критерий поиска: «Mean nominal monthly earnings of employees by sex and place of birth» (https://www.ilo.org/shinyapps/bulkexplorer0/?lang=en&segment=indicator&id=SDG_0111_SEX_AGE_RT_A).

⁴Advani A., Koenig F., Pessina L. Importing inequality: immigration and the top 1 %. CEPR's policy portal [Electronic resource]. URL: <https://voxeu.org/article/immigration-and-top-1> (date of access: 04.01.2021).

⁵Здесь и далее перевод наш. – В. М.

⁶Дусь Ю. П. Воздействие миграции интеллектуалов на социально-экономическое развитие мир-системы : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.14. Омск, 2007. С. 45.

Приобретая недостающие навыки, иммигранты занимают должности, соответствующие своей квалификации, и, будучи изначально более мобильными и настроенными на конкуренцию, они не только «сближаются с местным уровнем заработка», но «зарабатывают больше, чем местное население» [7, р. 24];

3) второй сценарий ассимиляции иммигрантов на рынке труда связан с иммиграцией неквалифицированной рабочей силы. По сравнению с коренными жителями и иммигрантами, дольше находящимися в принимающей стране, новые неквалифицированные иммигранты имеют более высокий уровень безработицы. Также они не способствуют росту конкуренции ни в каком трудовом секторе. В результате «неквалифицированная иммиграция... в целом увеличивает неравенство» [7, р. 30]. Такой же вывод был сделан и исследователями П. Ху, Дж. Ц. Гарандом и Л. Жу [9].

Несмотря на то что умозаключения М. Каханека и К. Ф. Циммермана эмпирически обоснованы и совпадают с результатами других самостоятельных исследований, все же они не являются универсальными. Во-первых, исследователь М. Р. Росензвейг, опираясь на обширный эмпирический материал, пришел к обратному выводу: уровень образования работников не коррелирует с глобальным колебанием цен на квалификацию. Оплата труда зависит не от человеческого капитала работника, а от национальных цен на профессиональные навыки [10]⁷. Другими словами, заработок иммигранта в итоге будет определяться не его человеческим капиталом, а лишь установленной ценой на его работу.

Во-вторых, важным является исследование, которое отвергает вывод о том, что миграция в страны центра низкоквалифицированной рабочей силы увеличивает экономическое неравенство принимающих стран. Так, изучая влияние иммиграции на экономику США, исследователи П. М. Оррениус и М. Заводны подытожили, что низкоквалифицированная иммиграция воздействует не на американскую экономику, а на страны – отправители мигрантов, что связано с денежными переводами и итоговым снижением глобального неравенства [11].

В-третьих, в представленных выше работах предметом исследования была миграция как фактор экономического неравенства. Однако подтверждение зависимости между характером труда (иммигрировавший или коренным) и экономическим неравенством не доказывает определяющее значение этого фактора для капиталистического экономиче-

ского воспроизводства. Так, группа американских исследователей во главе с Г. Борясом, подтверждая иммиграционный фактор в экономическом расщеплении среди наименее низкоквалифицированных американских рабочих, заключила: «Иммиграция не оказывает последовательного, заметного влияния на экономические результаты региона; в подъемах и спадах экономики региона доминируют другие региональные факторы» [12, р. 2–3]. Исследователь А. Новрастэ выявил ряд эмпирических исследований, которые указывают на иммиграцию как незначительный фактор экономического воспроизводства США⁸.

Что касается дальнейшей верификации концепта миграционного фактора в становлении глобальной полупериферии – разрыва в доходах среди групп местного населения в странах периферии и полупериферии, то наши выводы также не подтверждают эвристику неомарксизма. Ниже приведена выборка по странам, традиционно включаемым в списки центропериферийного ранжирования, и по годам, доступным для анализа, где индекс Джини отражает степень концентрации доходов у отдельной группы населения (100 % означает абсолютную концентрацию национального дохода в руках одной группы населения):

- Боливия – 49,1 % (1992) и 42,2 % (2018); Нигерия – 38,7 % (1985) и 35,1 % (2018); Бангладеш – 25,9 % (1983) и 32,4 % (2016) (страны периферии);
- Бразилия – 58 % (1981) и 53,9 % (2018); Россия – 48,4 % (1993) и 37,5 % (2018), ЮАР – 59,3 % (1993) и 63 % (2014) (страны полупериферии).

Основываясь на представленных ООН данных (со ссылкой на оценки Всемирного банка)⁹, уровень экономического неравенства населения в странах периферии и полупериферии за последние десятилетия остается высоким, что характерно для описанного неомарксистами двойственного общества. Однако стабильность высоких показателей не позволяет связать эти данные с процессом трансформации глобального порядка. Даже если исходить из того, что двойственное общество – это полупериферийное общество и его глобальное становление означало бы приближение центра и периферии к показателям полупериферии, то индекс Джини все равно не подтверждает трансформационную динамику мира. Многолетние данные ООН констатируют, что стабильно высокий показатель индекса Джини характерен для стран полупериферии, стабильно средний – для стран периферии, стабильно низкий – для стран центра. Так, по данным на 2017 г., индекс Джини составляет для Австрии

⁷Работа М. Р. Росензвейга была направлена на опровержение «уравнения Минсера» – модели, согласно которой заработная плата прямо пропорционально зависит от образования и опыта работы.

⁸Nowrasteh A. Immigration and Economic Inequality. The Cato Institute [Electronic resource]. URL: <https://www.cato.org/blog/> (date of access: 04.01.2021).

⁹UNdata. A world of information [Electronic resource]. URL: https://data.un.org/Data.aspx?d=WDI&f=Indicator_Code%3AS1.POV.GINI#f_4 (date of access: 05.01.2021).

29,7 %, Дании – 28,7, Франции – 31,6, Швеции – 28,8 %. Заметным исключением являются США с показателем за 2016 г. 41,1 %. Представленные данные позволяют заключить, что если согласно неомарк-

сизму страны центра и периферии и трансформировались в сегмент глобальной полупериферии, то этот процесс существенно не повлиял на равномерность распределения национального дохода.

Выводы

Итак, в соответствии с приведенными исследованиями глобальной миграции и эксплуатации труда неомарксистский концепт глобальной полупериферии не прошел верификацию актуальным эмпирическим материалом на примере роли миграционного фактора в ее становлении. Имеющиеся статистические и аналитические данные не позволяют однозначно подтвердить неомарксистское положение о том, что глобальный порядок под воздействием миграции трансформировался и далее функционирует в концептуальной модели двойственного общества. В глобальном измерении миграция не является определяющим фактором повсеместного становления и унификации двойственного способа эксплуатации труда внутри государств. Количественные данные по потоку мигрантов, сравнительные показатели по оплате труда в странах центра и степень концентрации доходов у отдельных групп населения в странах капиталистической системы констатируют, что мир в большей мере воспроизводится в горизонтальной центропериферийной модели. Это касается и региональных особенностей. Так, по мнению российского исследователя М. А. Клупта, в Европе по-прежнему можно выделить центральные, полупериферийные и периферийные страны. При этом «миграционные потоки, увеличивая структурную и институциональную неоднородность европейского центра, не снимают различий между ним, полупериферией и периферией, а, напротив, способствуют их воспроизводству» [13, с. 65].

Таким образом, нет эмпирических оснований полагать, что глобальное двойственное общество возникло под воздействием миграционного фактора, как и глобальная полупериферия в рамках неомарксистского подхода Э. Балибара, И. Валлерстайна, М. Хардта и А. Негри.

Тем не менее проверка в отношении неомарксизма не означает, что концепт глобальной полупериферии является ложным. Несмотря на то что этот концепт не подтвердился в рамках верификации актуальным эмпирическим материалом, он все же является потенциально актуальным. В данном случае следует апеллировать к постпозитивистскому подходу к истинности знания – фальсифицируемости. Важно подчеркнуть, что интервал истины концепта глобальной полупериферии (эмпириче-

ские условия, при которых теоретическое знание будет отражать действительность) – это большой глобальный иммиграционный поток. Приведенные в настоящей статье исследования пронизывает одна идея: капитализм вписывает миграционный фактор в способ собственного стабильного воспроизводства (например, иммигранты замещают естественную убыль населения в странах центра¹⁰). Такая стабильность возможна по причине незначительного количественного потока мигрантов. По данным, предоставленным ООН за 2019 г., доля иммигрантов в Северной Америке и Европе колеблется на уровне 8–11 % от местного населения. Даже если использовать метод от обратного, то гипотетичная сверхэксплуатация этих иммигрантов не позволила бы констатировать существование в странах центра двойственного общества. Оно может развиваться при интенсивном количественном росте мигрантов, с массой которых структура капитализма не справится и будет вынуждена воспроизвести отношения центр – периферия в рамках отдельных государств.

Потенциальную актуальность неомарксистского концепта миграционного фактора в становлении глобальной полупериферии подтверждает климатический прогноз (сценарий)¹¹ развития глобальной миграционной ситуации. Так, американский исследователь К. Рогофф предвидит: «Миграционное давление заметно возрастет, если глобальное потепление развернется в соответствии с базовыми прогнозами климатологов. <...> Изменение погодных условий может тогда подпитывать миграцию в более богатые страны на уровне, который делает сегодняшний иммиграционный кризис тривиальным» [14]. Климатический сценарий нивелирует и указание П. М. Оррениуса и М. Заводны на то, что денежные потоки иммигрантов из стран центра в периферию сглаживают глобальное неравенство. В случае климатической миграции периферия исчезнет не только как экономическая территория, но и как социальное пространство. Тогда отмеченные неомарксизмом иммигрантские гетто в странах центра будут первостепенно определять демографическую и экономическую природу капитализма, а концепт миграционного фактора станет актуальным инструментом познания сформировавшейся глобальной полупериферии.

¹⁰World Population Prospects 2019: Highlights // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division [Electronic resource]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (date of access: 05.01.2021).

¹¹О других сценариях и прогнозах миграции см.: *Soht R. R., Tjaden J., Valk H.* The future of migration to Europe: a systematic review of the literature on migration scenarios and forecasts. 2020 [Electronic resource]. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/the-future-of-migration-to-europe.pdf> (date of access: 05.01.2021).

Библиографические ссылки

1. Михайловский ВС. *Политологический неомарксизм: история, методология, теория*. Минск: РИВШ; 2017. 204 с.
2. Балибар Э, Валлерстайн И. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. Никифоров О, Хицкий П, редакторы; Кефал А, Хицкий П, переводчики. Москва: Логос; 2004. 288 с.
3. Валлерстайн И. *После либерализма*. Кагарлицкий БЮ, редактор; Гурвиц ММ, Кудюкин ПМ, Феденко ПВ, переводчики. Москва: Едиториал УРСС; 2003. 256 с.
4. Хардт М, Негри А. *Империя*. Каменская ГВ, Фетисов МС, редакторы, переводчики. Москва: Праксис; 2004. 440 с.
5. Антонович ИИ. Системный расизм США и проблема поляризации общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:39–49. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-39-49.
6. Григорьев ДС. Проблемы концептуализации и операционализации отношения к иммигрантам в межстрановых сравнительных исследованиях. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:89–100. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-89-100.
7. Kahanec M, Zimmermann KF. *International migration, ethnicity and economic inequality*. Bonn: IZA Institute for the Study of Labor; 2008. [57 p.]. Discussion Paper No. 3450.
8. Davies JB, Wootton I. *Income Inequality and International Migration*. London: Centre for the Study of International Economic Relations, University of Western Ontario; 1991. [27 p.]. Report No. 9111.
9. Xu P, Garand JC, Zhu L. Imported Inequality? Immigration and income inequality in the American States. *State Politics & Policy Quarterly*. 2016;16(2):147–171. DOI: 10.1177/1532440015603814.
10. Rosenzweig MR. *Global Wage Inequality and the International Flow of Migrants*. New Haven: Economic Growth Center, Yale University Economic; 2010. [32 p.]. Center Discussion Paper No. 983.
11. Orrenius PM, Zavodny M. *Does Migration Cause Income Inequality?* Mexico: Mission Foods Texas-Mexico Center, Dedman College of Humanities and Sciences; 2018. [p. 16].
12. Borjas GJ, Freeman RB, Katz LF. How much do immigration and trade affect labor market outcomes? *Brookings Papers on Economic Activity*. 1997;1:1–90. DOI: 10.2307/2534701.
13. Клупт МА. Центр-периферийные отношения в Европе: демографический аспект. *Мировая экономика и международные отношения*. 2015;2:58–67.
14. Rogoff K. The link between immigration and inequality. World Economic Forum [Internet]. 2015 [cited 2021 January 4]. Available from: <https://www.weforum.org/agenda/2015/05/the-link-between-immigration-and-inequality/>.

References

1. Mikhailovskii VS. *Politologicheskii neomarksizm: istoriya, metodologiya, teoriya* [Political neo-Marxism: history, methodology, theory]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2017. 204 p. Russian.
2. Balibar E, Wallerstein I. *Race, nation, classe: les identites ambiguës*. Paris: La Decouverte; 1997. 307 p.
Russian edition: Balibar E, Wallerstein I. *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennye identichnosti*. Nikiforov O, Khitsky P, editors; Kefal A, Khitsky P, translators. Moscow: Logos; 2004. 288 p.
3. Wallerstein I. *After liberalism*. New York: New Press; 1995. 288 p.
Russian edition: Wallerstein I. *Posle liberalizma*. Kagarlitskiy BYu, editor; Gurvits MM, Kudyukin PM, Fedenko PV, translators. Moscow: Editorial URSS; 2003. 256 p.
4. Hardt M, Negri A. *Empire*. Cambridge: Harvard University Press; 2000. 478 p.
Russian edition: Hardt M, Negri A. *Imperiya*. Kamenskaya GV, Fetisov MS, editors, translators. Moscow: Praksis; 2004. 440 p.
5. Antonovich II. Systematic racism in the USA and the problem of polarization of society. *Journal of Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:39–49. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-39-49.
6. Grigoryev DS. Problems of conceptualization and operationalization of attitudes toward immigrants in cross-national comparative research. *Journal of Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:89–100. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-89-100.
7. Kahanec M, Zimmermann KF. *International migration, ethnicity and economic inequality*. Bonn: IZA Institute for the Study of Labor; 2008. [57 p.]. Discussion Paper No. 3450.
8. Davies JB, Wootton I. *Income Inequality and International Migration*. London: Centre for the Study of International Economic Relations, University of Western Ontario; 1991. [27 p.]. Report No. 9111.
9. Xu P, Garand JC, Zhu L. Imported Inequality? Immigration and income inequality in the American States. *State Politics & Policy Quarterly*. 2016;16(2):147–171. DOI: 10.1177/1532440015603814.
10. Rosenzweig MR. *Global Wage Inequality and the International Flow of Migrants*. New Haven: Economic Growth Center, Yale University Economic; 2010. [32 p.]. Center Discussion Paper No. 983.
11. Orrenius PM, Zavodny M. *Does Migration Cause Income Inequality?* Mexico: Mission Foods Texas-Mexico Center, Dedman College of Humanities and Sciences; 2018. [p. 16].
12. Borjas GJ, Freeman RB, Katz LF. How much do immigration and trade affect labor market outcomes? *Brookings Papers on Economic Activity*. 1997;1:1–90. DOI: 10.2307/2534701.
13. Klupt MA. Centre-periphery relations in Europe: demographic aspect. *World economy and international relations*. 2015;2:58–67. Russian.
14. Rogoff K. The link between immigration and inequality. World Economic Forum [Internet]. 2015 [cited 2021 January 4]. Available from: <https://www.weforum.org/agenda/2015/05/the-link-between-immigration-and-inequality/>.

Статья поступила в редколлегию 11.01.2021.
Received by editorial board 11.01.2021.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ БИФУРКАЦИЯ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

А. К. МАМЕДОВ¹⁾

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, 119234, г. Москва, Россия

Анализируются широкие варианты цивилизационного развития стран Ближнего Востока. Приводятся различные предложения, концепции исследователей и мыслителей. Рассматривается опыт прошлых веков, определяется вероятность применения альтернативных решений в условиях современности. Проводится мысль об уникальности историко-цивилизационного развития Ближнего Востока. Раскрываются параметры поиска вариантов социального развития стран Ближнего Востока.

Ключевые слова: бифуркация; глобализация; идеология; ценностные ориентиры; национальная идентичность; глобальная цивилизация; исламское цивилизационное пространство; исламизация модерна; цивилизационные сдвиги.

CIVILISATIONAL BIFURCATION OF THE GREAT MIDDLE EAST

A. K. MAMEDOV^a

^aLomonosov State Moscow University,
1 Leninskiye Gory, Moscow 119234, Russia

The main attention of the work is paid to the analysis of possible options for the civilisational development of the countries of the Middle East. Various proposals, concepts of researchers, thinkers are presented, but the main emphasis is on considering the consequences of the introduction of certain alternatives, including the experience of past centuries, as well as the possibility of using alternative solutions in modern conditions. The article discusses the idea of the uniqueness of the historical and civilisational development of the Middle East. The parameters of the search for options for social development are revealed.

Keywords: bifurcation; globalisation; ideology; value orientations; national identity; global civilisation; Islamic civilisation space; Islamisation of modernity; civilisational shifts.

Обоснование проблемы. Актуальность темы настоящей работы обусловлена тем, что особую значимость в глобализирующемся мире приобретает Ближний Восток, роль которого в мировом сообществе предопределена, помимо прочего, зарождением на его землях авраамических религий и существенного пласта мировой культуры. Те, кто

не знает (или сознательно игнорирует) истинную историю региона, обречены на его предвзятое и схематичное восприятие. В данном случае уместным будет высказывание немецкого ученого Ф. Шлегеля: «История – это пророк, смотрящий в прошлое». С этими словами перекликается парадоксальное выражение Ф. Кафки: «Сегодня – это завтра вчера».

Образец цитирования:

Мамедов А.К. Цивилизационная бифуркация большого Ближнего Востока. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;1:46–51.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-46-51>

For citation:

Mamedov A.K. Civilisational bifurcation of the great Middle East. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;1:46–51. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-46-51>

Автор:

Агамали Куламович Мамедов – доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета.

Author:

Agamali K. Mamedov, doctor of sciences (sociology), full professor; head of the department of sociology of communication systems, faculty of sociology.
akmnauka@yandex.ru

Именно вечно прочитываемый контекст самой истории формирует актуальную повестку дня социальной реальности.

Со времен И. Гердера и неокантианцев осознание исторического пути развития цивилизации опирается на ценностную оптику, т. е. на телеологический ракурс. В XXI в. (на этот период пока трудно смотреть с исторической точки зрения) многие некогда модные социальные теории оказались недолговечными. Исторической санации были подвергнуты различные теоретические конструкты, в том числе концепция деидеологизации.

Недавние тектонические подвижки на Ближнем Востоке заново доказали, что в современном мире конкурентоспособны только имеющие идеологическую подоплеку политические процессы с таргетированными ориентирами, внятыми и принимаемыми большинством призывами. Именно идеологизированность придает политическим движениям как так называемую стигму (маркировку), так и устойчивость, предсказуемость общественных трендов¹ [1, р. 42].

Задачи, стоящие перед мировым сообществом. Научный дискурс, способный четко охарактеризовать процессы на Ближнем Востоке, в настоящее время не оформился. В связи с этим панорама оценок происходящего в данном регионе не таргетирована, обширна и аморфна. Нечеткость контуров научной оптики не способствует фреймированию процессов. Диапазон научной маркировки достаточно широк – от исламских революций до заговора внешних врагов. Человечество уже давно и неизбежно нуждается во всеохватной цивилизационной переделке, поэтому архаичная (прежде казавшаяся устойчивой) схема мироустройства не вписывается в динамику быстрой истории и не соответствует современным вызовам. Решить проблемы демографии, экономики, религии невозможно в прокрустовом ложе тех идеологов и структур, которые сложились в прошлые века. Инструменты научного анализа не отвечают реалиям нового времени. На мировой арене появились региональные игроки, обладающие серьезным потенциалом: Турция, Саудовская Аравия, Иран, страны Персидского залива и Азербайджан, которые инкорпорируются в эти реалии с молодым и динамичным человеческим капиталом.

Тенденция неравномерности развития разных стран, на которую указывал еще В. И. Ленин, привела к тому, что международные договоры, заключенные ранее, не способствовали решению всех существующих проблем, поскольку не отражали и не учитывали изменившиеся условия в регионах. Эти договоры порой основывались на принципе *за них, но без них* и отражали интересы «бывших патронов»,

которые наспех проводили границы в этом лоскутном и кишасщем этноконфессиональном поле. Таким образом возник барьер для внедрения новых региональных проектов, например планов М. Каддафи по ирригации Северной Африки, обеспечении продовольственной безопасности и золотому динару.

В силу глубинных преобразований исторического процесса человечество предстало перед идейно неопределенными новыми вызовами, заключающимися в том, что социальные катаклизмы глобальной деревни, оказавшейся на обочине мирового мейнстрима, могут обернуться тотальной войной всех против всех, о которой писал еще Т. Гоббс, но теперь, в XXI в., это выглядит уже более катастрофично. Причина кроется не только в наивном контенте столкновения цивилизаций С. Хантингтона [2, с. 29–33], но и в понимании того, что любая односторонняя (однониточная – по Хазанову) схема с технологией метафорического подхода и суженной оптикой будет неполноценной, так как она не позволяет раскрыть всю системность трагичного, полноту и масштаб событий на Ближнем Востоке. Опыт социальной науки XX в. показывает, что яркие и принимаемые большинством модные концепции, как правило, недолговечны и проживают век «любви цыганской корочке» (А. Блок «К Музе»). Тренды, в свою очередь, отнюдь не имеют радужных социальных перспектив, ибо наступает эпоха хаотичных разломов. В богатейшем (не только энергетическими ресурсами) регионе никак не сформированы принимаемые и, главное, одобряемые (что особенно важно для этой территории) всеми властные институты; не актуализированы и не фреймированы идейные ориентиры, значительная часть населения пребывает в состоянии социальной агнозии [3, р. 17]. Хаос, как системное явление, подавляет робкие зачатки гражданского самоуправления, жесткая авторитарная система власти, как оказалось, имеет еще сильный потенциал. Трагизм исторического промысла состоит в том, что результаты этих баталий прямо противоположны изначальным лозунгам и целям. В итоге арабская весна оказалась весьма неудачным социальным мегапроектом, и победоносное ее шествие по региону не просматривается.

Таким образом доказывается тезис о том, что «революция, как гидра, пожирает собственных детей», причем чаще всего самых перспективных и одаренных. Наблюдается повторяющаяся из века в век тенденция: боролись «одни политические силы, а к власти “прицепом” пришли (по Бисмарку) совершенно иные» [4, с. 205].

Часто диаметрально противоположные, совершенно непримиримые социальные движения спон-

¹Здесь и далее перевод наш. – А. М.

сируются одним и тем же «патроном», управляются из одного центра, что бесспорно заканчивается простой политической мимикрией правящей элиты.

Данную тенденцию можно наблюдать не только в арабской весне, но и во всех цветных революциях, при этом народы не осознают трагизма происходящего – потерю исторической идентичности и роли социального актора в своей стране [5, р. 30].

В результате инсургенты и манипуляторы нередко из-за идеологической диффузности взглядов, их дискретности при совершенно противоположных задачах вступают, однако, в неудобоваримые тактические конвексии и создают основу для будущих сражений.

К сожалению, история учит тому, что ничему не учит. Из прошлого часто берется «пепел, а не огонь» (Ж. Жорес). Русский философ Н. Бердяев считает, что революции в целом успешными не бывают, они всегда приводят к противоположности. Такое коренное преобразование, как уход социализма с мировой арены (по мнению автора настоящей статьи, не навсегда), создало, скорее, иллюзорное, а следовательно, ложное, не соответствующее социальной динамике представление о линейном развитии цивилизации. Западная элита уверена в том, что данный процесс теперь будет протекать без конвергенций и диффузии социальных технологий. Некоторые аналитики (в духе раннего позитивизма) говорили и вовсе о «конце истории» (Ф. Фукуяма), так как либерализм, по ощущениям (без научной рефлексии) западной элиты, «одержал полную и окончательную победу», а «глобальный менеджизм» – новая «вековечная» элита [6, р. 9–14]. В свете этих постулатов определяется единственная цель – перенос (простейший и бесспорный) либеральных (имеется в виду атлантических) ценностей на весь мир.

Альтернативы. Возникло одно неожиданное, но закономерное последствие ухода социализма с мировой арены. Вместо социализма в качестве альтернативы капитализму, который есть не что иное, как двигатель, процесс и результат конкуренции, возникли новые, не подвергшиеся пока интеллектуальной санации идеологические антиподы капитализма: «агрессивный сепаратизм, новый национальный радикализм, экстремизм, фундаментализм» [4, с. 204]. Гегелевская феноменология духа актуальна до сих пор, системность как исторического процесса, так и исследования истории неоспоримы.

К сожалению, то мировое пространство, которое 30 лет уныло зовется постсоветским, уже или еще не создает полновесной идейной альтернативы Западу. Раньше, до распада СССР, лучшие умы Европы разделяли социалистические идеи или опровергали их, но эти идеи были в повестке всего мирового социума. Они были понятны и востребованы, актуа-

лизованы в общественном мнении. В полемике с левым дискурсом формировалась научная теория исторического развития. В настоящее время трудно представить шкалу научности в тех дискуссиях.

Начиная с 1970-х гг. в силу различных причин ученые постсоветских государств перестали быть центром новой мысли и начали стремиться с упорством, достойным лучшего применения, «влезть в последний вагон гедонистической (чувственной) цивилизации» [2, с. 27].

В некоторых моментах ученые бывшего СССР так преуспели, что даже опередили Запад, стали его чуть ли не самым прилежным эпигоном. Включение в Программу КПСС тезиса о всемерном удовлетворении потребностей трудящихся вывела СССР в авангард потребительства. В итоге потребности стали индивидуальными, а форма собственности оставалась общенародной. На первый план выходил не производитель и даже не потребитель, а распределитель со своей мелкой душой и ограниченным жизненным миром.

Они (горе-распределители) и стали формировать «новые песни нашего двора» (разумеется, в модуле вечного потребительства). Вследствие чего появились апатия и эрозия гуманных ценностей. В бессмертной комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» ярко проиллюстрировано положение застойных лет. Прав великий писатель: нельзя было обижать «княгиню Марью Алексевну».

Важным является не столько заполнение идейного вакуума, сколько отсутствие возможности не породить гедонистической цивилизацией, ориентирующейся на комфорт и удовольствие как жизненные приоритеты, свой антипод – фундаментализм, радикализм, экстремизм и т. п. Они возникают в качестве «естественной реакции на усталую цивилизацию» [7, р. 183].

Перспективы. Следуя прогностическому анализу, необходимо констатировать, что к идее «наведения порядка» (социального или культурного) неизбежно приводит в апогее закономерное развитие чувственной цивилизации, так как она сама «порождает необходимость в идее» [8, с. 184]. Трагичность истории заключается также в том, что данная цивилизация влечет за собой и другие не менее острые проблемы: закономерное сужение рынков сбыта, появление новых номадов, осознаваемую всеми исчерпаемость ресурсов. Современный исторический этап развития все отчетливее напоминает американские горки, где кризисы трансформируются в кризис-матрешку с новыми, порой совершенно неожиданными сторонами и результатами. Все эти метаморфозы будут существовать до тех пор, пока человечество не осознает, что наступил системный цивилизационный кризис, бифуркационный этап эволюции, вследствие которого разрушится вся парадигма ценностей, порожденная идеей

одномерного праздного человека с доминантной концепцией потребления.

Все это напрямую коррелируется с Ближним Востоком, где, по существу, решается «вопрос о конце нефтяной эры», нефтяной цивилизации, в которой углеводородные и иные богатства воспринимаются как «априорно или свыше определенные по статусу собственности лишь элиты» [9, с. 5]. Монопольное владение и распоряжение природными богатствами вряд ли совместимы с новой динамикой.

Вопрос о предстоящем в ближайшем времени окончании нефтяной эры (и это, бесспорно, не секрет полишинеля) будоражит не только сознание европейцев, но и умы местного, весьма обеспеченного ближневосточного истеблишмента, настоятельно требующего другого, более справедливого передела наличествующего углеводородного ресурса. В связи с этим насыщенной оказывается потребность в социальных преобразованиях, т. е. переделе собственности, при котором, как правило, возникают точки бифуркации. В данном случае уместно будет провести аналогию с дореволюционной Россией. Известно, что передел земельных участков, происходивший каждые 12 лет (например, в 1905-х, 1917-х гг.) приводил к социальному взрыву. Следствием этого на фоне обесценивания идей левого дискурса становится возникновение альтернативных парадигм перераспределения, которые зиждутся на фундаментальных религиозных ценностях: равенстве и справедливости как «маркерах новой надежды и нового грядущего социального порядка» [9, с. 23].

Однако до сих пор весь мир, основанный на владении сырьевыми ресурсами и компрадорском капитале, расплачивается общественными потрясениями, кризисами за научно-технический застой, который привел, кроме всего прочего, к устареванию всех политических процессов. Динамическое развитие экономической сферы на удивление продолжительное время соседствует с трайбализмом, клановостью и закостенелостью социума. Возникла колоссальная диспропорция в творческом потенциале молодежи и возможностях его реализации [5, р. 27]. Большинство населения на Ближнем Востоке составляют молодые люди (например, в Палестине это 45 % от общего количества жителей). Вместе с тем новое поколение не имеет легального доступа к богатствам своей страны.

Многие аналитики предполагают, что в ближайшие 30 лет «количество безработных в данном регионе подойдет к 100 млн человек, вместе с тем дефицит в кадрах высшей квалификации превысит 30 млн. Количество молодежи, приобщенной к интернет-пространству в крупных странах региона, превысило пороговые 60 %, следовательно, появились каналы ретрансляции иных ценностей» [4, с. 203].

Помимо вышеперечисленного, есть также молодежь, получившая хорошее западное образование и приобщившаяся к иным культурным ценностям.

Интернет, по мнению исследователей, «расширил жизненный мир, ввел в непрерывный межкультурный глобальный диалог, который никак не стыкуется с косной системой социального управления, с трайбалистской системой распределения общественного блага» [1, с. 41].

Так, немецкий ученый Г. Хайнзон вывел формулу социальной нестабильности: на основе простого подсчета определяется соотношение процента мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет к мужчинам в возрасте от 40 до 44 лет. Показатель менее 80 % свидетельствует о начале демографического сбоя (как в Европе, Японии, России). При этом данное соотношение в Афганистане равняется 403 %, Ираке – 351 %, Сомали – 364 %. Социальный драйв появляется в странах, где юноши от 15 до 29 лет составляют более трети населения [10]. Причины такого драйва, как и знамя (религия, национализм, маоизм, троцкизм или сепаратизм), т. е. то, во имя чего вершится насилие, вовсе не существенны. Социум кипит, часто не зная, почему это происходит. Вторые или третьи сыновья требуют справедливого распределения, а десятые, не понимая причин случившегося, просто выходят на баррикады, свергают режимы. «Политическая же элита стран Ближнего Востока не учла этого драйва, не уловила эти тренды» [3, с. 11].

Причины. Происходящие трансформации трендов в сознании социума не подверглись рефлексии в полной мере. Устойчивость диктаторских режимов представлялась полноценной гарантией от ветров перемен, при этом автаркия, являясь в массовом сознании единственной и предназначенной свыше ценностью, находилась в конфронтации с динамикой. Однако эти представления не соответствовали действительности. К удивлению элиты, «носителем, формой и кодом трансляции драйва оказался исламский фундаментализм» [4, с. 205], который долгое время находился под прессингом авторитарных режимов в такой же мере, как и демократические движения. Эти два направления (исламский фундаментализм и демократические движения) неожиданно «оказались в одной и той же матрице» маргинальных течений [10, с. 51].

На Ближнем Востоке возникла парадоксальная ситуация: у демократии и фундаментализма оказалась общая цель – свержение авторитарных диктаторов-консерваторов. Это можно назвать так: «Вместе биться, врозь идти» [10, с. 53]. Звучит необычно, но в истории Ближнего Востока бывали и не такие временные союзы. Запад же, находящийся «в плену своих однобоких и устаревших “исторических заблуждений”, ставит зачастую лишь только на одну из этих составляющих» [9, с. 88]. В очередной раз Запад пытается навязать иной цивилизации свои отжившие идеологемы и оптику исследования. Объясняется это тем, что он надеется на то, что после демократических выборов на место, к примеру, диктаторской власти придет более народная мобильная демократия (понимаемая, конечно же,

как европейская), современная, менее коррумпированная и клановая. Однако все более зеленеет парус арабской весны, начальные демократические лозунги сменяются фундаменталистскими к вящему ужасу спонсоров и манипуляторов.

В результате того, что веками не решается большой комплекс всевозможных проблем, появляются все новые экстремистские и псевдорелигиозные течения. Запад, следуя прогнозам своего экспертного сообщества и СМИ, ждет реальных (в своем понимании) демократических изменений в этом многоконфессиональном и полиэтничном образовании (с этим связано общее мейнстримовое ожидание). На самом деле «вначале происходит столкновение с очень необычным симбиозом демократических и религиозных движений, что наводит на некие параллели с крестьянскими войнами в Европе XVI–XVII вв. (без сомнения, прав был Ф. Энгельс)» [8, с. 181]. Тогда в Европе под лозунгами протестантизма аккумулировалось крестьянское движение.

Закономерность. Таким образом, возникает некая закономерность: даже принципиально новые социальные движения обрамляются в уже знакомые «старые тоги». Прежние парадигмы институционализированы в общественном сознании и приняты социумом. Вследствие особенностей истории, имманентные (нередко и архаичные) религиозные институты в этих странах укоренены гораздо сильнее, чем привнесенные и часто навязанные структуры западного демократического гражданского общества. Теоретик левого дискурса Р. Гароди отмечал, что «в исламском мире не модернизируют ислам, они исламизируют модерн» [4, с. 204]. Такое симбиозное детище стало притягательной моделью для многих. Однако «как только открываются “шлюзы” и барьеры на пути к свободе, мы становимся свидетелями острой конкуренции двух сил – исламской и прозападной» [7, р. 79]. Не следует забывать, что для стран Ближнего Востока ислам не только выполняет традиционные религиозные функции, но и является единственным коммуникативным каналом и полем социального диалога. Незрелость, а следовательно, и неустойчивость институтов гражданского общества порождают религиозную монополию на все формы выражения социальных ожиданий.

Помимо этого, человечество является свидетелем слияния двух идейных потоков: становления национальной идентичности и нового исламского цивилизационного пространства. В общественном мнении идут титанические интеллектуальные поиски сложного поля, границ и способов выражения национальной и религиозной идентичности, особого пути развития, иной, не европейской, демократии в рамках большой исламской цивилизации.

Модель иного социального порядка. Исламская цивилизация в ее классическом дискурсе предложила принципиально отличную от Запада модель

социального устройства, основанную на трансцендентной воле и духовном порядке, подчиняющем человека. Коллективистская ценность семьи, рода, племени, общественная солидарность и индивидуальное самоограничение здесь ставятся и ценятся гораздо выше прав и интересов отдельной личности. И если до иранской революции 1979 г. это казалось анахронизмом или как минимум было несовместимо, то сейчас является почти глобальным ответом Западу.

На мусульманском Востоке другое прочтение культурного поля и интуитивное восприятие мира доминируют над рационалистическим подходом, здесь народам присуща имманентная любовь к действительному и обязательно сильному отцу – вождю, способному удержать молодой и бурлящий народ в этническом лоскутном котле. Если на Западе президента избирают на основе устоявшейся правовой демократической процедуры, то на Востоке считают, что правителем может быть избран тот, кто принят, признан и призван народным волеизъявлением, причем процедуры этого волеизъявления могут варьироваться весьма широко. Во многих случаях их рационализировать весьма сложно, но это выбор народа Ближнего Востока, его аутентичная социальная ткань. Палитра таких технологий масштабна, но имманентна национальной идентичности этих стран. По сути, идут выборы «выбранных». Надо помнить, что ислам на Ближнем Востоке, как правило, «воспринимается населением как форма, причем безальтернативная, сохранения самобытной идентичности в условиях “мерцающей реальности” глобализирующегося мира. В связи с этим меняется и расклад новых геополитических факторов, где вместо ставших уже традиционными [странами] США и Европы активную роль играют (или должны уже играть) Россия, Китай, Иран, Турция и другие новые акторы, не довольные или хотя бы не согласные с однополярным миром, отстаивающие свое цивилизационное право быть иными» [10, с. 53].

Как уже неоднократно подчеркивалось в публикациях автора данной статьи [4; 10; 11], на глазах человечества совершается изменение геополитической расстановки сил. Большое влияние на Ближний Восток оказывают те страны, которые не обременены так называемой колониальной памятью (Россия, Китай) и проявляют антиглобалистскую солидарность (Россия, Китай, Иран), а также провозглашают единство исламских геополитических ориентиров (Азербайджан, Казахстан, Турция, Иран, Пакистан).

Следует подчеркнуть, что в ближайшей перспективе наиболее вероятна цивилизационная бифуркация данного региона.

Итак, анализ материала по происходящим на Ближнем Востоке событиям подводит к заключению о том, что указанные выше трансформации имеют не спорадический, а системно-масштабный характер. В связи с этим можно констатировать, что

волнения, революция, беспорядки возникают из-за новых цивилизационных сдвигов, которые кратко можно охарактеризовать следующим образом:

1. Мир, который позиционируется многими как однополярный, уже утрачивает свой ресурсный потенциал, потому что не отвечает динамике тех процессов, которые отражены в новой дорожной карте мира и представлены широкой палитрой вариантов развития. Появляются новые центры идейного притяжения, и в первую очередь это страны с собственной идентичностью.

2. Человечество осознает ущербность гедонистической цивилизации, в связи с этим идет поиск элементов идеократических обществ. Все настойчивее ощущается необходимость новой идеи. Социум стремительно усложняется, он в принципе не может сводиться к простейшим одномерным технологиям и требовать иного системного управления, чем элиты с присущей им коррупцией, а также закрыто-

стью. И мир в целом, и каждая страна в отдельности нуждаются в социальном диалоге [4].

3. Стремительный рост народонаселения, появление значительного молодежного слоя не могут долгое время уживаться с устаревшими политическими структурами. Глобальная деревня требует управления совсем другими, чем были раньше, коммуникационными институтами. Онлайн-пространство рождает новое поле для социальных технологий, создается технология «опосредованной виртуальной агрессии», так называемые твиттер-революции и т. д. [4].

Из этого проистекает непреложный постулат бытия человечества: в будущем мир должен находить «альтернативные, принципиально иные социальные технологии проживания в новой глобальной цивилизации» [10, с. 54]. Пандемия 2020 г. показала, насколько хрупок мир и как необходима сплоченность в решении общечеловеческих проблем.

Библиографические ссылки

1. Kaplan MA. Commentary: why there is no route to mideast peace. *International Journal on World Peace*. 2012;29(1):41–44.
2. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Королев К, редактор; Велимеев Т, Новиков Ю, переводчики. Москва: АСТ; 2003. 640 с. Совместно с издательством «Terra Fantastica».
3. Özkan B. Relations between Turkey and Syria in the 1980's and 1990's: political islam, muslim brotherhood and intelligence wars. *Uluslararası İlişkiler*. 2019;16(62):5–25. DOI: 10.33458/uidergisi.588893.
4. Мамедов АК. Ближний Восток: цивилизационный разрыв в контексте социокультурного диссенсуса. В: Гезалов АА, Мамед-заде ИР, редакторы. *Диалог культур и вызовы современной эпохи*. Москва: Канон-Плюс; 2019. с. 200–207.
5. Davenport K. UN Acts on Mideast Zone Amid Doubts. *Arms Control Today*. 2015;45(10):27–29.
6. Broder J. Unfinished Mideast Revolts. *The National Interest*. 2012;119:49–54.
7. Garaudy R. *Promesses de l' Islam*. Paris: Seuil; 1981. 179 p.
8. Энгельс Ф. *Крестьянская война в Германии*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1952. 184 с.
9. Барнетт Р. Осмысление университета. В: Гусаковский МА, Полонников АА, Корбут АМ, составители, редакторы. *Теоретические вопросы образования* [CD-ROM]; Минск: БГУ; 2013. с. 5–30. CD-ROM: 2,86 Мб.
10. Мамедов АК. Парадоксы глобальной безопасности: Ближний Восток. *Теория государства и права*. 2018;4:50–54.
11. Мамедов АК, Писарева ЛЮ. Глобализация как проект постмодерна: социологическая оптика. *Теория государства и права*. 2019;4:85–95. DOI: 0.25839/MATGIP.2019.16.4.011.

References

1. Kaplan MA. Commentary: why there is no route to mideast peace. *International Journal on World Peace*. 2012;29(1):41–44.
2. Huntington S. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. [S. l.]: Simon & Schuster; 1996. 367 p. Russian edition: Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Korolev K, editor; Velimeev T, Novikov Yu, translators. Moscow: AST; 2003. 640 p. Co-published by the «Terra Fantastica».
3. Özkan B. Relations between Turkey and Syria in the 1980's and 1990's: political islam, muslim brotherhood and intelligence wars. *Uluslararası İlişkiler*. 2019;16(62):5–25. DOI: 10.33458/uidergisi.588893.
4. Mamedov AK. The Middle East: the civilizational gap in the context of sociocultural dissension. In: Gezalov AA, Mamed-zade IR, editors. *Dialog kul'tur i vyzovy sovremennoi epokhi* [Dialogue of cultures and challenges of the modern era]. Moscow: Kanon-Plyus; 2019. p. 200–207. Russian.
5. Davenport K. UN Acts on Mideast Zone Amid Doubts. *Arms Control Today*. 2015;45(10): 27–29.
6. Broder J. Unfinished Mideast Revolts. *The National Interest*. 2012;119:49–54.
7. Garaudy R. *Promesses de l' Islam*. Paris: Seuil; 1981. 179 p.
8. Engels F. *Krest'yanskaya voina v Germanii* [The Peasant War in Germany]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1952. 184 p. Russian.
9. Barnett R. Understanding the university. In: Gusakovskiy MA, Polonnikov AA, Korbut AM, compilers, editors. *Teoreticheskie voprosy obrazovaniya* [Theoretical education] [CD-ROM]; Minsk: Belarusian State University; 2013. p. 5–30. CD-ROM: 2,86 Mb. Russian.
10. Mamedov AK. Paradoxes of global security: the Middle East. *Theory of State and Law*. 2018;4:50–54. Russian.
11. Mamedov AK, Pisareva LYu. Globalization as a postmodern project: sociological optics. *Theory of State and Law*. 2019;4:85–95. Russian. DOI: 0.25839/MATGIP.2019.16.4.011.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.34,16.334.2

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВОЙ СФЕРЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾, Р. В. КАРАПЕТЯН²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7-9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Проводится сравнительный анализ показателей развития и распространения информационно-коммуникационных технологий в сфере труда, достигнутых в Российской Федерации и Республике Беларусь в процессе цифровой трансформации в рамках государственных программ развития цифровизации. Цель статьи – сравнительная характеристика эффективности процессов цифровой трансформации, обуславливающей изменения социально-трудовой сферы двух стран. Цель достигается посредством решения двух основных задач – анализа данных государственной статистики и анализа результатов социологических исследований, проводимых в этой области. Авторы исходят из тезиса о двойственности процессов цифровизации труда и показывают, что они не только приносят положительные результаты, но и создают новые риски и угрозы гуманитарной безопасности. Сравнительный анализ статистики свидетельствует об успехах, достигнутых каждой страной в цифровой трансформации труда, выявляет тренды этого процесса, тогда как результаты социологических исследований раскрывают и негативные последствия тех же процессов (техностресс, рост цифрового неравенства, выгорание работника). Делается вывод о необходимости сбалансированного подхода к дальнейшему развитию цифровизации труда и разработке мер социальной политики, направленных на уменьшение потенциальных рисков для человека труда.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровизация сферы труда; информационно-коммуникационные технологии; цифровизация производства и потребления.

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ, Карапетян РВ. Цифровая трансформация трудовой сферы: сравнительный анализ показателей России и Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;1:52–69. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-52-69>

For citation:

Titarenko LG, Karapetyan RV. Digital transformation of the labour sphere: a comparative analysis of the indicators of Russia and Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;1:52–69. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-52-69>

Авторы:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Рубен Варданович Карапетян – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры экономической социологии факультета социологии.

Authors:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by

Ruben V. Karapetyan, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of economic sociology, faculty of sociology.
ruben.v.karapetyan@gmail.com

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-511-00011 и гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований № Г20Р-109.

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE LABOUR SPHERE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INDICATORS OF RUSSIA AND BELARUS

L. G. TITARENKO^a, R. V. KARAPETYAN^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bSaint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia

Corresponding author: L. G. Titarenko (larissa@bsu.by)

The article provides a comparative analysis of the indicators of development and dissemination of information and communication technologies in the field of labour, achieved in the Russian Federation and the Republic of Belarus in the process of digital transformation of the sphere of labour within the framework of state programs for the development of digitalisation in both countries. The purpose of the article is a comparative analysis of the effectiveness of digital transformation processes that determine changes in the social and labour sphere of the two countries. The goal is revealed by solving two main tasks – the analysis of state statistics data and the analysis of the results of sociological research conducted in this area. The authors proceed from the thesis of the duality of the processes of digitalisation of labour and show that they not only bring positive results, but also create new risks and threats to humanitarian security. Comparative analysis of statistics shows the success achieved by each country in the digital transformation of labour, reveals the trends of this process, while the results of sociological research reveal the negative consequences of the same processes (technostress, the growth of digital inequality, burnout of the employee). It is concluded that there is a need for a balanced approach to the further development of the digitalisation of labour and the development of social policy measures aimed at reducing potential risks to the working man.

Keywords: digital economy; digitalisation of the labour sphere; information and communication technologies; digitalisation of production and consumption.

Acknowledgements. The research was conducted by the grant of the Belarusian Republican Fundamental Research Fund (contract No. Г20Р-109 dated 04.05.2020) and Russian Fundamental Research Fund (contract No. 20-511-00011); the research topic «The effects of digital transformation on the labour activity of the urban population (on the example of Minsk and Saint Petersburg)».

Введение

Цифровая трансформация экономики, включая цифровизацию трудовой сферы, входит в число основных приоритетов развития России и Беларуси. В Беларуси недавно была завершена пятилетняя Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества (2016–2020), практические итоги реализации которой станут доступными широкому кругу пользователей (ID-карта, электронные сервисы, реализуемые на базе создаваемых информационных систем, и др.). Обсуждается принятие новой пятилетней программы. В России действует крупномасштабная Национальная программа по цифровизации экономики до 2024 г., которая включает все приоритетные направления деятельности в данной сфере [1]. Эти программы подтверждают огромную важность для обеих стран быстрого развития информационных технологий.

Цель статьи – сравнительная характеристика эффективности процессов цифровой трансформации, обуславливающей изменения социально-трудовой

сферы двух стран. Цель достигается посредством решения двух основных задач – анализа данных государственной статистики и анализа результатов социологических исследований, проводимых в этой области.

Мы исходим из того, что показатели статистических служб позволяют выявлять общие тенденции и некоторые характерные особенности цифровых процессов, определять приоритеты населения в потреблении цифровых продуктов. Однако службы государственной статистики дают лишь обобщающую картину и в целом не ориентированы на выявление особенностей процессов цифровой трансформации. Тем не менее они позволяют определять динамические процессы, необходимые для сравнения тенденций развития в России и Беларуси. Для того чтобы всесторонне изучить сложившуюся ситуацию, статистика была дополнена, где возможно, результатами социологического исследования (в частности, проведенного участниками проекта телефонного опроса по рассматриваемой теме).

Отметим несколько обстоятельств, затрудняющих анализ информации в области информатизации. Прежде всего достаточно частое несовпадение распределения статистических данных по такому критерию, как возраст (интервалы выделенных групп в каждой стране свои). Имеет место близость по смысловой нагрузке, но не тождественность ряда показателей, например: «покупки, заказы товаров,

услуг в сети Интернет» (белорусский показатель) и «доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказов товаров и (или) услуг» (российский показатель). Наконец, некоторая информация закрыта Росстатом (например, «использование информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей в домашних хозяйствах») [2].

Цифровая экономика

Доля цифровой экономики в мировом ВВП постоянно растет, и если на 2016 г. она составляла 15,5 %, то, по расчетам аналитиков, к 2025 г. данный показатель увеличится до 24 % [3; 4], т. е. составит практически четверть мирового ВВП. Такое стремительное развитие цифровой экономики затрагивает все сферы жизни, подвергает изменениям системообразующие элементы общества. Отмеченные системность и масштабность подтверждают глобальность трансформационных процессов, обусловленных цифровизацией. Ее продукты становятся необходимым и естественным атрибутом труда и быта, все больше приобщая людей к постоянному безальтернативному их использованию. Те, кто не желает или не способен следовать цифровому тренду, разными способами вытесняются из трудовой сферы и оказываются на «обочине» общества, что приводит к дальнейшему росту цифрового неравенства.

В общегосударственных масштабах наиболее значимыми следствиями цифровой трансформации оказываются рост экономики из-за увеличения эффективности в цепочках создания стоимости; повышение производительности, инновативности; смена парадигм организации сфер общественного производства; изменение инструментов конкуренции между компаниями, где ключевым моментом успешности оказывается скорость внедрения цифровых продуктов. Сфера труда меняется содержательно в результате исчерпывания ресурса низкоквалифицированной рабочей силы, автоматизации все больших объемов профессиональной деятельности. Цифровая трансформация формирует спрос на новые рабочие места (прежде всего в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)), в подавляющем большинстве отраслей стимулирует потребности в новых профессиональных знаниях и квалификациях, изменяет организацию рабочих мест, предприятий, принципы и формы трудовых отношений. Безусловно, как любая социально-экономическая инновация, цифровая трансформация несет в себе не только положительный заряд, но и, по оценкам экспертов, создает серьезную угрозу сфере занятости, провоцируя

сокращение рабочих мест, ухудшение условий труда (по крайней мере в ряде сфер производства), формирует предпосылки для роста социального неравенства. Тем не менее цифровая трансформация развивает (как и все инновации произошедших промышленных революций) экономический потенциал общества за счет экономии совокупного рабочего времени [5].

Мы полагаем, что экономия времени касается не только сферы труда, но и повседневной жизни людей. Цифровая трансформация и использование ИКТ позволяют высвободить часть вне рабочего времени и обеспечить экономию временных затрат на коммуникации и приобретение услуг. Но и здесь мы находим противоречие, которое можно определить как утрачивание баланса между трудом и отдыхом, когда исчезает грань между свободным и рабочим временем, ведь основные средства труда для активно использующих ИКТ – компьютер, смартфон, планшет – находятся рядом с человеком, не выключаясь 24 ч в сутки. Часто заболевшие работники продолжают выполнять свои профессиональные обязанности на дому, тратя время для восстановления своего здоровья на решение производственных задач, тем самым повторно отработывая свой больничный.

Российская Федерация и Республика Беларусь развивают свой цифровой потенциал в тренде мировых тенденций, т. е. общая динамика развития ИКТ у них полностью соответствует направленности освоения цифровых технологий передовых развивающихся стран.

Для наглядности приведем корреляцию ВВП на душу населения с долей населения с доступом к интернету в мире в 2017 г. (рис. 1).

Сопоставление данных (см. рис. 1) позволяет сделать вывод, что общая инфраструктура ИКТ в России и Беларуси достаточно развита, о чем свидетельствуют относительно высокие показатели корреляции (80 и 65 % соответственно). Сравнительно высока в сопоставлении с развивающимися странами и цифровая культура данных государств. Моментом, сдерживающим ее развитие, остается невысокий уровень дохода населения.

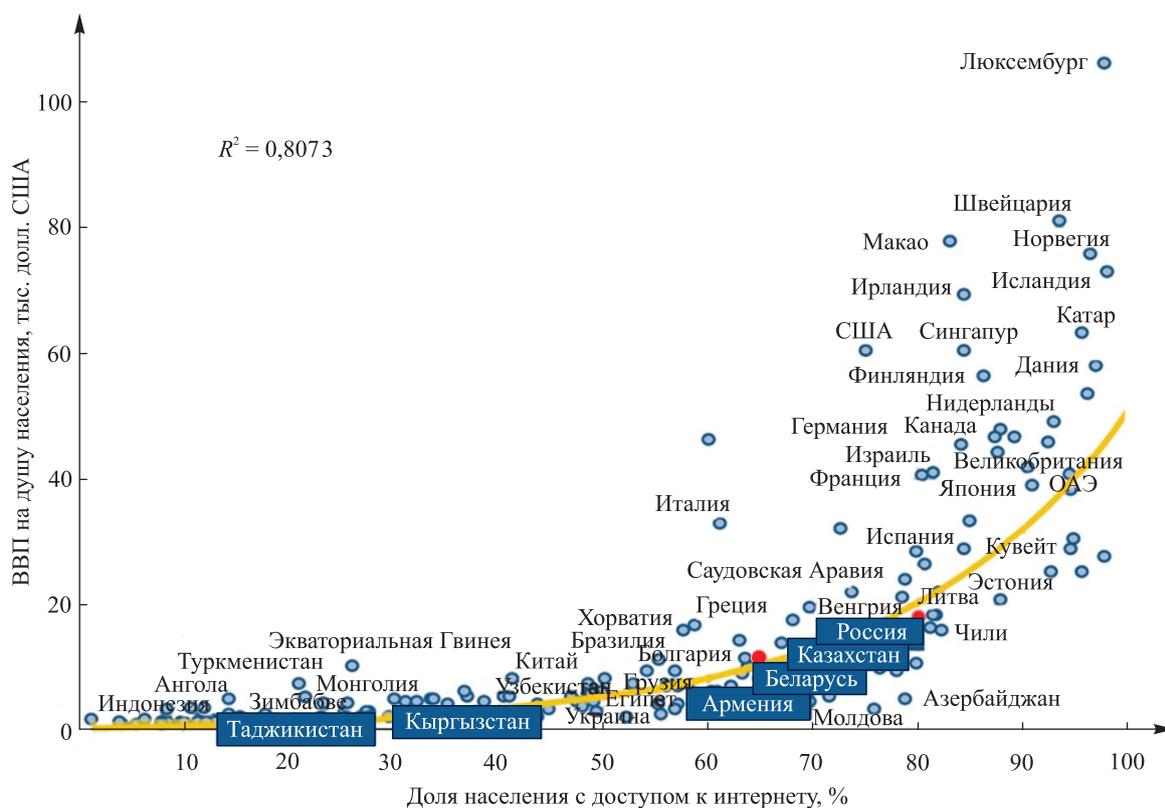

Рис. 1. Корреляция ВВП на душу населения и доля населения с доступом к интернету в 2017 г.
Источник: [3]

Fig. 1. Correlation of GDP per capita and the share of the population with Internet access in 2017.
Source: [3]

Как уже отмечалось, в России и Беларуси проводится активная политика по развитию ИКТ. Действуют государственные программы развития цифровой экономики. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» была анонсирована Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам в июне 2019 г. Данная программа будет действовать до конца 2024 г. [6]. В Беларуси только завершилась Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг., на смену ей пришла государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. Названные программы ориентированы на постоянные прогрессивные тенденции цифровизации экономики и общества [7; 8]. Достижения программ можно оценить по статистическим отчетам, сравнив показатели по каждой стране в динамике и сопоставив их между собой.

Обобщающим критерием распространения цифровизации является показатель доли цифровой экономики в ВВП каждой страны. Так, валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики в России в 2018 г. превысили 3,7 % [9]. Для разви-

тых стран этот показатель составляет 5,5–7,0 %. За январь – сентябрь 2020 г. доля информации и связи в ВВП страны составила 2,6 % (для сравнения: в 2019 г. она была 2,5 %, т. е. показатель практически не изменился за трудный последний год). Республика Беларусь более чем в 2,8 раза обгоняет Россию по данному показателю. Доля производства информации и связи в совокупном ВВП России и Беларуси за январь – сентябрь 2020 г. составила 2,6 и 7,3 %, соответственно [10; 11]. Причина этого, как нам кажется, связана со снижением рентабельности деятельности в области информационных технологий в России: в 2018 г. она была 8,1 %, а в 2019 г. – 6,9 %. Получается, что в 2019 г. данный вид деятельности оказался более затратным. Другая очевидная причина связана с недостаточными расходами на проект «Цифровая экономика», которые на 1 сентября составили всего 17,8 %. Исполнение расходов бюджета на нацпроекты за восемь месяцев составило 48,4 % [12]. Кроме того, федеральный проект «Цифровой регион» заморожен до 2021 г. по причинам, связанным, как и в первом случае, с упадком экономики в результате пандемии 2020 г.

Еще одной причиной является степень износа основных фондов по видам экономической дея-

тельности в области информации и связи, которая включает производство и передачу материалов информационного и культурного назначения, предоставление средств передачи и размещения этих материалов, а также деятельность в области связи технологий обработки данных, информационных технологий и прочую деятельность по предоставлению информационных услуг. В России в 2019 г. она составила 61,3 % [13] (это наибольший показатель среди всех видов экономической деятельности). Несколько меньше он в Беларуси (52,7 %) [14]. Это второй по величине показатель после горнодобывающей промышленности (57,6 %).

Таким образом, анализ показывает, что более половины основных фондов телекоммуникационного сектора Российской Федерации и Республики Беларусь частично или полностью утратили свои

потребительские свойства и стоимость в процессе эксплуатации и (или) морально устарели. Это, в свою очередь, означает, что необходимы дополнительное финансирование и структурно-организационные мероприятия, направленные на обновление основных фондов в сфере информации и связи. Обратим внимание на динамику показателя износа телекоммуникационного сектора: отсутствие каких-либо изменений в России в 2018–2019 гг. и негативный тренд в Беларуси (табл. 1). А ведь отрасль цифровых технологий наиболее динамично развивающаяся в настоящее время. Выявленная здесь динамика свидетельствует о растущем отставании в области использования достижений ИКТ в России и Беларуси от передовых стран и является сдерживающим фактором процессов цифровой трансформации.

Таблица 1

Степень износа основных фондов по виду экономической деятельности «Информация и связь» в 2016–2019 гг. (в процентах на конец года)

Table 1

The degree of depreciation of fixed assets by type of economic activity «Information and communication» in 2016–2019 (as a percentage at the end of the year)

Страна	Год			
	2016	2017	2018	2019
Беларусь	50,4	50,5	51,8	52,7
Россия	–	–	61,6	61,3

Примечание. Составлено на основе [13, с. 317; 14, с. 18].

Тенденции развития цифровой экономики в России и Беларуси

Обратимся к устойчивым тенденциям в экономике России и Беларуси. В целом они выглядят не столь драматично. Например, разработанный Всемирным банком индекс цифрового внедрения, отражающий уровень распространения и использования цифровых технологий тремя главными агентами экономики (бизнесом, населением и государством), указывает на усиливающееся внедрение цифровых продуктов [3]. С отставанием от остальных

растет только индекс госсектора Беларуси, что связано с низким финансированием внедрения в него цифровых продуктов.

Наибольшие потребности в цифровой трансформации в равной мере в обоих государствах наблюдаются в сфере бизнеса (табл. 2).

На базе анализа данных государственной статистики двух стран можно оценить масштабы и динамику использования ИКТ в бизнесе (табл. 3 и 4).

Таблица 2

Индекс цифрового внедрения в Российской Федерации и Республике Беларусь в 2014 и 2016 гг. (по данным Всемирного банка по индексу цифрового внедрения)

Table 2

Digital adoption index in Russia and Belarus in 2014 and 2016 (according to the World Bank's Digital adoption index)

Страна	Индекс ИЦВ		Индикатор бизнеса		Индикатор населения		Индикатор госсектора	
	2014	2016	2014	2016	2014	2016	2014	2016
Россия	0,69	0,74↑	0,65	0,71↑	0,60	0,70↑	0,82	0,82↑
Беларусь	0,53	0,59↑	0,70	0,74↑	0,56	0,65↑	0,33	0,39↑

Примечание. Составлено на основе [3, с. 6].

Таблица 3

**Использование ИКТ в организациях Российской Федерации
(в процентах от общего числа обследованных организаций)**

Table 3

**The use of information and communication technologies
in organisations of the Russian Federation
(as a percentage of the total number of surveyed organisations)**

ИКТ	Год			
	2010	2017	2018	2019
Организации, использовавшие:				
персональные компьютеры	93,8	92,1	94,0	93,5
серверы	18,2	50,6	53,4	53,8
локальные вычислительные сети	68,4	61,1	63,9	63,5
электронную почту	81,9	88,3	90,9	91,1
интернет	82,4	88,9	91,1	91,2
широкополосный доступ в интернет	56,7	83,2	86,5	86,6
интранет	13,1	26,2	31,3	31,8
экстранет	5,3	16,6	18,5	19,5
«облачные» сервисы	–	22,9	26,1	28,1
Организации, имевшие веб-сайт в интернете	28,5	47,4	50,9	51,9

Примечание. Составлено на основе [13].

Таблица 4

**Использование ИКТ в организациях Республики Беларусь
(в процентах от общего числа обследованных организаций)**

Table 4

**Use of information and communication technologies
in organisations of the Republic of Belarus
(as a percentage of the total number of studied organisations)**

ИКТ	Год			
	2012	2015	2016	2018
<i>Число обследованных организаций</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
Из них использовали:				
электронную почту	95,1	96,9	96,8	96,2
локальные вычислительные сети	76,4	81,9	82,1	79,8
интернет	96,8	97,2	97,4	96,8
интранет	18,4	23,2	23,6	26,6
экстранет	5,3	8,7	9,3	13,5
веб-сайт в интернете	51,2	59,7	62,2	67,2

Примечание. Составлено на основе [15].

Несмотря на некоторые отличия по годам, вырисовывается понятная картина происходивших за последние 8–10 лет изменений. По всем позициям наблюдается рост (иногда существенный) использования ИКТ в организациях. Наиболее показательным критерием здесь выступает наличие веб-сайтов в интернете. Среди российских организаций с 2010 г. по данному показателю наблюдается

увеличение почти в два раза, среди белорусских – на 16 %. Естественно, что такой прирост требовал развития серверных систем, о чем свидетельствуют данные по России (и косвенно – по Беларуси). Несколько изменились приоритеты в использовании локальных вычислительных сетей. По всей вероятности, это связано с частым использованием «облачных» сервисов и экстранета. Использование

экстранета и интранета потенциально развивалось в организациях обеих стран очень интенсивно, что позволяет говорить о растущей востребованности и, как следствие, наращивании онлайн-коммуникации работников и параллельно с этим о стремлении организаций защитить цифровые связи и данные. Вместе с тем по-прежнему актуальным остается использование электронной почты как основного инструмента официальной коммуникации внутри организаций и между их персоналом. Повсеместно наблюдается устойчивая тенденция использования ПК (более 90 % организаций) как основного инструмента коммуникации и решения производственных задач. На это косвенно указывает рост показателей по использованию интернета и электронной почты по данным белорусской статистики (см. табл. 4).

В целом затраты на приобретение компьютерных программ и баз данных с технологическими инновациями в череде расходов организаций на инновационную деятельность и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь оставались стабильными пять лет вплоть до 2020 г. В совокупных расходах на инновационную деятельность организаций в России доля этого показателя составляла 3,6 %, в Беларуси он колебался в пределах 4,4 %.

Распределение использования специальных компьютерных программ в России в 2019 г. выглядит следующим образом (табл. 5).

Почти 86 % предприятий в России используют специальное программное обеспечение (см. табл. 5), причем чаще всего для финансовых расчетов, решения организационных задач и получения юридической информации, т. е. вполне естественных и актуальных целей подавляющего большинства организаций. Несколько смущает только доля организаций, использующих программное обеспечение для решения финансовых, экономических и правовых задач, – 53–57 %.

Ниже показано, в каких целях (выбраны наиболее распространенные из них) используется интернет в организациях Беларуси (табл. 6).

Данные результаты вполне ожидаемы. Обмен информацией посредством электронной почты находится на первом месте – эта традиционная форма коммуникации продолжает удерживать свои позиции ввиду простоты использования данного ресурса, чего не скажешь о диалогах в режиме реального времени, которые по показателю использования почти в два раза уступают электронной почте. На втором месте находится интернет как средство поиска информации, поскольку он включает самую полную и разнообразную базу данных. Замыкают тройку (96,3 %) финансовые операции, что позволяет сделать вывод о высоком уровне цифровизации банковской сферы и адаптивности организаций к виртуальным финансовым отношениям.

Таблица 5

**Использование специальных программных средств
в организациях в 2019 г. в Российской Федерации
(в процентах от общего числа обследованных организаций)**

Table 5

**Use of special software tools in organisations in 2019 in the Russian Federation
(as a percentage of the total number of organisations surveyed)**

Специальные программные средства	Доля, %
Программы для научных исследований	4,6
Программы для проектирования	13,0
Программы для управления автоматизированным производством и (или) отдельными техническими средствами и технологическими процессами	16,5
Программы для решения организационных, управленческих и экономических задач	54,8
Программы для осуществления финансовых расчетов в электронном виде	57,1
Программы для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети, включая интернет	32,0
Редакционно-издательские системы	6,9
Обучающие программы	16,4
CRM-, ERP-, SCM-системы	20,5
Электронные справочно-правовые системы	53,2
Прочие программные средства	28,5
<i>Организации, использовавшие специальные программные средства</i>	85,9

Примечание. Составлено на основе [16].

Таблица 6

**Цели использования интернета организациями
в Республике Беларусь в 2018 г. (в процентах от общего числа организаций,
имевших доступ к интернету)**

Table 6

**The purposes of the organisations using the Internet
in the Republic of Belarus in 2018 (as a percentage of the total number of organisations
that had access to the Internet)**

Цели использования	Доля, %
Отправка и получение электронной почты	99,4
Поиск информации в интернете	99,1
Осуществление банковских операций	96,3
Получение сведений о необходимых товарах (работах, услугах) и их поставщиках	89,3
Предоставление сведений об организации, ее товарах (работах, услугах) потребителям	78,9
Получение или оказание информационных услуг	73,8
Поиск персонала	65,8
Диалог в режиме реального времени (чат) и размещение объявлений	56,7
Подписка на доступ к электронным базам данных, электронным библиотекам на платной основе	53,6
Общение в социальных медиа (сетях)	43,6
Профессиональная подготовка персонала	43,1
Осуществление электронных расчетов с потребителями	35,3

Примечание. Составлено на основе [17].

Платные информационные ресурсы организации используют неохотно (53,6 %) и только по мере необходимости. Однако осуществление расчетов с потребителями (населением) в интернет-среде существенно отстает (35,3 %), что позволяет говорить либо об отсутствии отлаженных алгоритмов электронных расчетов, либо о недоверии к подобным инструментам (при сохранении высокого доверия к расчетам с использованием наличных денежных средств). Обратим внимание на то, что общение в социальных сетях как цель использования интернета в организации представляется сомнительным. Причина в том, что социальные сети не ориентированы на решение формальных задач организаций и не адаптированы к ним, напротив, вся коммуникация в них строится на неформальном общении, мотивирует к нему. Мы можем предположить, что общение в социальных сетях на рабочих местах, как правило, не связано с выполняемыми производственными задачами (возможно, за исключением случаев общения с клиентами и SMM-продвижения товаров (услуг)). Данные социологического исследования, проведенного по репрезентативной республиканской выборке Институтом социологии НАН Беларуси в 2018 г. (объем выборки – 2103 человека), также подтверждают, что в сфере услуг почти 96 % работающего населения

используют современные технические инновации, а в профессионально-образовательной – только 75 % [18, с. 103].

Покажем, как выглядит структура внутренних затрат организаций на создание, распространение и использование инновационных и цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг по видам затрат в Российской Федерации и Республике Беларусь в 2019 г. (рис. 2 и 3).

Сравним эти данные с аналогичными показателями в России (см. рис. 3).

Хотя прямое сравнение данных по промышленным организациям Республики Беларусь и по всем организациям Российской Федерации не совсем корректно, тем не менее их сопоставление уместно. Оно показывает, что затраты, связанные с приобретением компьютерных программ и баз данных, в структуре внутренних расходов белорусских организаций невелики: они составляют 0,3 % от общих расходов. Это значительно меньше, чем у российских организаций, где показатель «приобретение программного обеспечения, его адаптация и доработка» составляет 24,5 %. Белорусский показатель «производственное проектирование» отчасти включает в себя затраты на адаптацию и доработку ПО. Можно предположить, что предприятия страны

в меньшей мере привлекают сторонние организации к процессу адаптации ПО, определяя это как приоритет производственного проектирования. Затраты на обучение сотрудников работе с ИКТ в российских организациях составляют всего 0,2 %, что, по мнению экспертов, «отчасти связано с тем, что в настоящее время цифровой трансформации подвергаются преимущественно административные и управленческие процессы (косвенно это подтверждается структурой расходов на оборудо-

вание, связанное с цифровыми технологиями)» [18]. По аналогии можно предположить, что показатель «подготовка, переподготовка и повышение квалификации персонала» белорусских организаций, составляющий 0,06 % от общих внутренних затрат, указывает, что цифровая трансформация слабо касается и управления, и администрирования. Более того, сам показатель включает и другие активности по повышению профессиональных квалификаций, не связанных с использованием ИКТ.

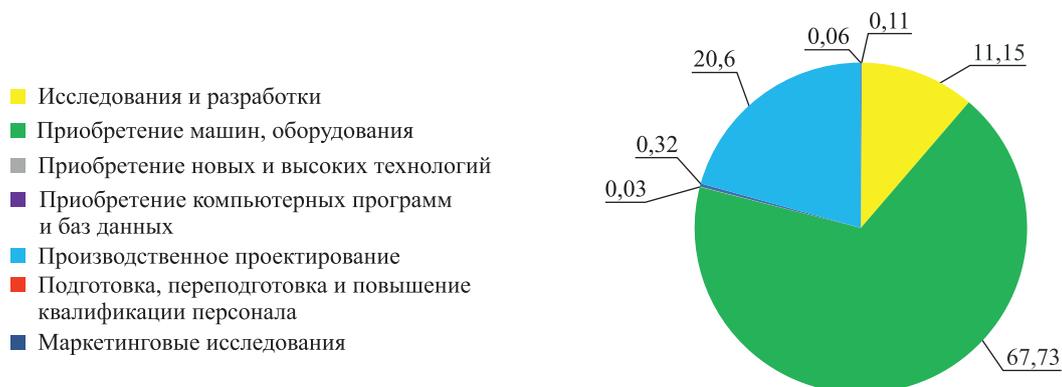

Рис. 2. Затраты на технологические инновации организаций промышленности в Республике Беларусь в 2019 г., %
 Источник: [15, с. 424]

Fig. 2. Expenditures on technological innovations of industrial organisations in the Republic of Belarus in 2019, %
 Source: [15, p. 424]

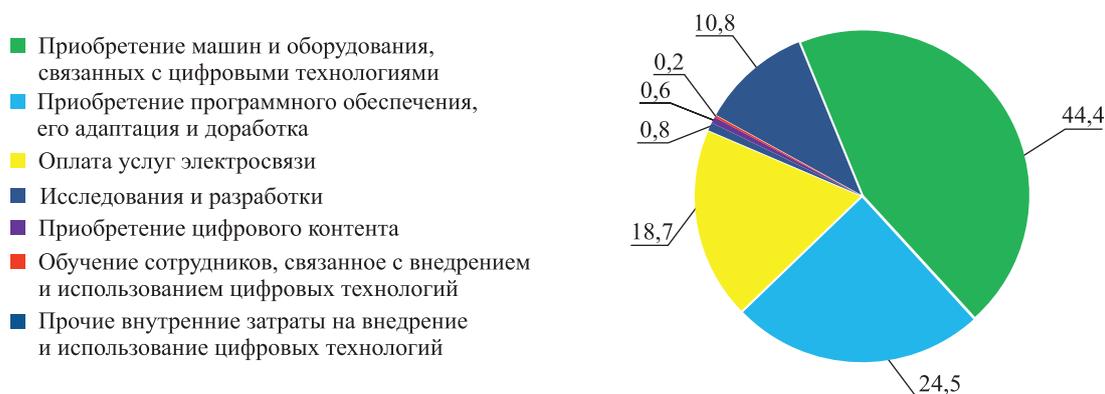

Рис. 3. Структура внутренних затрат организаций на создание, распространение и использование цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг по видам затрат в Российской Федерации в 2019 г., %
 Источник: [19]

Fig. 3. Structure of internal costs of organisations for the creation distribution and use of digital technologies and related products and services by type of costs in the Russian Federation in 2019, %
 Source: [19]

Обратимся теперь к такому важному показателю цифровизации экономики, как среднегодовая численность занятых в области информации и связи (в процентах к общей численности занятых в экономике). В России в 2017 и 2018 гг. он составлял

2 %, в 2019 г. увеличился до 2,1 %, т. е. динамика очень слабая [13, с. 72]. В Беларуси рост работающего населения в этой сфере составляет 2,4; 2,6 и 2,9 % соответственно [15, с. 424]. Это означает, что востребованность профессионалов в данной

области постоянно растет (2,4 % в 2017 г. и 2,9 % в 2019 г.), появляется больше должностей, связанных с этим видом деятельности. Подтверждением представленных данных является увеличение в Беларуси доли работающих в сфере компьютерного программирования, консультационных и других сопутствующих услуг в высокотехнологичных, среднетехнологичных и наукоемких видах экономической деятельности с 0,8 до 1,7 % за пять лет (2015–2019) [14, с. 22].

Большинство занятых в этой сфере – молодые люди. На начало 2019 г. в России (как и в Беларуси) в сфере ИКТ трудились более 60 % работников не старше 35 лет, из них 38,2 % – в возрасте 20–29 лет [20, с. 34]. Как видим, пока это профессия молодых.

Выделим в анализе такой важный аспект, связанный с цифровизацией, как новые способы поиска вакансий безработными. Развитие ИКТ задает новый тренд спроса и предложения мест работы, поэтому можно предположить, что его влияние становится все более ощутимым на практике. Этот тренд прослеживается и в Беларуси (табл. 7), и в России (табл. 8).

Между рассматриваемыми странами есть различия. В Беларуси более 60 % ищущего работу населения использует интернет и СМИ. Россиянам при поиске работы более свойственно использование неформальных связей. Такая тенденция на-

блюдается во всех возрастных группах населения России. Даже среди молодежи, наиболее активно использующей интернет, в 2018 г. обращавшихся к друзьям, родственникам, знакомым на 10 % больше [20, с. 45]. Таким образом, мы констатируем, что нетрудоустроенное население России менее активно приобщается к использованию интернета при поиске работы и является менее открытым к гиг-экономике. Возможно, это частично связано с недоверием россиян к публичным субъектам и источникам информации. Отметим также, что женщины в двух странах больше склонны обращаться к СМИ и интернету при поиске работы, чем мужчины. По остальным позициям наблюдаются общие тенденции. Непосредственное обращение к работодателю является третьим по популярности вариантом получить работу и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь.

Перейдем теперь от цифровизации сферы производства к сфере потребления. Анализ данных позволяет понять, какая доля в структуре находящихся в обороте розничной торговли товаров приходится на продукцию ИКТ и какова динамика их потребления. Очевидно, что изменение в потреблении товаров данной категории является индикатором потребительских предпочтений и позволяет судить о желании и возможностях населения приобретать компьютерную технику и устройства мобильной связи (табл. 9).

Таблица 7

**Распределение безработных по способу поиска работы в Республике Беларусь в 2017–2019 гг.
(в процентах от общего числа безработных, по данным выборочного обследования)**

Table 7

**Distribution of the unemployed by type of job search in the Republic of Belarus in 2017–2019
(as a percentage of total number of unemployed according to sample survey data)**

Способы поиска работы	Всего			В том числе					
				мужчины			женщины		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
<i>Всего</i>	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Обращение в службу занятости	18,6	14,5	17,3	19,4	16,0	17,8	17,2	11,8	16,5
Поиск работы через газеты или другие средства массовой информации, интернет	64,2	66,1	63,2	63,2	64,1	59,9	65,9	69,5	68,5
Обращение к друзьям, родственникам, знакомым	53,6	55,4	57,4	54,1	55,7	58,5	52,5	54,9	55,6
Непосредственное обращение в организацию, к работодателю	27,7	23,2	22,2	29,5	23,5	23,4	24,3	22,6	20,4
Поиск помещения, оборудования и других ресурсов для открытия собственного дела, обращение за специальным разрешением (лицензией)	0,6	0,5	0,7	0,6	0,6	0,3	0,6	0,3	1,4
Другие действия	0,4	0,8	1,7	0,3	1,0	1,7	0,5	0,4	1,7

Примечание. Составлено на основе [15, с. 23].

Таблица 8

**Распределение безработных по способу поиска работы
в Российской Федерации (в процентах) в 2017 и 2018 гг.**

Table 8

**Distribution of the unemployed by the method of job search
in the Russian Federation (as a percentage) in 2017 and 2018**

Способы поиска работы	Всего		В том числе			
			мужчины		женщины	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
<i>Всего</i>	100	100	100	100	100	100
Обращение в органы службы занятости населения	27,9	26,1	26,1	24,2	29,9	28,2
Обращение в коммерческую службу занятости	4,3	4,4	4,4	4,3	4,3	4,6
Обращение в СМИ, к интернету	51,1	53,7	49,8	52,6	52,6	54,9
Обращение к друзьям, родственникам, знакомым	70,0	73,6	70,8	73,9	69,0	73,2
Непосредственное обращение к администрации (работодателю)	34,0	35,5	33,7	35,2	34,2	35,8
Другие способы	11,8	11,6	11,9	12,3	11,0	10,9

Примечание. Составлено на основе [20, с. 44].

Таблица 9

**Удельный вес оборота розничной торговли компьютерами
и мобильными телефонами в обороте розничной торговли
(в процентах) в Российской Федерации**

Table 9

**The share of the retail trade turnover of computers
and mobile phones in the retail trade turnover
(as a percentage) in the Russian Federation**

Вид товара	Год			
	2010	2017	2018	2019
<i>Все товары</i>	100	100	100	100
Компьютеры	0,6	0,6	0,6	0,6
Мобильные телефоны	0,8	1,0	1,1	1,1

Примечание. Составлено на основе [13, с. 447].

Из представленных данных (см. табл. 9) понятно, что торговый оборот компьютеров за последние 10 лет не изменился: их доля в совокупном обороте розничной торговли осталась на уровне 2010 г. Это значит, что россияне не стали больше тратить в фактически действовавших ценах на ПК по сравнению с другими товарами. Следовательно, возможности и потребности в приобретении компьютеров продолжают оставаться одинаковыми и, возможно, достаточными, чтобы удовлетворять спрос населения на данный вид цифровых продуктов. Вполне вероятно, что мобильные телефоны (и планшеты, которые не учла Федеральная служба государственной статистики) обеспечили решение некоторых задач, в прошлом решаемых с помощью

ПК, поскольку за те же 10 лет удельный вес оборота от их продаж увеличился с 0,8 до 1,1 %. Так, доля услуг по розничной торговле компьютерами в специализированных магазинах выросла в 2018 г. на 11,3 % по сравнению с 2017 г.; в 2019 г. – лишь на 2,8 % по сравнению с 2018 г. Ситуация с мобильными телефонами указывает на увеличивающийся объем продаж: 123,3 % в 2018 г. (по отношению к 2017 г.) и 113,4 % в 2019 г. (по отношению к 2018 г.) [22]. Также мы видим хоть и незначительный, но все же спад в розничных продажах в 2019 г.: доля услуг по розничной торговле компьютерами в специализированных магазинах снизилась на 11 %, продажи мобильных телефонов сократились на 9,7 %, что скорее свидетельствует об удовлетворенности

спроса и, возможно, желании использовать финансовые ресурсы на другие цели. Нельзя в данном случае игнорировать снижение в этот период реальных доходов населения России на 1,3 % [23]. Если учитывать их продолжающееся снижение, а также влияние пандемии в 2020 г., то вполне закономерным является уменьшение доли продаж в январе – ноябре 2020 г. непродовольственных товаров в розничной торговле на 5,5 % [24], что коснулось и информационно-коммуникационных товаров.

В Беларуси спад спроса на указанные товары также происходит, только его снижение в 2019 г. по сравнению с 2018 г. было не столь велико. Так, продажа компьютеров осталась на прежнем уровне (0,5 %), продажа мобильных телефонов снизилась с 1,7 до 1,6 % [15, с. 302].

Однако в динамике продаж информационно-коммуникационной техники в текущем году по отношению к предыдущему наблюдается значительный спад: рост розничного товарооборота компьютеров, периферийных устройств и программного обеспечения в 2018 г. составил 30 %, в 2019 г. – 5,8 %, т. е. снизился на 24,2 %. Рост розничного товарооборота телекоммуникационного оборудования уменьшился на 44,6 %, телефонов для сотовой и прочей беспроводной связи – на 32 %. Тенденции к снижению роста товарооборота в Бе-

ларуси более ощутимые, чем в России. И в данном случае речь уже идет скорее не об удовлетворенности техническими средствами (все же они быстро устаревают и теряют свой функционал), а о перераспределении доходов населения. Если принять к сведению данные Статистического ежегодника Республики Беларусь за 2020 г., то обнаруживается, что в целом прирост розничного товарооборота сократился на 4 %, хотя он по-прежнему находится в положительном тренде (104,5 % в 2018 г. [15, с. 301]), и, как заявляют эксперты, несмотря на пандемию, окажется в 2020 г. на уровне 102 % [25].

Перейдем непосредственно к розничным потребителям цифровых продуктов. Наиболее распространенным показателем цифровизации населения является доступ к интернету в домашних хозяйствах, поскольку он демонстрирует потенциал использования разнообразных сетевых сервисов и платформ, обеспечивающих снятие пространственных и временных ограничений в передаче данных, коммуникации, получении информации и услуг, обучении и работе. Массовое использование интернет-ресурсов свидетельствует о цифровизации общественных отношений и распространении цифровой экономики. Динамика роста доступа населения к интернету является наиболее важной характеристикой данного показателя (рис. 4 и 5).

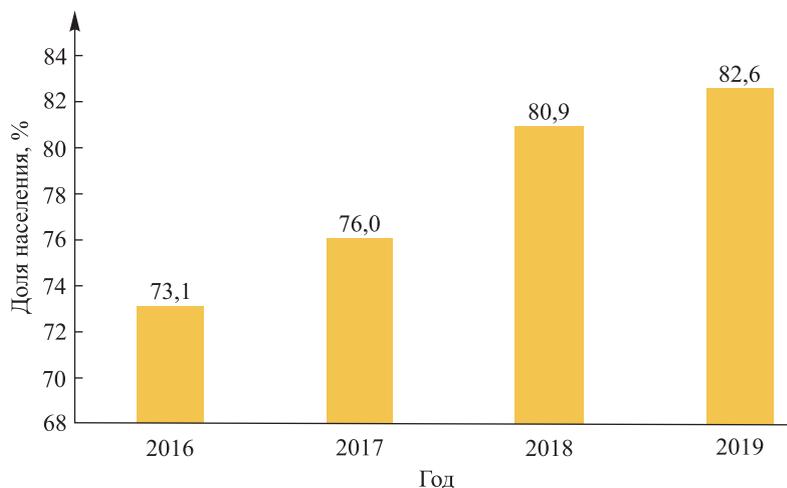

Рис. 4. Доля населения, использующего интернет, в Российской Федерации (в процентах, значение показателя за год).

Источник: [26]

Fig. 4. The share of the population using the Internet in the Russian Federation (as a percentage, value of the indicator for the year).

Source: [26]

С 2016 г. наблюдается постоянный рост численности населения, пользующегося интернетом, как в России, так и в Беларуси. В 2019 г. значения показателей почти совпадали (82,6 % в Российской Федерации и 82,8 % в Республике Беларусь). В то же время имеет место немного более динамичное увеличение доли населения, пользующегося интернетом, в Беларуси с 2016 г. (на 15,8 %), чем в России

(на 9,5 %). В целом же можно с уверенностью констатировать: темпы прироста находятся в тренде в развитых странах (рис. 6), хотя уровень доходов населения России и Беларуси существенно ниже. Объяснить данный факт можно меньшей стоимостью пользования интернетом, чем в странах с высокими доходами, что влечет и большую доступность в его использовании.

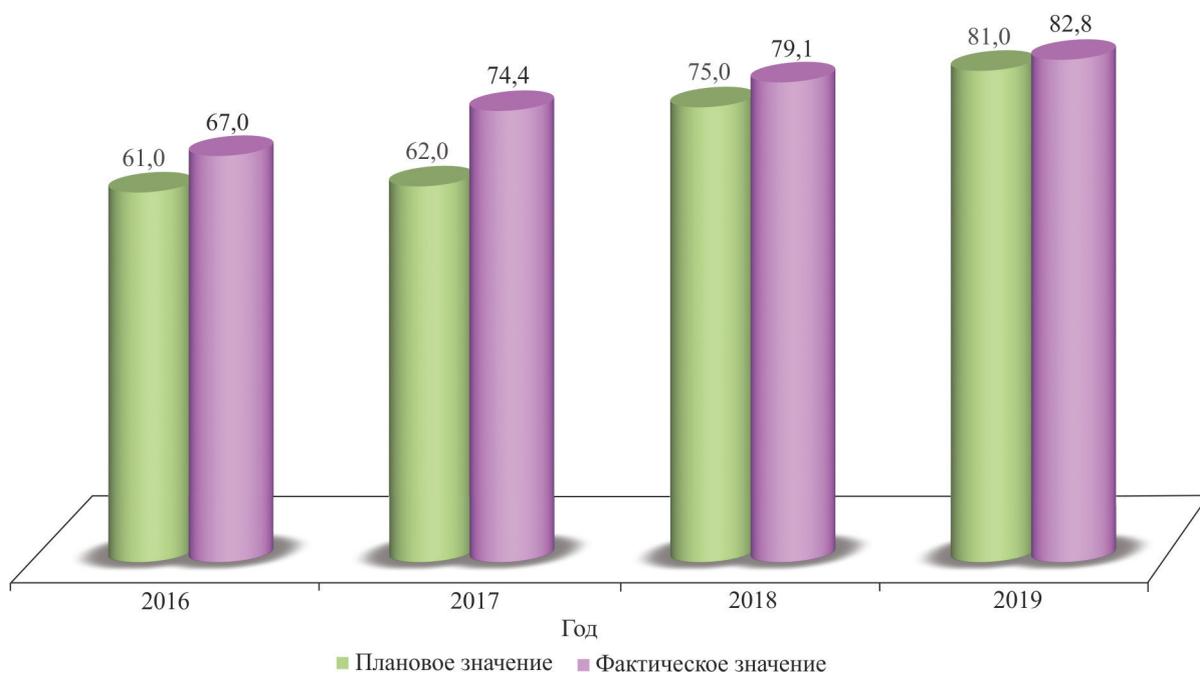

Рис. 5. Запланированная и фактическая доля населения (единиц на 100 человек), использующего интернет в Республике Беларусь, %.

Источник: [27]

Fig. 5. Planned and actual share of the population (units per 100 people) using the Internet in the Republic of Belarus, %.

Source: [27]

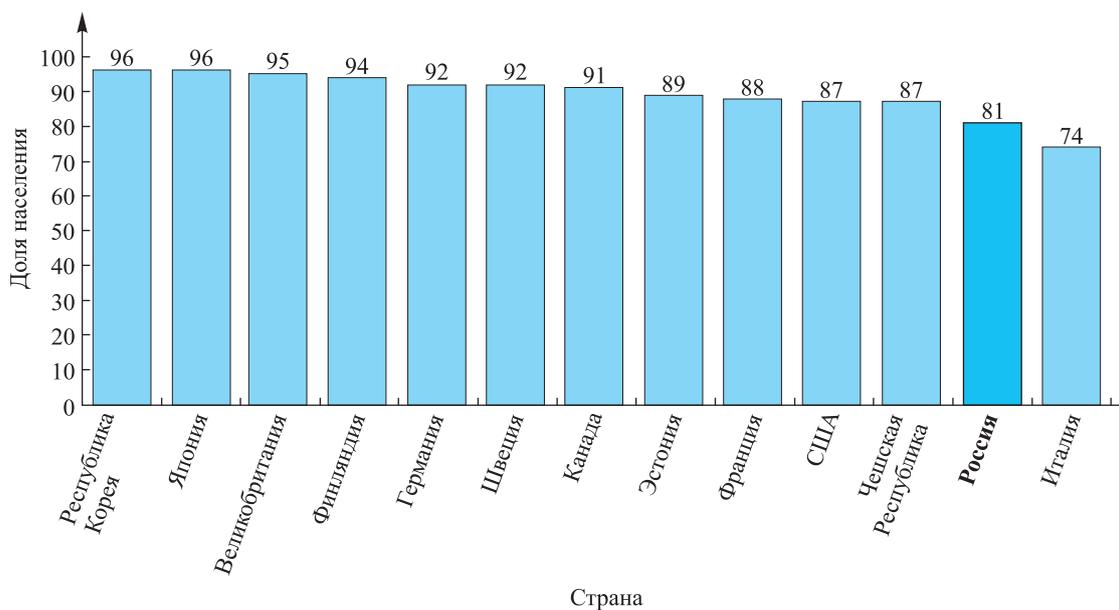

Рис. 6. Использование интернета населением за последние три месяца по странам: 2018 (в процентах от общей численности населения в возрасте 15–74 лет).

Источник: [9, с. 21]

Fig. 6. Internet usage by population in the last three months by country: 2018 (as a percentage of the total population aged 15–74 years).

Source: [9, p. 21]

Схожая тенденция имеется в отношении доступа домохозяйств к интернету. В 2017–2019 гг. в Беларуси наблюдается на порядок превосходящая российскую динамика роста количества домохозяйств, имеющих доступ к интернету, – 8,4 % (с 74,4 до 82,8 %), в то время как в Российской Федерации этот показатель составил 0,6 % (с 76,3 до 76,9 %) [25; 13, с. 487].

Теперь сравним показатели использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей в Республике Беларусь и Российской Федерации. В Беларуси за 5 лет (2013–2018) доля лиц в возрасте от 6 до 72 лет, пользующихся услугами сотовой связи, выросла с 93,7 до 97,2 %, ПК – с 60,8 до 73,5 %, интернетом – с 58,4 до 79,1 % [17, с. 80]. В России выделяются несколько иные возрастные группы (в статистике не представлен возраст 6–14 лет). Несмотря на меньшее количество представителей изучаемой группы, Россия опережала в 2018 г. Беларусь по числу лиц, использовавших ПК (77,3 %) и интернет (83,8 %) [13, с. 48]. В 2019 г. количество персональных компьютеров на 100 домохозяйств составило 47 шт. (мобильных телефонов – 249 шт.), т. е. получается, что на два домохозяйства приходился один ПК. Сравнивая эти данные с долей населения, использовавшего персональный компьютер в 2019 г., можно сказать, что четверть из них имели доступ к ПК только на работе или учебе [16, с. 294].

Отметим, что в Беларуси в 2018 г. в 70 % домохозяйств использовался персональный компьютер [17, с. 80]. Сравнивая этот показатель с долей населения, использующего ПК (74 %), можно сказать, что практически все участники домохозяйств, имеющих ПК, прибегают к его использованию. Информация по России оказалась несколько более развернутой, она позволяет сделать вывод о растущей востребованности использования интернета для заказа товаров и услуг, в том числе государственных и муниципальных. Доля населения, получавшего государственные и муниципальные услуги в электронной форме в 2017–2019 гг. (в 2019 г. – 77,6 %), оставалась более чем в два раза выше доли лиц, использовавших интернет для заказа товаров или услуг (в 2019 г. – 35,7 %). Логично предположить, что в период пандемии COVID-19 в 2020 г. этот показатель вырос существенно.

Наконец, интерес представляет сводная информация о целях выхода в интернет разных категорий населения. Опишем кратко данные по Беларуси [17, с. 85].

1. В большей мере интернет используется для поиска информации (93,7 %), причем гендерных различий здесь не наблюдается. Горожане несколько активнее, чем сельские жители, хотя принципиальной разницы и здесь нет (85 и 78 % соответственно). Самыми активными в поиске информации явля-

ются лица в возрасте 16–24 лет (98,7 %), далее идет группа 25–54 лет (97 %), причем для первой группы поиск информации – это открытие нового, для второй – подтверждение уже известных фактов, поиск деталей. Психологи полагают, что в более зрелом возрасте человек скорее стремится не узнать (и принять) новую информацию, а подкрепить свою позицию посредством поиска ее подтверждения в интернете. По критерию образования лица с высшим образованием в наибольшей степени ориентированы на поиск информации (98,5 %), так происходит в силу специфики их профессиональной деятельности (умственного труда). Незначительно меньше (97,4 %) доля лиц, не имеющих среднего образования. Мы полагаем, что это школьники, которые все чаще постигают тайны мира через погружение в виртуальное пространство.

2. Отметим, что, по данным упомянутого выше исследования Института социологии НАН Беларуси, большинство горожан используют доступные технические инновации для общения [18, с. 106].

3. Второй по популярности целью выхода граждан Беларуси в интернет являются просмотр и скачивание фильмов, скачивание и прослушивание музыки и т. д. (86,4 %). Это наиболее удобный пассивный способ досуга – времяпровождение, не требующее практически никаких финансовых затрат. Поэтому четко прослеживается корреляция между возрастом и долей населения, использующего этот ресурс. Возраст мы связываем с привычками, образом жизни: так, использовать телевизор и радио склонны в большей мере люди старшего возраста. Однако в интернете важны навык подключения к медиаплатформам и умение скачивать соответствующий контент. Поэтому в данной сфере преобладает молодежь. На первом месте находится возрастная группа 16–24 лет (97,6 %), на втором – группа 6–15 лет (89,5 %), на третьем – 25–54 лет (88,4 %). Интерес представителей старше 54 лет ниже (60–76 %).

4. Наибольший интерес у детей и подростков 6–15 лет вызывают компьютерные игры (86,6 %). Примерно такая же доля населения (84,1 %), предпочитающего такие развлечения, не имеет среднего образования. По мере взросления люди все меньше проводят свой досуг за онлайн-играми, поскольку им приходится решать серьезные жизненные проблемы, требующие временных затрат (финансовые операции, взаимодействие с органами государственного управления, покупка и заказ товаров и услуг). Все эти активности характерны в первую очередь для группы лиц 24–54 лет, имеющих высшее образование.

5. Чтение в интернете, скачивание журналов, газет и книг наиболее популярны среди лиц, имеющих высшее образование (76,6 %), а использование интернет-ресурсов для получения образования – сре-

ди тех, кто его не имеет (почти три четверти лиц до 25 лет и 90 % лиц без образования). Причем в группах, представители которых уже получили дипломы, тяга к образованию значительно уменьшается. Удивительно, что среди имеющих высшее образование людей только 10,9 % используют интернет для этой цели. Можем предположить, что компании и организации предоставляют этой категории населения услуги по повышению квалификации, но мотивированность к самостоятельному получению образования у населения пока еще крайне низка. Все возрастные группы старше 25 лет используют ресурс образования минимально (менее 10 %).

6. Судя по данным, социальные сети – излюбленное место общения представительниц городского населения (83,6 % женщин против 75,6 % мужчин) в возрасте 16–24 лет (96,8 %), имеющих высшее образование (86,1 %). Однако группа лиц, не имеющих среднего образования (школьники), опережает всех по использованию социальных сетей (95,7 %). Видимо, в этих данных кроется ответ на вопрос, почему молодежь, включая подростков, легче и быстрее всего вовлечет через социальные сети в любую массовую активность. Эта особенность широко используется нынешними блогерами и другими сетевыми профессионалами в политическом поле.

Что касается ситуации с использованием сходных ресурсов россиянами, аналогичные показатели здесь ниже примерно на 10 % (точнее высчитать невозможно ввиду несовпадения представленных в статистике возрастных групп) [2]. Общая доля активных пользователей интернета в возрасте 15–72 лет в России составляет 81,4 %. Мужчины несколько активнее женщин, горожане закономерно используют интернет больше, чем сельские жители (84,1 и 73,1 % соответственно). Причина, видимо, в недостаточной степени развития ИКТ в сельской местности и более низких доходах сельчан. Анализ тенденций роста позволяет предположить, что в ближайшее десятилетие доля активных пользователей интернета в сельской местности сравняется с городом, и этой цели призваны способствовать государственные программы цифровизации в России и Беларуси.

Данные об использовании интернета для заказов товаров и услуг свидетельствуют, что в России треть населения в возрасте 15–74 лет (35,7 %) активны в данной сфере. Этот показатель очень близок к данным по Беларуси (38,2 %). Так же как и в Беларуси (40,8 против 29,2 %), в России село сильно отстает от города (39,6 и 23,8 %). Лидерами в использовании интернета для покупок оказались белорусские женщины (41,9 против 37,7 % в России). Женщины в обеих странах (в городе и селе) опережают мужчин в использовании этой услуги. Добавим, что не более 0,5 % россиян не используют интернет из соображений безопасности.

Что касается возраста, в котором люди предпочитают делать заказы через интернет, то преобладает группа 25–29 лет (56,1 %). Более половины лиц из групп 20–24 и 30–34 лет также используют интернет-заказы очень активно. В целом доля лиц в возрасте 25–54 лет составляет 44,4 % всего населения от 15 до 74 лет, что в целом близко к данным, полученным из Беларуси (49,6 %). Активнее всего используют интернет для заказов люди в возрасте 15–24 и 16–24 лет (43,9 % россиян и 44,8 % белорусов). Наибольший интерес представляет возрастная группа 25–29 лет, которая, по данным российской статистики (статистика в Республике Беларусь по данному показателю не представлена), является абсолютным лидером в использовании интернета для заказа товаров и услуг. Это та молодежь, что уже вступила в трудовую жизнь, имеет достаточную степень самостоятельности (в том числе финансовой) и определила свой стиль жизни, где естественным и необходимым атрибутом являются цифровые товары и услуги.

Теперь сравним, насколько активно население России и Беларуси использует интернет для получения государственных и муниципальных услуг. По данным за 2019 г., доля пользователей этих услуг среди населения России составляет 53,5 % (57,7 % в городе и 41,0 % в селе) [2]. Однако в целом российское население довольно пассивно в отношении использования государственных и муниципальных услуг: всего 9,3 % лиц в возрасте 25–79 лет осуществляют взаимодействие с органами государственного управления. Это меньше, чем в Беларуси (16,5 %), и на порядок ниже, чем в Западной Европе. Скорее всего, такая пассивность связана с недостаточной практикой и низкой культурой онлайн-взаимодействия населения с государственными структурами, а также с возможным недоверием к эффективности подобных процедур, но не с низкой цифровой грамотностью населения. Самой активной возрастной группой в использовании госуслуг оказались те, кому 60–69 лет, причем жители села обогнали горожан (15,3 против 14,4 %).

Нельзя не отметить еще один важный аспект, характеризующий цифровую трансформацию в обеих странах, – техностресс и угрозы, связанные с цифровизацией. В наибольшей степени техностресс распространен среди граждан предпенсионного и пенсионного возрастов, которые не владеют технологическими инновациями на том же уровне, что и молодые граждане, и боятся увольнения по этой причине. Результаты глубинных интервью, взятых у сотрудников одной из белорусских компаний в сфере телекоммуникационных услуг ($n = 40$) в 2020 г., имеющих высшее образование, показали, что лица старшей возрастной группы чаще испытывают тревоги, страх упустить что-то важное, отстать от коллег в освоении технологических новинок.

Техностресс может приводить к неврозам, пессимизму, усиливать неуверенность в себе и т. п. Такие работники не проявляют инициативу в овладении новыми технологиями, не повышают квалификацию [18, с. 108]. В телефонном опросе, проведенном в Санкт-Петербурге, также было выявлено, что часть работников (особенно низкой квалификации) не проявляют никакой заинтересованности в ов-

ладении цифровыми технологиями, испытывают к техническим новинкам чувство неприятия. Был сделан вывод, что преодоление такой ситуации во многом зависит от отношения работодателя, который может стимулировать работников к получению новых знаний, росту компетенций и преодолению их негативных чувств, связанных с трудностями овладения техновинками [21, с. 128].

Заключение

Подведем итоги нашего исследования. Во-первых, отметим, что в Республике Беларусь и Российской Федерации наблюдаются устойчивые тенденции в развитии цифровизации. Они не несут ярко выраженных взрывных (революционных) преобразований, но все же можно с уверенностью констатировать их трансформационный характер, затрагивающий и меняющий принципы экономики и жизни в обществе. Население добровольно принимает и достаточно активно использует в своей повседневной и трудовой жизни продукты ИКТ, поскольку они оказываются более удобными, совершенными в организации труда и быта населения двух стран, чем прежние формы жизнедеятельности и труда. Во-вторых, исследования показали, что Беларусь по некоторым позициям опережала Россию. Это подтверждают и индексы развития ИКТ: в 2017 г. Беларусь находилась на 32-м месте, а Россия – на 46-м [17, с. 95]. В-третьих, обе страны демонстрируют показатели устойчивых «среднячков», имеющих достаточный потенциал, чтобы двигаться дальше.

Укажем причины, которые, по нашему мнению, не обеспечивают явный прорыв в цифровой трансформации в обеих странах. Они представляются

идентичными в России и Беларуси и связаны с недостатком экономических и финансовых ресурсов. Приведем лишь один факт в подтверждение данного тезиса. По данным ТАСС, «предусмотренные в законопроекте объемы бюджетных ассигнований по сравнению с объемами, утвержденными Законом № 380-ФЗ, в 2021 году уменьшены на 24 174,5 млн рублей, в 2022 году – на 35 424,6 млн рублей, в 2023 году по сравнению с объемами, предусмотренными паспортом проекта на 2023 год, уменьшены на 32 632,5 млн рублей» [28]. Тенденция развития стран такова, что финансирование сокращается. Это еще более отчетливо проявилось в условиях пандемии. Однако вторая причина связана с недостаточно эффективным управлением ресурсами: зачастую управленцы не могут освоить даже имеющиеся в наличии ресурсы.

Работа над этими недостатками может занять неопределенно долгое время, поскольку она зависит от многих причин глобального и локального характера. Вместе с тем ускоренная цифровизация необходима как для общего устойчивого развития двух стран, так и для противостояния глобальным рискам и гуманитарным угрозам.

Библиографические ссылки

1. Цифровая экономика Российской Федерации [Интернет; процитировано 12 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://digital.ac.gov.ru/ru/activity/>.
2. Использование информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей населением [Интернет; процитировано 12 января 2021 г.]. Доступно по: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/publishdata/reports/publishdata/reports/files/2013/%d1%82%d0%b0%d0%b1_2.xlsx/.
3. Цифровой потенциал стран – участниц ЕАБР [Интернет; процитировано 12 мая 2020 г.]. Доступно по: https://eabr.org/upload/iblock/551/EABR_Digital_Potential_06_2019.pdf.
4. Доклад о цифровой экономике – 2019. Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию [Интернет; процитировано 10 февраля 2020 г.]. Доступно по: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf.
5. Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию [Интернет; процитировано 11 апреля 2020 г.]. Доступно по: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf.
6. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Интернет; процитировано 12 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>.
7. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества [Интернет; процитировано 10 марта 2020 г.]. Доступно по: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-cifrovoy-ekonomiki-i-informacionnogo-obshchestva>.
8. Минсвязи подготовило проект Концепции государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Интернет; процитировано 12 января 2021 г.]. Доступно по: <https://www.mpt.gov.by/ru/news/30-07-2020-6618>.
9. Цифровая экономика: 2020 [Интернет; процитировано 11 декабря 2020 г.]. Доступно по: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/323871553>.

10. Социально-экономическое положение России, январь – ноябрь 2020 года [Интернет; процитировано 12 декабря 2020 г.]. Доступно по: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/6RRlh5Rm/osn-11-2020.pdf>.
11. Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе – сентябре 2020 г. [Интернет; процитировано 11 ноября 2020 г.]. Доступно по: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_18277/.
12. Исполнение расходов бюджета на нацпроекты за восемь месяцев составило 48,4 % [Интернет; процитировано 11 октября 2020 г.]. Доступно по: <https://ach.gov.ru/audit-national/ispolnenie-raskhodov-byudzhetna-na-natsproekty-zavosem-mesyatsev-sostavilo-48-4>.
13. Российский статистический ежегодник – 2020 [Интернет; процитировано 16 декабря 2020 г.]. Доступно по: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/gJQ9L6ew/year2020.rar>.
14. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь – 2020 [Интернет; процитировано 11 ноября 2020 г.]. Доступно по: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_17895.
15. Статистический ежегодник Республики Беларусь – 2020 [Интернет; процитировано 12 декабря 2020 г.]. Доступно по: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_18023/.
16. Окладников СМ, редактор. *Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020*. Москва: Росстат; 2020. 995 с.
17. Медведева ИВ, редактор. *Информационное общество в Республике Беларусь*. Минск: Белстат; 2019. 100 с.
18. Лебедева ЕВ, Денискина АИ. Цифровая трансформация городской среды и цифровые компетенции горожан. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:101–110. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-101-110.
19. Валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики в 2019 г. [Интернет; процитировано 11 октября 2020 г.]. Доступно по: <https://issek.hse.ru/news/418395532.html>.
20. Лайкам КЭ, редактор. *Труд и занятость в России – 2019*. Москва: Росстат; 2019. 135 с.
21. Карапетян РВ, Сизова ИЛ, Бакаев МА. Текущие и ожидаемые параметры прироста цифровых компетенций у занятого населения. *Вестник Института социологии*. 2020;1:111–134. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.629.
22. Индекс физического объема розничной продажи основных товаров с 2017 г. [Интернет; процитировано 11 декабря 2020 г.]. Доступно по: <https://fedstat.ru/indicator/57701>.
23. Реальные доходы россиян в 2019 году продолжили падение [Интернет; процитировано 11 января 2021 г.]. Доступно по: <https://www.rbc.ru/economics/19/02/2019/5c6c3a0a9a794787fc457225>.
24. Оборот розницы показал обычную сезонность с поправкой на пандемию [Интернет; процитировано 20 декабря 2020 г.]. Доступно по: <https://rg.ru/2020/12/18/oborot-roznicy-pokazal-obychnuiu-sezonnost-s-popravkoj-na-pandemiiu.html>.
25. МАРТ прогнозирует рост розничного товарооборота в 2020 году на 2 % [Интернет; процитировано 15 октября 2020 г.]. Доступно по: <https://www.belta.by/economics/view/mart-prognoziruuet-rost-roznicnogo-tovarooborota-v-2020-godu-na-2-400020-2020/>.
26. Доля населения, пользующегося информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет» (17.8.1) [Интернет; процитировано 16 декабря 2020 г.]. Доступно по: <https://www.fedstat.ru/indicator/58465>.
27. Краткая информация о реализации Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Интернет; процитировано 15 января 2021 г.]. Доступно по: <https://www.mpt.gov.by/ru/kratkaya-informaciya-o-realizacii-gosudarstvennoy-programmy-razvitiya-cifrovoy-ekonomiki-i>.
28. Объем финансирования нацпроектов в 2021 году составит 2,2 трлн рублей [Интернет; процитировано 26 декабря 2020 г.]. Доступно по: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/9483409>.

References

1. Digital economy of the Russian Federation [Internet; cited 2020 May 12]. Available from: <https://digital.ac.gov.ru/ru/activity/>. Russian.
2. The use of information technologies and information and telecommunications networks by the population [Internet; cited 2021 January 12]. Available from: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/publishdata/reports/publishdata/reports/files/2013/%d1%82%d0%b0%d0%b1_2.xlsx/. Russian.
3. Digital potential of the participating countries of the Eurasian development bank [Internet; cited 2020 May 12]. Available from: https://eabr.org/upload/iblock/551/EABR_Digital_Potential_06_2019.pdf. Russian.
4. Digital economy report – 2019. United Nations Conference on trade and development [Internet; cited 2020 February 10]. Available from: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf. Russian.
5. United Nations Conference on trade and development [Internet; cited 2020 April 11]. Available from: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf. Russian.
6. National program «Digital economy of the Russian Federation» [Internet; cited 2020 May 12]. Available from: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>. Russian.
7. State program for the development of the digital economy and information society [Internet; cited 2020 March 10]. Available from: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-cifrovoy-ekonomiki-i-informacionno-go-obshchestva>. Russian.
8. Draft Concept of the State program «Digital Development of Belarus» for 2021–2025 [Internet; cited 2021 January 12]. Available from: <https://www.mpt.gov.by/ru/news/30-07-2020-6618>. Russian.
9. The digital economy: 2020 [Internet; cited 2020 December 11]. Available from: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/323871553>. Russian.
10. Socio-economic situation of Russia, January – November 2020 [Internet; cited 2020 December 12]. Available from: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/6RRlh5Rm/osn-11-2020.pdf>. Russian.

11. Socio-economic situation of the Republic of Belarus in January – September 2020 [Internet; cited 2020 November 11]. Available from: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_18277/. Russian.
12. Execution of budget expenditures on national projects for eight months amounted to 48.4 % [Internet; cited 2020 October 11]. Available from: <https://ach.gov.ru/audit-national/ispolnenie-raskhodov-byudzheta-na-natsproekty-za-vosemesyatsev-sostavilo-48-4>. Russian.
13. Russian statistical yearbook – 2020 [Internet; cited 2020 December 16]. Available from: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/gJQ9L6ew/year2020.rar>. Russian.
14. Science and innovation in the Republic of Belarus – 2020 [Internet; cited 2020 November 11]. Available from: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_17893. Russian.
15. Statistical yearbook of the Republic of Belarus – 2020 [Internet; cited 2020 December 12]. Available from: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_18023/. Russian.
16. Okhladnikov SM, editor. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli – 2020* [Regions of Russia. Socio-economic indicators – 2020]. Moscow: Rosstat; 2020. 995 p. Russian.
17. Medvedeva IV, editor. *Informatsionnoe obshchestvo v Respublike Belarus'* [Information society in the Republic of Belarus]. Minsk: National Statistical Committee; 2019. 100 p. Russian.
18. Lebedeva EV, Deniskina AI. Digitalization of city and digital competencies of citizens. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:101–110. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-101-110.
19. Gross domestic expenditures on the development of the digital economy in 2019 [Internet; cited 2020 October 11]. Available from: <https://issek.hse.ru/news/418395532.html>. Russian.
20. Laikam KE, editor. *Trud i zanyatost' v Rossii – 2019* [Labour and employment in Russia – 2019]. Moscow: Rosstat; 2019. 135 p. Russian.
21. Karapetian RV, Sizova IL, Bakaev MA. Current and expected parameters of building digital competencies among the working population. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020;1:111–134. Russian. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.629.
22. Index of physical volume of retail sales of basic goods since 2017 [Internet; cited 2020 December 11]. Available from: <https://fedstat.ru/indicator/57701>. Russian.
23. Real incomes of Russians in 2019 continued to fall [Internet; cited 2021 January 11]. Available from: <https://www.rbc.ru/economics/19/02/2019/5c6c3a0a9a794787fc457225>. Russian.
24. Retail turnover showed normal seasonality adjusted for the pandemic [Internet; cited 2020 December 20]. Available from: <https://rg.ru/2020/12/18/oborot-roznicy-pokazal-obychnuiu-sezonnost-s-popravkoj-na-pandemiiu.html>. Russian.
25. MEDT forecasts a 2 % increase in retail trade turnover in 2020 [Internet; cited 2020 October 15]. Available from: <https://www.belta.by/economics/view/mart-prognoziruuet-rost-roznichnogo-tovarooborota-v-2020-godu-na-2-400020-2020/>. Russian.
26. The share of the population using the information and telecommunications network «Internet» (17.8.1) [Internet; cited 2020 December 16]. Available from: <https://www.fedstat.ru/indicator/58465>. Russian.
27. Brief information on the implementation of the State program for the development of the digital economy and information society for 2016–2020 [Internet; cited 2021 January 15]. Available from: <https://www.mpt.gov.by/ru/kratkaya-informaciya-o-realizacii-gosudarstvennoy-programmy-razvitiya-cifrovoy-ekonomiki-i>. Russian.
28. Funding for national projects in 2021 will amount to 2.2 trillion rubles [Internet; cited 2020 December 26]. Available from: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/9483409>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.02.2021.
Received by editorial board 04.02.2021.

УДК 316.74:2

БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА НИЗОВОМ УРОВНЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РОЛЬ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ И СЕСТРИЧЕСТВ В БЕЛАРУСИ

С. А. МУДРОВ¹⁾, Н. В. ЗАХАРОВ²⁾

¹⁾Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 30, 211440, г. Новополоцк, Беларусь

²⁾Сёдертёрнский университет, аллея Альфреда Нобеля, 7, Худдинг, 14189, г. Стокгольм, Швеция

Изучается роль братств и сестричеств Белорусской православной церкви, которые в настоящее время выполняют важные социальные, образовательные, информационные и благотворительные функции, в том числе на региональном уровне. Анализируется, каким образом деятельность братств и сестричеств зависит от локального религиозного контекста и как они вписываются в более широкий контекст возрастающих роли и значения церкви в современной Беларуси. Более подробно рассматривается деятельность Союза сестричеств и сестричеств в Лиде и Новогрудке, работа которых направлена преимущественно на достижение важных социальных и благотворительных целей. На примере братства Трех Виленских Мучеников в Минске представлена деятельность братств, ориентированная главным образом на образовательную и миссионерскую работу.

Ключевые слова: церковь; православие; Беларусь; братства; сестричества; благотворительные организации; социальное государство; гражданское общество.

Благодарность. Исследование проводилось при поддержке Фонда балтийских и восточноевропейских исследований (проект «Религия в постсоветский период: официальные представители и низовые организации в Беларуси», 61/2017).

THE BELARUSIAN ORTHODOX CHURCH AT GRASSROOTS' LEVEL: THE ORGANISATION, FUNCTIONING AND ROLE OF ORTHODOX BROTHERHOODS AND SISTERHOODS IN BELARUS

S. A. MUDROV^a, N. V. ZAKHAROV^b

^aPolotsk State University, 30 Blochina Street, Navapolack 211440, Belarus

^bSödertörn University, 7 Alfred Nobel alle, Huddinge 14189, Stockholm, Sweden

Corresponding author: S. A. Mudrov (s.mudrov@psu.by)

This article is devoted to the analysis of the growing importance of brotherhoods and sisterhoods of the Belarusian Orthodox Church. Currently these organisations perform important social, educational, informational and charitable functions, up to and including at regional level. This article analyses how the conditions and the logic of their operation are dependent

Образец цитирования:

Мудров СА, Захаров НВ. Белорусская православная церковь на низовом уровне: организация, функционирование и роль православных братств и сестричеств в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;1:70–78 (на англ).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-70-78>

For citation:

Mudrov SA, Zakharov NV. The Belarusian Orthodox Church at grassroots' level: the organisation, functioning and role of Orthodox brotherhoods and sisterhoods in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021; 1:70–78.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-70-78>

Авторы:

Сергей Александрович Мудров – кандидат социологических наук; доцент кафедры социальных коммуникаций финансово-экономического факультета.

Николай Валерьевич Захаров – кандидат социологических наук; руководитель исследовательских проектов в области глобального антирасизма и религии.

Authors:

Sergei A. Mudrov, PhD (sociology); associate professor at the department of social communications, faculty of finance and economics.

Nikolay V. Zakharov, PhD (sociology); head of the research projects and study groups on global antiracism and religion.
nikolay.zakharov@sh.se

on local religious contexts and how they are inscribed in the broader context of the growing role of the church in emerging community welfare in contemporary Belarus. In this article, special attention is given to the analysis of activities of the Union of Sisterhoods and the sisterhoods in Lida and Novogrudok. These sisterhoods mainly work to achieve important social and charitable objectives. In the case of brotherhoods, their main activities have been confined to educational and missionary work, as seen in the example of the Three Martyrs of Vilna brotherhood in Minsk.

Keywords: church; Orthodoxy; Belarus; brotherhoods; sisterhoods; charities; welfare state; civil society.

Acknowledgements. This study was supported by the Foundation for Baltic and East European Studies (Östersjöstiftelsen) (research project «Religion in post-Soviet nation-building: official mediations and grassroots' accounts in Belarus», 61/2017).

Introduction

The Orthodox Church has always underlined the importance of social, educational and charity work, as a fulfillment of the Gospel's principles. Moreover, such work has provided a good chance to involve ordinary parishioners in activities where they can act as members of the church and, at the same time, perform functions regarded as important, significant and useful by the wider public. Those parishioners who wanted to be involved in social, educational and charitable work were often united in entities called brotherhoods and sisterhoods, although at times they avoided formal organisation, acting as volunteers¹. These brotherhoods and sisterhoods, keeping their religious essence, embraced at the same time some features of regular non-governmental organisations (NGOs), functioning in a partial dependence on the Belarusian Orthodox Church (BOC).

Existing literature provides some information about these brotherhoods and sisterhoods, with a description of their origin, essence and historical role in different places, including Belarus². Activities of the BOC have been analysed both by sociologists and by political scientists [1; 2]. However, the issues of the contemporary role and activities of brotherhoods and sisterhoods in the BOC were not given full consideration. Moreover, civil society is often seen as weak and underdeveloped in Belarus, and the role of NGOs is often wrongly seen as predominantly political. This article emphasises the importance of the church in the border overlap between state and third sector, its contribution at grass roots level to the growing role of community and extended kin in times of moral challenges and economic shortages. Filling the existing gap in current literature, this paper analyses the contemporary activities of brotherhoods and sisterhoods in Belarus, including their participation in various social and charitable projects.

The aim of this article is twofold: to map grass roots activities of believers in Belarus and to bring these activities into the broader context of discussion of the role of the third sector in social protection in Belarus. Theoretically our study is informed by a neo-institutionalist approach to the study of civil movements and voluntary associations [3]. The concept of organisational field can be defined as a structured set of actors involved in solving a set of problems, as well as the connections between these actors and categories of knowledge that arise from the interaction between them [4]. Actors in such organisational fields are stratified by the amount of resources they have at their disposal, the number and strength of their connections, and also by the legitimacy of their claims to participate in this field [5].

For grass roots voluntary organisations such as religious brotherhoods and sisterhoods aiming to cooperate with government bodies and church authorities (or at least solving the same social problems with them and sharing the same understanding of existing challenges), the problem of legitimation is one of the most significant. For relatively new participants in the field, or for those participants whose claims are not enshrined in the regulatory norms of this institution, legitimacy, according to Scott [4] can be increased in several dimensions:

a) regulatory, when it comes to the adoption of organisational forms that are acceptable in the given field, adherence to legislation, etc.;

b) normative, when there is, for example, the adoption of existing or introduction into the organisational field of new norms or ethical codes;

c) cultural and cognitive – adaptation of existing language, theoretical knowledge, and myths to strengthen the significance of the organisation [4].

¹An interesting example here can be given by the Minsk parish in the honour of the icon of Theotocos «Pantanassa». According to priest Kirill Sholkov, rector of the parish, they have no formal brotherhood or sisterhood, but they have around 400 volunteers in the parish, doing various social and charitable work.

²Андрущенко Н. Просветительская и благотворительная деятельность православных братств на Беларуси // Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры : сб. докл. XXIV междунар. Кирилло-Мефодиевских чтений / ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорус. гос. ун-та ; С. И. Шатравский, свящ. Святослав Рогальский. Минск : Христиан. образов. центр им. святых Мефодия и Кирилла, 2009. С. 182–185.

This article will analyse the increasing role of Orthodox brotherhoods and sisterhoods in the civil sphere of Belarus through the prism of the above-mentioned levels. The data for this article has been obtained from the unpublished reports of sisterhoods and in-depth unstructured interviews with the representatives of the brotherhoods and sisterhoods. The unpublished

reports were received directly from the brotherhoods and sisterhoods themselves, and the interviews were arranged with the use of online technologies. Almost all the people whom we approached agreed to be interviewed; there were no requests for anonymity, therefore the real names of interviewees have been mentioned in this article.

Historical background

The foundation of the first Orthodox brotherhoods in the territory of what is now Belarus takes us as far back as the 11th century. According to Gennadiy Toropovich, «At the foundation of the [first] church brotherhoods, the Christian life of the first centuries was taken as an example, based on the commandments of the Saviour and apostles, who were speaking about the community and love, which Christians should have among themselves»³. After the Union of Brest, which opened the era of imposing Roman Catholicism in Belarus, the Orthodox brotherhoods were playing a crucial role in the defense of Orthodoxy, publishing books and pamphlets, and founding new churches and monasteries. Such a defensible role (to protect Orthodoxy) lost its significance after Belarus joined Russian Empire; therefore, in the 19th and early 20th century brotherhoods and sisterhoods were mainly fulfilling charitable functions, helping sick, poor, and other people in need. The educational mission of brotherhoods was not completely driven out; interestingly, in the early 20th century some brotherhoods even declared politically-driven objectives, aimed at the «struggle against the revolutionary movement»⁴. The 1917 October revolution and the subsequent dominance of anti-religious policies in Belarus destroyed these formal or-

ganisations of parishioners: they were not tolerated by the communist regime, which severely restricted the rights of the Orthodox Church, leaving it a very narrow (ghetto-like) space to function.

Since then, restrictions were strongly and violently imposed in succession; it is not surprising therefore that the sisterhoods and brotherhoods were able to resume their activities in the BOC only in the twilight of the communist era. According to Elena Zenkevich, the revival of sisterhoods in contemporary Belarus can be traced to December 1988, when a key role was played in this process by Metropolitan Philaret (Vakhromeev). The starting point of this revival stems from a particular event: in a sermon after the Sunday Liturgy, Philaret asked parishioners to participate in charitable and social work, specifying that help was needed by some hospitals in Minsk. As Zenkevich emphasizes: «Twenty people responded to this call, and on 15 December 1988, under the chairmanship of [Metropolitan] Philaret, the organising meeting took place to establish the sisterhood named after St. Sofia of Slutsk, whose relics are at the Minsk Cathedral»⁵. These were the first steps, which opened a new era for the fulfillment of social, educational and charitable functions of the Orthodox Church.

Sisterhoods and the Union of Sisterhoods: towards legitimation and expansion

Reflecting growing religious participation and religious revival, the newly established brotherhoods and sisterhoods attracted a great number of people, who were willing to serve the church in various capacities, including giving help to those in need. Initially these organisations aimed at registration as separate legal entities, which would ensure a higher degree of autonomy, including gathering donations for social initiatives and participation in competition for grants from various international foundations. Later on it was decided at the highest levels of the BOC to structure and standardise the process of registration: the legal department of the Exarchate drafted a standardised

statute of brotherhoods and sisterhoods. It was also decided in the Exarchate that registration would be allowed in case of real necessity and if there was at least several years' experience of successful work by brotherhood or sisterhood⁶.

The activities of sisterhoods have been formalised via the Union of Sisterhoods, which was formally established in November 2000. The Union has never had a state registration; in 2008–2019 it had a status of a «separate structural entity» of the Belarusian Exarchate. One of the main objectives of the Union, as formulated in its official documents, was to «revive and develop social services of the Belarusian Orthodox

³Торопович Г. Роль нынешних православных братств и сестричеств города Минска в жизни Белорусской православной церкви : диплом. работа. Жировичи: [б. и.], 2002. 146 с. (Hereinafter the translation is ours. – S. M., N. Z.).

⁴Ibid.

⁵Зенкевич Е. (н. д.) Статья для БАССР. (The translation is ours. – S. M., N. Z.).

⁶This information is derived from the authors' interview with Elena Zenkevich. The interview was conducted in Minsk on 21 February 2020.

Church on the basis of Christian values and traditions»⁷. As was recognised by Metropolitan Pavel, who had been in charge of the BOC in December 2013 – August 2020, «for many years the social service by the Belarusian Orthodox Church was conducted almost exclusively by the sisters of mercy (i. e. members of these sisterhoods. – *S. M., N. Z.*)»⁸.

The Union aimed to provide informative and legal support for sisterhoods and served as a platform to exchange the most valuable experience. It has never taken on a formal controlling function; the sisterhoods continued to function either as constituent parts of local parishes, or in close alliance with them, having the assistance and supervision from their parish priests. In April 2019, by the decision of the Synod of the Bela-

rusian Orthodox Church, the Union of Sisterhoods was transformed into the Association of the Sisters of Mercy of the Belarusian Orthodox Church. To some extent, this was a lower status, since the association became a structural entity of the synodal department on church charity and social service⁹. As was explained by Fr. Kirill Sholkov, head of department, «the association is better, since sisterhoods report to priests and bishops, and there is no need for centralised organisation»¹⁰. Interestingly, there has never been some similar «umbrella» organisation for brotherhoods, although some of them (youth brotherhoods) have functioned in close cooperation with the synodal youth department.

The number of sisterhoods has been steadily growing, as can be seen in the table.

Number of Sisterhoods

Year	1999	2000	2001	2003	2004	2006	2008	2010	2012	2017	2020
Number of sisterhoods	31	53	68	82	84	98	114	127	131	178	about 200

Source: Report on the activities of the Union of Sisters of Mercy of the Belarusian Orthodox Church in 2015; Descriptive report on the activities of the Union of Sisters of Mercy of the Belarusian Orthodox Church in 2017; information by Elena Zenkevich.

However, the current information about the number of brotherhoods and sisterhoods is a bit ambiguous; it is reflective of the fact that most of them have chosen not to register. According to the office of the Plenipotentiary on Religious Affairs, there are 15 brotherhoods and 10 sisterhoods in the BOC¹¹. This comes to a stark difference when we take combined figures (registered and non-registered organisations); in this case it will be around 200 sisterhoods and 35 brotherhoods. The

explanation lies on the surface: charitable work, help to poor and sick do not require, in most cases, formal registration; there are always opportunities to conduct this work remaining just a structural part of a parish. Since the membership in sisterhoods and brotherhoods ranges from 3 to 200 people, one can currently estimate that several thousand people have been involved in this work, with majority in the western region of Belarus, especially Brest region.

Union of Sisterhoods: mapping tasks and defining modes of operation

As is evident from the annual reports of the Union of Sisterhoods, its activities embrace most areas of social and charitable work, including assisting people with disabilities, counselling services to families and people in crisis, financial (or non-monetary) assistance to people in need, participation in various international projects. The annual reports list the activities that were undertaken by the union, with a detailed specification of the sources of income, relevant expenditures, and the events which took place. If we look at one of

the typical reports (say, for the year 2009), the following should be noted.

First, the union emphasizes its status as a separate unit of the BOC, stating the number of employees (only four, two of them working on a part-time basis). It provides information about its budget, which in 2009 was slightly more than 154 million Belarusian rubles (around 55 thousand US dollars, based on the average exchange rate for 2009). Almost entirely (more than 99 %) this amount of money was received from

⁷О Союзе сестричеств милосердия [Электронный ресурс] // Союз сестричеств милосердия Белорусской православной церкви. URL: <http://www.sestra.by/about/o-soyuze-sestrichestv> (дата обращения: 12.02.2021).

⁸30-летие возрождения сестринского служения отметили в Беларуси [Электронный ресурс] // Официальный портал Белорусской православной церкви. URL: <http://www.church.by/news/30-letie-vozhrozhdenija-sestrinskogo-sluzhenija-otmetili-v-belarusi> (дата обращения: 12.02.2021).

⁹Журналы заседания Синода Белорусского Экзархата от 16 апреля 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный портал Белорусской православной церкви. URL: <http://church.by/docs/zhurnaly-zasedaniya-sinoda-belorusskogo-ekzarhata-ot-16-aprelja-2019-goda> (дата обращения: 12.02.2021).

¹⁰This quotation is from the authors' interview with priest Kirill Sholkov. The interview was conducted by telephone on 26 March 2020.

¹¹Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь // Уполномоченный по делам религий и национальностей : [сайт]. URL: <https://belarus21.by/Articles/1439296790> (дата обращения: 12.02.2021).

foreign donors, and was aimed at the implementation of different projects. No funding for the union was provided either by the church, or Belarusian governmental and non-governmental structures, but the union obtained grants from the World Council of Churches, and the church agencies in Germany, Sweden, and Norway. Also, the union was involved in a large UNFPA project on domestic violence; the project included a separate section on religious communities, with the Union as a key and responsible partner. The outcome was the BOC's project on domestic violence, and a textbook was drafted, becoming an important and unique contribution to this sensitive issue from the largest Belarusian confession.

According to the union's reports, the main activities have been confined to the following: (1) development of cooperation and the service to provide help; (2) informational and educational activities; (3) project activities and fundraising; (4) organisational and administrative activities¹². More detailed information in the report reveals other trends. For instance, as described in section (1), cooperation was developing with the Orthodox Foundation of Prince Konstantin of Ostrozh (Bialystok, Poland) – mainly within the project «Without barriers», aimed at helping people with disabilities. Also, the executive secretary of the union Elena Zenkevich was invited to give lectures at the faculty of social and pedagogical technology of the Belarusian State Pedagogical University. The report lists a number of organisations with which some bilateral cooperation was developed: the Governmental Committee on Labour and Social Protection, Association of Multiple Sclerosis, Organisation

of the Prisoners of Concentration Camps, Association of Social Workers and some others.

Informational and educational activities (described in section (2)), apart from informing a wider audience about ongoing activities and projects of the sisterhoods, also included organising and participation in many conferences and round tables. The union, for instance, organised the round table «Children and violence», participated in the International Organisation for Migration seminar «Counter-trafficking in the Republic of Belarus», where it presented the union's activities in this area.

Section (3) provides descriptions of small project activities, listing also a larger project «Women in Action», sponsored by a religious organisation from Germany. As Elena Zenkevich emphasized, the sisters are like «universal social workers. If there is an orphanage near the parish, the sisters will work there; if there is something else – the sisters will be there»¹³.

In Minsk (and also beyond the capital) the most famous and well-performing organisation is the Sisterhood at St. Elizabeth Convent. There are also active sisterhoods at some parishes in Minsk, but if one speaks about the regions in Belarus, then interesting and meaningful examples can be found in the activities of sisterhoods in Lida and Novogrudok (Grodno region). These sisterhoods work actively in the area of education, giving help to orphans and victims of domestic violence, and the effectiveness of their work is not smaller than that in the capital. In the following section we provide a closer look at these voluntary organisations.

Sisterhood in Lida, named after St. Ephrosinia of Polotsk

This sisterhood was established in 1997, and in the same year it obtained official registration, as a religious organisation. St. Ephrosinia's Sisterhood embraces the most important areas of social and charitable work, including giving help to orphanages, hospitals, people in need and the victims of domestic violence. It emphasises the importance of its religious foundation, specifying that it «acts in accordance with the rules and traditions of the Russian Orthodox Church», in order to fulfill the duties of «service and help to those in need, orphans, sick and old». In addition, this sisterhood aims at helping to develop religious education, encouragement of good morality and piety, as well as the development of useful recreation and good relations within families. There are 40 members in the sisterhood, representing various professions and activities. For instance, senior sister Zhanna Voronis worked for many years at the administrative post of «Lidselmash»

company, whilst also dedicating her time to social and charitable activities¹⁴.

The help to the local orphanage¹⁵ began from the first months of the sisterhood's foundation, although it took some time to get the appropriate permission (it was necessary to develop a workplan in order to obtain the formal agreement of the city's department of education). Sisters, who are trained to work with minors, come to orphanage for regular talks with children, organise celebrations of the main religious feasts and tours to different places in Belarus. Also, every year (since 2000) the sisterhood has organised a summer camp for orphans; its role and significance is depicted in the following way: «Children are fond of going to the camp, since there they can get what they need most of all: a feeling of freedom, independence, self-value, and, of course (even if for only a short period of time) to feel themselves part of a large and friendly family,

¹²Отчет о деятельности Союза сестричеств милосердия Белорусской православной церкви за 2009 г.

¹³This quotation is from the authors' interview with Elena Zenkevich. The interview was conducted in Minsk on 21 February 2020.

¹⁴Воронис Ж. Сведения о Сестричестве в честь преп. Евфросинии Полоцкой.

¹⁵It was closed in 2015; now members of the sisterhood provide their help to the local children's social shelter.

where everyone shows care, love and respect. Here every child is a member of a large family... <...> ...It is, of course, not easy for the sisters to work in this camp, since when you work with these children you have to set an example in everything: in words, deeds, even in small details»¹⁶.

Another principal area of work in Lida was related to the issue of domestic violence, with the implementation, since January 2010 of the relevant project «Assistance to the victims of domestic violence». From the very beginning it was aimed at the provision of advice and, in case of necessity, shelter to women and women with children who had been physically assaulted by family members. The practical arrangements reflected a high degree of the project's efficiency: renting a flat (safe house) in Lida (where women could be ac-

commodated on a temporary basis, free of charge, including provision of free meals); wide advertising of an emergency phone number for women in danger (open 24 hours a day, 7 days a week); regular workshops and seminars for families, sisters and priests. Initial funding for this work was provided by the sisterhood and the foundation «Pravoslavnaya Initsiativa». From 2011 to 2015, the project was funded by the UNFPA, which ensured excellent financial support for all aspects of these activities. Since 2015, the sisterhood has remained the sole source of funds; but the project is still functioning, providing shelter to those in need. In Belarus, where the issues of domestic violence are not at all times given appropriate consideration, the activities of such a centre, under the aegis of the largest confession, have been of particular significance.

Sisterhood in Novogrudok

This sisterhood, named after St. John Theologian, was established in 1999, and in 2000 it obtained official registration. Currently, there are 14 members of sisterhood, mainly representing educational organisations of the town. Reflecting the background of its members, the main activities of the sisterhood have been in the area of education, or, as stated on the sisterhood's website, «spiritual and moral education and religious education». More than 20 years of work ensured the establishment of successful working partnerships with local educational and governmental institutions, reflecting the influence and significance of the sisterhood. In practical terms this is seen in the following. First, in all schools of Novogrudok an optional course «Basis of Orthodox morality» was introduced – with the use of a syllabus, approved by the Ministry of Education of the Republic of Belarus. Second, a Sunday school of the sisterhood functions twice a week; the sisterhood owns a library, with the collection of books and films. In addition, its members have developed teaching resource books on «Religion», «Old Testament» and «New Testament».

One needs to note that the activities of the sisterhood have also specifically targeted disadvantaged groups: for instance, a social service «Hand of Help»

was established in June 2018, with the objective of helping lonely and incapacitated people¹⁷. In the concluding remarks of a lengthy 2018 report, the following was emphasized: the regularity of common events with educational and cultural establishments; the organisation of more frequent pilgrimages for school pupils, a greater interest of parents in the spiritual upbringing of their children, including those attending local kindergartens. The practical results, as emphasised by the senior sister of the sisterhood Irina Kokosh were noted in the following: «Schoolchildren became less aggressive, more respectful towards older people; they use fewer rude words, they are more tolerant towards the weaknesses of other people, and they think about purpose in life and destiny of humans»¹⁸. In a school № 2 of Novogrudok, an innovative lab for spiritual and moral upbringing has been functioning since 2002; this has led to rising prestige for the school, with an increasing number of parents choosing it as the best option for their children. As was noted by Irina Kokosh, who commented on the outcome of the lab's functioning, «the behavior of pupils was changing rapidly: rude pupils become less rude, manners change, and the parents are grateful that at home children get more obedient and more careful»¹⁹.

Brotherhoods: education and mission

Unlike the sisterhoods, the brotherhoods are more diverse in their activities, and these activities are not confined to charitable and social work only. In fact, the charitable and social work is not the main focus of many brotherhoods; instead they are more focused on educational and missionary activities. To an extent, we

can divide and classify brotherhoods by the following criteria or parameters.

First, there are «discussion clubs» brotherhoods, serving like meeting places or discussion forums for members of the parish, or those connected with them. In this case, members of brotherhood meet on a re-

¹⁶Воронис Ж. Сведения о Сестричестве в честь преп. Евфросинии Полоцкой.

¹⁷Кузьмич В. (протоиерей), Кокоси И. Отчет Сестричества в честь Святого апостола Иоанна Богослова в г. Новогрудке за 2018 г.

¹⁸Кокоси И. Возвращение к истокам. Новогрудок : [б. и.], 2012. 10 с.

¹⁹Там же.

gular basis and discuss the issues which are of interest to them – often on the intersection of religion, politics, moral dilemmas etc. Sometimes these discussions concentrate on purely religious issues, including the language of services, relations with other Orthodox or non-Orthodox churches, the role of the laity in the church etc. However, as we said, this is regarded as an aspect of the brotherhoods' activities, but can hardly be regarded as a key one. Therefore, a second group (educational and cultural brotherhoods) is certainly more important, being intertwined with some practical aspects.

An example of the first group (the «discussion club» brotherhoods) can be found in the leaflet, produced by the brotherhood named after St. Seraphim of Zhivovichi, which operates from the Minsk's Church of the Icon of Theotocos «Vziskaniye Pogibshikh». This leaflet indicates that the main objective of the brotherhood is to «unite young people... for an active participation in the life of the Orthodox Church, including helping to preserve the spiritual and cultural values of the people of White Russia [Belarus]». This leaflet lists the following activities of the brotherhood: «...to travel together, visit museums, cinema and exhibitions, play sports», as well as to participate in Gospel talks, to publish educational and information leaflets, and to help the parish»²⁰.

As for the second group, a typical example of the educational and cultural activities can be found in the Brotherhood of Three Martyrs of Vilna (founded in 1992), which has been doing important work to support the status of the Belarusian language, including the use of this language in the church. The members of this brotherhood worked in the commission to translate the Bible into Belarusian. The brotherhood also publishes religious books in the Belarusian language. Therefore, its informal title («island of Belarusianness») in the BOC is not accidental. Describing the activities of the brotherhood, one should note the

publication of the annual «Church calendar» (in Russian and Belarusian languages), with the numerous additions: about family, Belarusian holy places, local Orthodox churches etc.²¹ On the top of this, the brotherhood also publishes the journal «Orthodoxy» and runs «A laboratory of Church history», which has already published some results of its research: reference books on churches and holy places in Belarus. This brotherhood holds an official registration; a former chairman of the brotherhood Nikolay Matrunchik offered the following explanation on how it was obtained and why it was needed: «Approximately a year after the creation of the brotherhood we got the approval of the Church hierarchy for registration. Metropolitan Philaret always trusted us and supported our initiatives. The brotherhood was already known in Belarus and diaspora; therefore the registering authorities had no objections. Besides, there appeared opportunities for the development of international ties, and our foreign partners wanted to cooperate with the officially registered organisation»²².

Nikolay Matrunchik also pointed out that they wanted to establish a Union of Orthodox Brotherhoods in Belarus, and the certain steps were made in this direction, while Metropolitan Philaret was not against this initiative. However, it was not possible to realise this initiative; possibly because a similar Union of Brotherhoods in Russia was perceived with some suspicion by church authorities. Nikolay Matrunchik believes that brotherhoods could be regarded as NGOs, subordinated to church structures, which have to agree their activities with church hierarchy. Indeed, church representatives speak about this subordination. As was stated by the then BOC's press-secretary Fr. Sergiy Lepin, who commented upon auditing procedures of the Three Martyrs of Vilna Brotherhood, «this brotherhood is an official structure of the BOC, not a private civil initiative. The leadership of the brotherhood reports to the BOC's hierarchy»²³.

Recruitment and resource mobilisation

The establishment of brotherhoods and sisterhoods happens, in most cases, when there are active people in parish, willing to do important charitable, educational, missionary and informational work. These people take the initiative to gather their allies and to establish a formal structure. The motivation could be different – from the desire to fulfill the Gospel's principles to serve to those in need and to the wish to establish a «real community» in the parish. Then, as a rule,

the initiative of laypeople, supported by parish priests, should be approved by the hierarch of a relevant diocese of the BOC. As Fr. Pavel Sergeev, who established St. John Theologian Brotherhood in Minsk, said, he did not see a real Eucharistic community in the cathedral, no youth community, and he wanted to change it. At that time, being a layman, he took some decisive actions to establish the brotherhood: «I invited people from the cathedral to the meetings, I distributed leaf-

²⁰Братство в честь преподобномученика Серафима Жировичского [Электронный ресурс]. URL: <http://hramvp.by/images/brat.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).

²¹Брацтва ў гонар віленскіх мучанікаў Антонія, Іаана і Яўстафія // Приход Свято-Петро-Павловского собора г. Минска : [сайт]. URL: <http://sppsobor.by/bractva/vilna/zvestki-pra-bractva/409#more-409> (дата обращения: 12.02.2021).

²²This information is from the authors' interview with Nikolay Matrunchik. The interview was conducted by telephone on 28 February 2020.

²³Отец Сергей Лепин: Матрунчик реагирует на проверку Братства импульсивно и неадекватно [Электронный ресурс] // Наша Ніва. 1 сент. 2019. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=236471&lang=ru> (дата обращения: 12.02.2021).

lets. We began to gather since July 2011 – first around 5 people; by October 2011 we had around 20 people. We decided to start with our social services, helping, for instance, the children, suffering from the cerebral spastic infantile paralysis. People were coming and joining us, very quickly. We received everyone, not necessarily church-goers, since social service was our main objective»²⁴.

As we mentioned earlier, most brotherhoods and sisterhoods have chosen to function without official registration, which does not make any obstacles for their daily activities. Some have chosen to register: this was normally a choice for the organisations which planned to attract some external resources, including grants. As was explained by Fr. Pavel Sergeev, their choice to register was inspired by the desire «to be independent, to attract external resources, not to ask for these financial resources (from the Church. – *S. M., N. Z.*)». However, the registration turned to be a challenge: «It lasted for half a year – we had to prove that we are a real brotherhood, not a sectarian organisation. The documents we brought to the Office of Plenipotentiary on Religions disappeared from time to time; we had to bring them again. We developed a new statute, new activities, new directions of our work; but

every time we were requested to make minor corrections, like to put comma in a different place. It looked like a vicious circle; eventually we decided to stop direct personal communication with the office and to send all documents by registered mail. Guliako (head of the office in 2005–2020. – *S. M., N. Z.*) even came to the Minsk Diocese, trying to block our registration. This only changed when Metropolitan Philaret defended our brotherhood... I am still not sure why the office of Plenipotentiary was afraid to register a small youth brotherhood»²⁵.

However, this case was probably an exception rather than the rule: it appears that in most cases the process of brotherhoods and sisterhoods registration did not encounter any formal obstacles²⁶, although the vast majority of them chose not to register. It seems to us that the state has remained tolerant towards the activities of brotherhoods and sisterhoods in any format, both registered and non-registered, since it shares the same understanding of existing problems in social sphere. Besides, non-registered organisations have been able to act, if the necessity arose, via local parishes or even dioceses, especially in the regions where the diocesan bishops have encouraged brotherhoods and sisterhoods activities.

Concluding remarks

The brotherhoods and sisterhoods of the BOC have now become firmly established not only on the religious, but also on the civil society landscape, acting both as religious organisations and NGOs. These organisations have provided excellent opportunities for the faithful of the church to devote their time and efforts to serving the wider community, in the areas where such services are in high demand. Hundreds of people have been involved in the day-to-day help to the ill and poor, people with disabilities and people in need of protection. A substantial amount of educational work has been conducted, with the drafting of reference materials on domestic violence, drug and alcohol addiction, relationships in families and the upbringing of the children. The importance of this work is especially noticeable at regional level, since the needs of people living outside the capital city are at times overlooked by governmental authorities and NGOs. Individual self-conception as a Christian is intertwined in these voluntary associations with a broader collective identity expressed through collective action. Even more important is that the forms of help that the church can suggest neatly fit into the existing landscape of its organisational fields, providing necessary structural opportunity for their operation and contributing to their increasing importance.

One also needs to note that, apart from doing important social, charitable, educational and informational work, sisterhoods and, especially, brotherhoods serve as important meeting and discussion places for the local religious communities. Looking on the differences and taking the gender dimension into consideration, our study shows that the brotherhoods are more autonomous, while sisterhoods managed to establish a sort of an «umbrella» organisation – the Union of Sisterhoods, which had successfully functioned for more than 18 years, until it was transformed into the Association of Sisterhoods in April 2019. The number of organisations, which have obtained official registration, is relatively low – this is reflective of the policy of the BOC towards the issue of brotherhoods' and sisterhoods' registration. At the same time, many of the activities conducted by these organisations can be done without formal registration (in case of necessity, the registration is normally obtained without obstacles). Overall, the development and the role of these organisations also depends on the perspectives taken by the bishops; in the regions where the bishops are more positive and supportive of the sisterhoods and brotherhoods, their role is normally more substantial and their presence is more vivid on both the parish and diocesan levels.

²⁴This quotation is from the authors' interview with priest Pavel Sergeev. The interview was conducted by telephone on 26 March 2020.

²⁵Ibid.

²⁶This is our assumption. Unfortunately, Plenipotentiary on Religions declined our request for an interview and refused to provide information on the registered brotherhoods and sisterhoods.

References

1. Bekus N. On the political mission of Orthodoxy in Belarus and its consequences for the church and state. In: Wawrzonek M, Bekus N, Korzeniewska-Wiszniewska M. *Orthodoxy versus Post-Communism?: Belarus, Serbia, Ukraine and the Ruskiy Mir*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing; 2016. p. 71–158.
2. Mudrov SA. Church-state relations in the post-communist world: the cases of Belarus and Estonia. *Journal of Church and State*. 2017;59(4):649–671. DOI: 10.1093/jcs/csw073.
3. McAdam D, Scott WR. Organizations and movements. In: Davis GF, McAdam D, Scott WR, Zald MN, editors. *Social movements and organization theory*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. p. 4–40. DOI: 10.1017/CBO9780511791000.003.
4. Scott WR. Approaching adulthood: the maturing of institutional theory. *Theory and Society*. 2008;37(5):427–442. DOI: 10.1007/s11186-008-9067-z.
5. DiMaggio PJ, Powell WW. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American Sociological Review*. 1983;48(2):147–160. DOI: 10.2307/2095101.

Received by editorial board 19.02.2021.

МАЛАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ГРУППА В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ПРОВАЛ ПРОЕКТА БАХАИ

С. В. РЯЗАНОВА^{1), 2)}

¹⁾Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
ул. Ленина, 13а, 614990, г. Пермь, Россия

²⁾Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова,
ул. Петропавловская, 23, 614990, г. Пермь, Россия

Изучается прозелитическая стратегия общины бахаи в Пермском крае, которая в целом отражает ситуацию с этой религиозной группой в Российской Федерации. Бахаи рассматриваются как один из новых религиозных проектов конца прошлого века, претендующий на широкий охват верующих и оказавшийся неспособным реализовать поставленную задачу. Проблемой исследования является нахождение препятствий к эффективной прозелитической деятельности новых религиозных движений внутри самих религиозных групп. Цель настоящей работы – выявить эффективные механизмы рекрутирования неопитов в городской среде, что предполагает установление каналов трансляции учения, обнаружение факторов реализации прозелитического потенциала религии, распознавание связи доктрины, культовой практики и успешности распространения вероучения. Данная статья представляет собой первый опыт социологического анализа регионального сообщества бахаи как нового религиозного движения на постсоветском пространстве. Исследование построено на наборе включенных наблюдений, результатах анкетирования членов церкви, серии полуструктурированных интервью, анализе священной литературы и информации в социальных сетях. Особое внимание уделяется специфике распространения веры бахаи в стране и социальным характеристикам неопитов. Изучаются основные виды религиозной и околорелигиозной деятельности общины и способы привлечения новых последователей. Выявляются причины и факторы свертывания активности и упадка общины, а также выбранная тактика развития в настоящий период времени. Община бахаи трактуется как неконкурентоспособное течение в религиозном пространстве региона и страны. Это определяется большим значением индивидуальных качеств последователей, невысокой степенью внешней привлекательности, слабой адаптацией к религиозным запросам населения. Проведенный анализ сообщества позволяет установить место новых религиозных движений в социокультурном пространстве и перспективы их локального развития.

Ключевые слова: новые религиозные движения; бахаи; Пермский край; каналы прозелитизма; социальная деятельность.

Образец цитирования:

Рязанова СВ. Малая религиозная группа в городской среде: провал проекта бахаи. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;1:79–89. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-79-89>

For citation:

Ryazanova SV. Small religious group in the urban environment: failure of the Bahá'í project. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;1:79–89. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-79-89>

Автор:

Светлана Владимировна Рязанова – доктор философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов¹⁾, профессор кафедры истории и философии факультета землеустройства, кадастра и строительных технологий²⁾.

Author:

Svetlana V. Ryazanova, doctor of science (philosophy), doцент; leading researcher at the department for the study of Political Institutions and Processes^a, and professor of the department of history and philosophy, faculty of land management, cadaster and construction technologies^b. svet-ryazanova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

SMALL RELIGIOUS GROUP IN THE URBAN ENVIRONMENT: FAILURE OF THE BAHÁ'Í PROJECT

S. V. RYAZANOVA^{a, b}

^aPerm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
13a Lenin Street, Perm 614990, Russia

^bPerm State Agro-Technological University named after Academician D. N. Pryanishnikov,
23 Petropavlovskaya Street, Perm 614990, Russia

The article is devoted to the study of the proselytising strategy of the Bahá'í community in the Perm Territory that reflects the situation with this religious group in the Russian Federation as a whole. Bahá'í's are seen as one of the new religious projects of the end of the last century, claiming a wide coverage of believers and being unable to fulfill the task. The main research question is to identify obstacles for effective proselytising activities of new religious movements as features of the religious groups. The aim of the work is to identify effective mechanisms for recruiting neophytes in the urban environment, which involves channels for transmitting teachings, main factors of the proselytic potential of religion, the connection between doctrine, cult practice and the success of the missionary activity. The article presents the first experience of a sociological analysis of the regional Bahá'í community as a new religious movement in the post-Soviet space. The study is built on a set of included observations, results from a survey of church members, a series of semi-structured interviews, an analysis of sacred literature and information from social networks. Particular attention is paid to the specifics of the spread of the Bahá'í faith in the country and the social characteristics of the neophytes. The main types of religious and near-religious activities of the community and ways of attracting new followers are analysed. The reasons and factors of the curtailment of activity and decline of the community, as well as the chosen development tactics at the present stage, are identified. The Bahá'í community is treated as uncompetitive in the religious space of the region and country. This is determined by the high value of the individual qualities of the followers, a low degree of external attractiveness, and poor adaptation to the religious needs of the population. The analysis of the community allows us to establish the place of new religious movements in the social and cultural space and the prospects for their development as local communities.

Keywords: new religious movements; Bahá'is; Perm Territory; channels of proselytism; social activities.

Новые религиозные движения, как феномен современной религиозной жизни, давно стали никем не оспариваемой частью социокультурной реальности. Вызвав ответную реакцию так называемых традиционных религий, властей, обывателей и исследователей, эти сообщества сформировали собственную стратегию социального развития; обрели, потеряли и вновь обрели разное число последователей; адаптировались и трансформировались согласно запросам окружения. Оставив в стороне не завершённую до сих пор дискуссию о природе новых религиозных движений (НРД) [1–5], применении к ним понятия «секта» [6] и специфических чертах объединений такого рода [7–26], следует воспользоваться зонтичным характером самого термина и обратить внимание на тот факт, что все они прежде всего объединены относительно небольшим сроком существования. Поскольку спектр появившихся учений очень широк, что усилено возникновением множества сценариев локального развития религиозных групп, предлагаемый текст будет сведен к одному из сложившихся кейсов, включенных в постсоветскую историю религий.

Появление и формирование непривычных для советского религиозного пространства общин приходится на конец 1980-х – начало 1990-х гг., что связано не только с изменением идеологической обстановки, но и с возникновением на постсоциалистическом пространстве нового витка модернизации, охватившего все сферы общественной жизни.

Ввиду урбанизации и постепенного умирания малых городов и поселений именно мегаполисы стали центрами религиозной жизни вне зависимости от того, была ли действующая там религиозная группа одной из ветвей общемировой структуры либо возникла как автохтонная на территории Российской Федерации. За короткое время эта страна познакомилась с большинством распространенных по земному шару учений, наделенных различной степенью экзотичности происхождения и образа жизни, способов социального взаимодействия и принципов складывания лидерства, уровня открытости и институционализированности, прозелитизмом и синкретизмом. Тридцатилетняя история существования этих учений на данный момент уже позволяет сделать выводы о том, насколько востребованными оказались предложенные религиозные проекты и кто был более успешен в процессе рекрутирования паствы.

Для анализа сложившейся ситуации автор статьи обратилась к постсоветской конфессиональной истории Пермского края как территории, характеризующейся многообразием религиозных сообществ, особенно в исследуемый период [27–30]. За это время церкви евангельских христиан широко развернулись и успели частично потерять численность своих прихожан [31]. Изменили форму присутствия в городе так называемые неоязычники [32], исчезли многочисленные группы медитации. При таких обстоятельствах наиболее заметной

представляется группа людей, чей количественный состав и внешний облик практически не изменились, что, впрочем, не стало залогом их успешности на рынке реализации религиозных потребностей.

Речь идет о сообществе пермских бахаи, история существования которого начинается с 1991 г. Несмотря на необременительную культовую практику (пост в месяц Рамадан и три вида молитв, выбираемых по желанию верующего), группа никогда не была многочисленной. В настоящее время в ее списки занесены 38 человек, официально признанных как бахаи. Фактически внутри общины выделяются две группы: первая включает стоящих у истоков формирования данной общины пожилых людей, входящих также в местное собрание, но все меньше принимающих активное участие в религиозных мероприятиях; вторая представлена молодыми верующими в возрасте до 50 лет, пытающимися сделать социальную жизнь общины менее интенсивной. Необходимо отметить, что никакого значимого прироста в данном сообществе не наблюдается, в том числе и за счет членов семьи бахаи. На протяжении почти трех десятилетий учение Бахауллы не смогло реализовать на территории Прикамья заложенный в нем прозелитический потенциал, что заставляет задуматься о причинах провала городских религиозных проектов такого рода. Эта проблема представляется актуальной еще и потому, что подобная судьба постигла все сообщества бахаи на территории России вне зависимости от их локализации [33–35].

Таким образом, целью настоящей работы является установление в новых религиозных движениях логики действия механизмов рекрутирования неопитов в городской среде. Для достижения данной цели нужно решить следующие задачи: ввести в условиях современной культуры основные каналы трансляции нового для региона учения; определить факторы реализации прозелитического потенциала религии; выявить зависимость между спецификой доктрины и культовой практики и успехом в распространении и закреплении вероучения.

Предлагаемый ракурс исследования движения бахаи призван компенсировать наличие некоторых лакун, сложившихся в исследовательской традиции применительно к данному религиозному сообществу. Историография различных аспектов истории и проблем идентификации вероучения последователей Бахауллы является очень обширной [36] и включает многотомную серию и специальные выпуски журналов «Bahá'í Studies» [37]. На первом месте по объему исследований находятся обзоры истории веры в Иране и особенностей ее сосуществования с мусульманским миром, аналитика специфики распространения учения на начальном этапе ее возникновения [38] и религиозного образования в общинах. Жанр региональной истории

бахаи является популярным как среди зарубежных исследователей [36; 39; 40], так и в российской среде [33–35, 41–44]. В большинстве случаев эти работы посвящены историческим аспектам существования общины и эволюции учения, сравнительно редко – анализу адаптации доктрины бахаи к социокультурному контексту [45]. А. Ли справедливо отмечает, что среди всего многообразия трудов, изучающих НРД, лишь две работы написаны в границах социологического подхода и анализируют деятельность конкретных локальных общин [36].

Представляется, что обращение к методам социологии религии должно стать опорой для понимания места бахаи в сложившейся в регионе профессиональной ситуации и тех факторов, которые определили неудачу их прозелитического проекта.

Исследование построено на наборе включенных наблюдений (1995–1996, 2018–2019), результатах анкетирования членов церкви (2007), серии полуструктурированных интервью с рядовыми верующими и активистами сообщества (2018–2019), анализе священной литературы группы и информации в социальной сети *ВКонтакте*. Посещение внутренних собраний бахаи не представляется возможным, поскольку по правилам данного религиозного сообщества посторонние на встречи, происходящие каждые 19 дней, не допускаются. Исключение составляют праздники, которые по преимуществу имеют публичный характер, на них можно присутствовать по приглашению друзей общины. Поскольку участие в празднике, как и в других мероприятиях общины, не является строго обязательным (на что накладываются обстоятельства объективного характера: болезнь, наличие малолетних детей, занятость на работе), количество участников таких мероприятий не отражает актуальный социальный состав общины. По этой причине статические данные характера основаны на информации, полученной от собеседников, косвенных указаниях и прецедентных случаях (сведения берутся из социальных сетей и работ исследователей).

По своим историко-культурным основаниям и социальной ситуации складывание общин бахаи на постсоветском пространстве принципиально отличается от процессов распространения этой религии в других частях земного шара. Изначально движение последователей Бабы и Бахауллы возникает как социальное движение [36, с. 58], по сути представлявшее собой один из вариантов низового реформирования ислама и отвечавшее потребностям иранского общества на начальном этапе его модернизации. Перипетии становления новой общины были в равной степени определены как исламским окружением, не принявшим новый этап пророчества, так и наличием социальных групп, находившихся в мусульманском обществе в состоянии депривации. Выход учения бахаи за национальные

границы, с одной стороны, способствовал снятию ряда ограничений, налагаемых условиями существования мусульманских сообществ, а с другой – привел к необходимости адаптации социального поведения верующих к новым обстоятельствам. Очень яркое описание того, как демократичная доктрина Бахауллы находила свое место среди афроамериканской интеллигенции в обществе США в первой половине XX в. [45], еще раз доказало невозможность перенесения образцов религиозного поведения на новый культурный субстрат в неизменном виде, а также подтвердило то, что для этого процесса весьма значимую роль играют культурное наследие и идеологическая обстановка.

Если в странах Европы и Латинской Америки волна создания общин бахаи пришла на конец 1930-х – начало 1950-х гг., в африканских государствах – на начало 1950-х гг. [36, с. 69], то на территорию бывшего СССР (если не считать достаточно короткий период существования общины в Ашхабаде) проповедники этого учения попадают в основном в начале 1990-х гг. Разумеется, были случаи и более раннего знакомства с учением, происходящие во время индивидуальных поездок [42, с. 238]. Однако организованно данное учение начало распространяться в СССР одновременно с другими НРД. СССР в то время представлял территорию индустриально развитого, формально светского государства, со сложившейся на всех уровнях системой образования и частично сформированным секулярным менталитетом. На это наследие наложилась ситуация разрушенной социалистической идеологии с надеждами на построение бесклассового общества, которую попытались компенсировать форсированным религиозным ренессансом. Не обращаясь к анализу социальной ситуации в российском обществе в целом, следует указать, что ни одна из исторически существовавших на территории страны религий не смогла закрыть сформировавшуюся мировоззренческую лакуну, поскольку принципиально изменился потребитель того, что в условиях складывавшейся рыночной экономики можно было бы назвать услугой религиозного характера [46]. Граждане, кому требовалось наличие внешнего мировоззренческого центра [47], не представляли собой гомогенного сообщества. Это обозначало распределение нуждающихся в духовных практиках, но недовольных привычными религиозными институтами по совершенно разным религиозным группам нового типа.

Свой электорат почти сразу выделился и у общины бахаи. Его составили практически все без исключения представители технической и гуманитарной интеллигенции, в условиях идеологического анархизма увлекавшиеся разнообразными экзотическими практиками: «Я пошла в баню напротив... И там какая-то женщина, значит, попросила

меня в парилке ее, веничком... <...> Потом, значит, она мне... “Да, вот, тут у нас индусы приехали”. А, ну и ладно... И тут я вдруг газету открываю и сразу вижу заметку... Институт культуры, там встреча с индейскими там кем-то... И я ведь пошла. Я пошла! Зал был битком... Это был девятый год... Зал просто ломился! И я кое-как место на последнем ряду выискала. Значит, села, все ждут-ждут, а на сцене стоит Л. (впоследствии одна из первых пермских бахаи, руководитель общины в 1990-х гг. – С. Р.). Я не знала ее, кто такая... Она с ними встретила случайно на пароходе, на котором она, ну, по Каме и Волге там где-то была, и переводчицей была, и познакомилась вот с этими раджа-йогами. И вот они приехали, она их позвала сама... Я там, значит, записалась, и полгода ежедневно, несмотря ни на что... я ходила на занятия. У меня такое ощущение, что, если б я не узнала там... <...> ...Вот эта выучка “что такое душа”, там никакой религии не было вообще. Я бы, наверно, вообще в Бога поверить вот так, вот не смогла потом. Ну, как-то у нас там сформировался такой кружок. Ну как кружок? Первые, кто пришел, человек шесть... <...> Все больше, больше, много там было... С Л. мне там было интересно ходить, человек такой она, приятный. Ну и полгода прошло, и нам как-то стало казаться: реально дальше некуда двигаться. У меня было такое ощущение, что забор, и ничего не видно, одно и то же... медитация была... довольно сильная, мне это сложно было все. Там было одно условие – что семейная жизнь, она как бы сводилась на нет. И нас это, конечно, не устраивало, и как-то мы стали так тихо, тихо, тихо мечтать отсюда... Еще ведь вегетарианцами мы стали. <...> И как-то, тихо как-то это все успокаивалось. И я помню эти индусы приезжали. <...> Мы хотели, кстати, ехать в Мадхубан, вот где центр этой же йоги... нам не дали визы» (интервью от 15 апреля 2019 г.). В ходе мировоззренческих поисков такого рода у многих представителей советской интеллигенции не только формировались отсутствующие навыки религиозной жизни, но и складывалось сообщество единомышленников. Одновременно происходил своеобразный отбор религиозных практик на основании их приемлемости для потребителя.

В некоторых случаях путь поиска подходящего для себя учения оказывался достаточно долгим: «Я занимался медитациями с восьмидесятых – девяностых годов... перешел на вегетарианское питание... Я вообще в семидесятых, в 1975 г. первый раз начал, вот йога... Потом стал интересоваться всевозможными духовными практиками, духовными течениями, Блаватскую изучил, «Тайную доктрину». Ездил даже специально в Ленинскую библиотеку заниматься. Интересовал и гипноз тогда, и аутотренингом занимался одно время, вот. Потом, значит, вот эти медитативные техники Шри Ауробиндо... Интересно было, а суперментальная так называемая

йога... начал контролировать мысли, записывать даже мысли и смотреть, к чему приводит это. И вообще, контроль мыслей – интересная штука, и, думаю: “А как восстановить мысли?” – Вот и Буддой заинтересовался... Трансцендентальная медитация меня заинтересовала, а до этого еще занимался раджа-йогой, медитацией. У нас люди приехали. Вот я тоже несколько лет занимался... ТМ-Сидхи (одна из ступеней курса общины «Трансцендентальная медитация Махариши Махеш Йоги». – С. Р.) проходил, там был выезд международного центра с Голландии, они организовывали эти курсы. <...> Я вижу, что они на тело... и на некоторые части души влияние идет, но духовно я не увидел, что они развиваются. Не было ощущения, что они, практикуя вот это ТМ и ТМ-Сидхи, развиваются духовно. Не увидел я этого. <...> Мы занимались в Брахма Кумарис, университет этот, где занимались раньше йога-медитацией, вот. <...> Половина общины оттуда» (интервью от 22 мая 2019 г.).

Приведенные отрывки из интервью первых пермских бахаи иллюстрируют как картину профессиональной жизни Прикамья после перестройки, так и эклектичность мировоззрения людей, вроде бы прошедших и фильтры советской системы образования, и испытавших идеологическое воздействие. Ощущение внутренней пустоты психологического и мировоззренческого характера («Я... как вот эта вот курица... без внутренностей была уже совершенно» (интервью от 15 апреля 2019 г.)) оказалось более значимым и определило итоговое решение.

Окончательный выбор в пользу учения Бахауллы для религиозных искателей (англ. *seeker*) внешне тоже выглядел случайным: «У нее какая-то подруга ездила почему-то в Улан-Удэ в Бурятию, не знаю. То ли там какой-то молодежный слет был, и там была группа, танцевальная группа бахаи... И были какие-то проспекты, она нам привезла... И тут же вот Л. поехала на сессию и увидела эту заметку. Ну и надо было ей переводить, и она... смотри: “Самое главное – это семья, что может быть еще лучше в жизни”. <...> Я не помню, что раньше было: заметка, или эти вот проспекты, на которых были адреса Финляндии. И она сразу написала туда, и нам тут же на английском выслали книги и приглашение на конференцию в Вильнюс. Они втроем поехали: Лариса, ее дочка... и они втроем там стали бахаи» (интервью от 15 апреля 2019 г.). Думается, решающую роль в распространении учения уже на территории Прикамья сыграли личностные качества первых неофитов. Особенно важным это было с точки зрения организации взаимодействия местной общины и приезжающих миссионеров: «Все, все у нас крутилось... вот у Л. в квартире, и у нас. У меня все жили. Все пионеры, все странствующие учителя, все-все, все-все иностранцы» (интервью от

15 апреля 2019 г.). Стоит обратить внимание на тот факт, что на начальном этапе складывания религиозной группы внешнее миссионерское воздействие было нулевым, все происходило за счет интересующихся: «Так, вот, кстати, я не знаю, есть ли в мире вообще такая община, кроме нашей, которая сама себя сформировала. К нам никто не приезжал, нам никто ничего не рассказывал» (интервью от 15 апреля 2019 г.).

Приобщение к новой религии происходило практически полностью за счет личных контактов – сослуживцы, соседи, близкие друзья: «Я свою сестру интегрировала, пригласила... Мама моей соседки сказала: “М., ты хочешь, чтобы тебе было также интересно, также весело, чтобы ты общалась с таким большим количеством разных людей?” Конечно же, она сказала: “Да. Ну, все, ты бахаи!”» (интервью от 19 июня 2019 г.). Факт приоритета личностного канала прозелитизма отмечают все опрошенные. Именно таким способом осуществлялось знакомство с литературой, узнавалась информация о приехавших иностранных проповедниках, происходили первые собрания местной общины: «Выходили... Делали такие вот раскладушки, ну, в рост человека почти... и, просто вот стояли. Это в духовной библиотеке (Библиотека духовного возрождения в Перми. – С. Р.), ходили туда, проводили беседы. Потом мы выезжали даже в Усть-Качку (пермский курорт. – С. Р.) и там говорили с огромной сцены. Правда, народу было немного... Какие-то были поездки в область» (интервью от 15 апреля 2019 г.). Известен один забавный эпизод: студентка одного из пермских вузов решила написать о бахаи курсовую работу, решила на включенные наблюдения, но вскоре стала членом общины сама. В любом случае такие истории были единичными.

Распространение веры через так называемые короткие связи определило камерный характер религиозного сообщества. Поскольку практически не сработал канал привлечения неофитов через семью (и в силу необходимости осознанного принятия веры и публичной декларации этого, и поскольку значительная часть бахаи 1990-х гг. была не устроена в личном плане), а религиозная конкуренция того времени была достаточно сильной, прозелитическая деятельность быстро свернулась. В период пиковой активности группы (1995–2000), по наблюдениям автора настоящей статьи, число последователей Бахауллы составляло не более 40 человек. В общине отчетливо преобладали женщины среднего возраста (около 70 %), также существовала малочисленная молодежная группа.

Небольшой размер общины не стал препятствием для ее организационной активности: «Мы одна из первых общин в России, которая после национального собрания была зарегистрирована официально» (интервью от 15 апреля 2019 г.). Были

распределены основные должности, выдвигались депутаты на национальные конференции, велась работа внутри сообщества: «Это как бы назначаемая должность (ответственный за религиозную литературу. – С. Р.)... Книги уже начали издаваться, это вот все пособия... Когда-то их начинали в Южной Америке, вот, формировать, стали тиражировать... читающих много... и четко совершенно налажено. Ну, мы, конечно, были настолько воодушевлены. Я помню, что, когда мы... пришло это письмо от духовного, от национального собрания... от Всемирного дома справедливости, мы как бы выдохнули всем единым духом... <...> Местное собрание... Ездили на эту конференцию... Все потрясающе» (интервью от 15 апреля 2019 г.).

Пермская община стала и одним из центров прозелитической работы, участники которой назывались пионерами: «Пионер – это человек, который едет в какой-то другой город в этой стране, или в другой стране, чтобы рассказать о вере и сформировать... <...> ...Кто-то хочет в общину» (интервью от 15 апреля 2019 г.). Таким образом, местное сообщество тоже выделилось из других российских групп бахаи: «К нам пионеры на постоянное место жительства не приезжали, потому что мы сами уже были... У нас единственная община, наверное, в России, у которой было несколько пионеров... Киров... правда на небольшой срок... <...> ...В Ростове она была, потом в Белоруссию, и потом... <...> ...Вот в Польше уже больше десяти или пятнадцати лет, а может и двадцать уже» (интервью от 22 мая 2019 г.). Принятие на себя функции пионера предполагало отказ от старой работы и временный разрыв с семьей: «В Свердловске была община, а в Магнитогорске нет... Я приехал, там начал заводить знакомства, контакты, все записывал. Потом у меня тяжело заболела мама, я прервал. Потом я приехал туда, и мама у меня умерла, остался один отец, и я уже все...» – «Вы увольнялись, когда уезжали?» – «Да, увольнялся». – «А тогда на какие средства жить?» – «За счет фонда. Есть фонд пионеров, вот. И я, значит, слал отчеты, свои расходы» (интервью от 22 мая 2019 г.).

Одновременно проводились и мероприятия локального и общероссийского характера: «У нас была российская летняя школа (1995 г. – С. Р.), было около 100 человек со всей России... бахаи со всей России... в том числе и обучающие. Мы тут конференцию ставили... <...> ...Бизнеса бахаи... самостоятельно или при поддержке единоверцев. Все годы практически к нам приезжали... много приезжало» (интервью от 15 апреля 2019 г.). В сфере образования имела особая активность: «Был 1996 г. Всемирный дом справедливости по всему миру объявил о систематическом духовном образовании. Стали формироваться... “учебные центры” называются, тогда они назывались “Институтом по подготовке

Бахаи”, в котором в принципе мог учиться кто угодно... бесплатные... Мы, вот практически сами зарабатывали курс... по сути я была директором этого института» (интервью от 15 апреля 2019 г.).

Эта активность в масштабах страны привела к тому, что часть первых пермских бахаи стали занимать значимые должности в национальной структуре сообщества: «Л. как раз стала членом коллегии советников Европы. Я была назначена помощником во вспомогательный совет... Вот вся Пермская область, все Поволжье, все вот эти вот автономные республики, Уфа, Оренбург, Татарстан, Кировская область, Ижевск, Удмуртия... А функция – консолидация общин... В Уфе у меня был один ассистент, в Ижевске – там еще один ассистент. В Казани... обучали... Л. собирала нас постоянно, какие-то семинары... потом мы ассистентов собирали... функций очень много» (интервью от 15 апреля 2019 г.).

Однако единичная успешная деятельность и самореализация верующих не стала залогом роста общины. Очень сильной, видимо, была психологическая зависимость от внешнего руководства: «Каких-то общих проектов у нас может... то, что могло бы объединить общину, не было, вот. Таких видов деятельности, как сейчас, где каждый мог найти что-то по себе... Мы ждали, пока приедут там какие-нибудь бахаи, там с каким-нибудь с крупным проектом, что мы вольемся там и как-то организуем их» (интервью от 22 мая 2019 г.). С переездом в Москву в начале 2000-х гг. семьи, представители которой были негласными лидерами собрания, община начала угасать. Это совпало со взрослением членов молодежной группы, вступлением в брак и отъездом части верующих из Перми. В ходе опроса 2007–2008 гг., посвященного женской религиозности, автор исследования смогла получить от группы только три заполненные анкеты – столько человек на тот момент активно общались с секретарем местного собрания. Стоит отметить, что такое развитие было характерно не только для пермской группы, но и для других региональных собраний [35, с. 312], и для мира в целом [43] (для территории Российской Федерации только в более поздний период).

Помимо указанных обстоятельств, по мнению автора, негативную роль для укрепления общины сыграли два фактора: доктринальная терпимость бахаи и неприятие организационного инакомыслия. Под доктринальной терпимостью здесь понимается не столько признание всех существующих пророк-религий, сколько допустимость совмещения веры с практиками фэншуй, гороскопами, цигуном и т. п.: «“Ты посещал какие-то встречи?” – “Да”. – “И одевались Вы в эти какие-то одежды русские? Ты искал, занимался какими-то видами спорта? Это тоже было все одновременно с ба-

хаи?» – «Ну, после нее и одновременно» (интервью от 27 апреля 2019 г.).

При сочетании таких практик с редкими посещениями собраний может произойти размывание ряда мировоззренческих установок, изменение отношения к формам реализации религиозной жизни. Формальное членство в группе остается, но фактической вовлеченности в жизнь общины нет: «Понимаешь, заняты... и это прослеживается так четко. Вот это: у людей появляются квартиры, машина, что-нибудь такое. Это уже как-то по-другому, уже не хочется никуда идти» (интервью от 15 апреля 2019 г.).

Что касается организационной нетолерантности, то здесь речь идет о существующих противоречиях между декларируемыми бахаи принципами свободы веры и имплицитно присутствующими в жизни общины правилами проявления религиозной активности. Поскольку по численности община была небольшой, а актив составлял около десяти человек, достаточно привести два примера своеобразной ипостаси, повлекшей за собой меры репрессивного характера.

Один случай был связан с мужчиной, которого не устроила форма прозелитической деятельности общины: «Я просто чувствовал, что это для меня неприемлемо, и поэтому как бы не хотел в этом участвовать... я вижу “теорию прямых продаж”, я ей учился... я сам эти тренинги все проходил... у меня это не принимается... А когда я пытался про это говорить, меня начинали упрекать... Ты такой, что ты, тебе же сказано, как надо действовать... А ты против! Значит ты – предатель... Я вижу, что оно не работает и говорю: “Ребята, оно не работает”. Мне говорят: “Значит, плохо учимся, надо еще больше... еще сильнее...” – За 5 лет же ничего не изменилось, никто же не пришел – вот в чем дело» (интервью от 27 апреля 2019 г.). Результатом такого одиночного протеста стала маргинализация верующего: из списков его не убрали, но на мероприятия приглашать перестали, а автора данного исследования пытались отговорить от интервью с этим человеком, заверяя, что он «нехороший и может всякого наговорить».

Вторая ситуация была инспирирована женщиной, которая решила совмещать веру с откровением Бахауллы и практикой саентологии. Претензии со стороны общины заключались в том, что она, будто бы являясь священнослужителем другой религии, проводила практики одитинга: «Ее лишили административных прав, ее не лишили права быть бахаи... она считает, что Бахауллу она признает... Мы ее не приглашаем... считается, что [она] уже не член общины... и в списках [ее] даже нет» (интервью от 22 мая 2019 г.). Вдумчивое прочтение цитаты приводит к мысли о том, что за ограничениями административной деятельности скрывается фактическое

изгнание из группы. Такой «лишенец» ничем не отличается от друзей общины и любопытствующих, приглашаемых на публичные мероприятия. Очевидно, что данное действие женщины было интерпретировано как очень серьезное нарушение, так как «лишить административных прав – это тоже не так быстро. Должна быть полностью доказана вина... Это может только национальное собрание, либо Всемирный дом справедливости... после только того, чаще всего даже неоднократной встречи с этим человеком» (интервью от 20 мая 2019 г.). Поскольку об участии национального собрания в инциденте упомянуто не было, приходится делать вывод о том, что община самостоятельно приняла решение и выдвинула фиктивную декларацию свободы совести.

Очевидно, что такая тактика развития общины при незначительной численности и постоянном размывании сообщества не могла способствовать укреплению религиозной организации, все это время стремившейся сохранить официальную регистрацию: «Действительно, был один такой момент, вот конкретно у нас в Перми, когда просто не понимаешь, что же делать, как же дальше жить. Вот этот момент дал именно провал, в смысле того, что не появились молодые люди. Непонятно было, куда приглашать, зачем приглашать» (интервью от 20 мая 2019 г.).

Деятельность пермских бахаи несколько ожилилась с приходом представителей молодого поколения, в том числе и приехавших в качестве своеобразных консультантов от национального собрания: «Было такое при совместном обсуждении возможностей... Что мы можем широко делиться с людьми... <...> В Москве большая община... в Петербурге, там, в Новосибирске – и все. И в таких городах, как Пермь, тоже должны... Здесь есть все условия» (интервью от 13 апреля 2018 г.). Приезд в 2017 г. куратора из центра был связан с переходом мирового сообщества бахаи к новому подходу в развитии общины последователей – кластерному. Это означало деление мира на «территории управляемого размера», кластеры, состоящие из связанных между собой населенных пунктов, включенных в разные виды деятельности и специфицированных по возрастным группам потенциальных неофитов [43, с. 290]. Данное явление должно было содействовать физическому собранию участников [43, с. 295] и создать возможности для увеличения численности верующих за счет «вступления в веру отрядами» [43, с. 293].

Идея кластерного развития, сформулированная как создание своеобразного соседства («...в своем районе мы, значит, живем, и должны рассказывать людям те законы, которые принес Бахауллу, чтобы люди могли ими пользоваться... Уже нет там каких-то огромных проектов, а каждый человек

там, живя в своем районе, в своем доме, пытается вместе с соседями завести дружеские отношения и строить эту общинную жизнь»), сейчас реализуется, по сути, тремя молодыми женщинами, две из которых являются освобожденными должностными лицами от национального собрания. Все они, имея опыт посещения православной церкви, стали бахаи сравнительно рано и выбрали эту веру как наиболее подходящую для понимания ими окружающего мира (интервью от 13 апреля 2018 г.; от 20 мая 2019 г.; от 19 июня 2019 г.): «Это было ощущение такого феерического счастья, такого ощущения, что тебя вот приподнимает, и ты просто паришь» (интервью от 19 июня 2019 г.).

Вся деятельность по новым методикам строго регулируется национальным собранием и указаниями руководителей из Хайфы: «Мы же все время получаем руководство Дома справедливости. Мы понимаем, что сейчас время, когда надо что-то делать» (интервью от 20 мая 2019 г.). Сохраняется структура советников, позволяющих оказывать психологическую поддержку активу: «Советник собирает своих членов вспомогательной коллегии, он же с ними общается каждый день. И по их ответам уже чувствует их состояние. И он говорит: “Давайте мы все вместе соберемся, друг другу в глаза посмотрим, посмотрим, что получается, что не получается, вместе подумаем... то есть сопровождение... когда не даешь человеку устать... Это делает, допустим, региональный совет”» (интервью от 20 мая 2019 г.). Актив общины организует курсы для подростков (интервью от 20 мая 2019 г.) и группы духовного развития для младших школьников – в двух районах города (интервью от 19 июня 2019 г.) число учащихся составляло не более 20 человек. За счет проведения праздничных мероприятий вокруг общины сформировалась группа сочувствующих, состоящая из родителей обучающихся детей и членов семей верующих (интервью от 19 июня 2019 г.), пока не решившихся, стоит ли принять участие в таких обучающих курсах в Перми или Москве. Община локализована на территории краевого центра, что способствует простоте в организации и проведении собраний, но не вызывает численный рост. Актив отчетливо осознает эту проблему, что выражается

в интенсивной прозелитической деятельности по отношению к каждому, кто соприкасается с группой. Автору настоящей работы одна из активисток писала каждую неделю, приглашала на все мероприятия и предлагала даже собраться специально для встречи. Студентам университета, пришедшим для знакомства с общиной, бахаи звонили и писали в течение месяца. Однако все эти действия являлись точечными и не меняли принципиально сложившейся конфессиональной картины города, как и не воздействовали на социокультурную ситуацию в регионе.

Приходится признать, что для мегаполиса планы позиционирования бахаи как подходящего религиозного проекта оказались несбыточными. Предложенная программа развертывания религиозной жизни не включает ни одного компонента, который мог бы увеличить привлекательность доктрины и культовой практики последователей Бахауллы. Учение было ни чрезмерно экзотичным, чтобы увлечь большое количество молодежи или начитанной интеллигенции, ни достаточно традиционным, чтобы оттянуть часть тех, кого не устраивает отечественный вариант православия. Адаптированная к условиям городской жизни культовая практика также оказалась непривлекательной для ищущих интенсивную религиозную жизнь и недовольных религиозными ограничениями. Весомую конкуренцию составили евангелические церкви с их экзальтированными служениями и лидерством харизматического толка, а также так называемые традиционные религии, постепенно приспособляющиеся к современным условиям. Пик религиозной активности конца прошлого века закончился. Только самые вдумчивые последователи новых религий оказались способными в условиях формально секулярного окружения остаться активными членами своих общин. Будучи неготовыми адаптировать учение под устоявшиеся традиции и социокультурный контекст, пермские (и в целом российские) бахаи оказались проигравшими в сложившемся сочетании обстоятельств и продолжили существовать как одно из малозначимых религиозных объединений в религиозном портрете страны.

Библиографические ссылки

1. Бажан ТА. *Оппозиционная религиозность в России*. Красноярск: [б. и.]; 2000. 371 с.
2. Баркер АВ. *Новые религиозные движения*. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института; 1997. 282 с.
3. Кантеров ИЯ. *Новые религиозные движения (введение в основные концепции и термины)*. Владимир: Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Солетовых; 2006. 385 с.
4. Wilson BR. Absolutes and relatives: two problems for new religious movements. In: Beckford JA, Richardson JT, editors. *Challenging Religion. Essays in honor of Eileen Barker*. London: Routledge; 2003. p. 11–20.
5. Wilson BR. *Religious sects: a sociological study*. New York: McGraw-Hill; 1970. 256 p.
6. Мартинович ВА. К истории термина «новое религиозное движение». *Сектоведение*. 2018;7:67–85.
7. Балагушкин ЕГ. *Критика современных нетрадиционных религий. Истоки, сущность, влияние на молодежь Запада*. Москва: Издательство Московского университета; 1984. 285 с.

8. Балагушкин Е.Г. *Нетрадиционные религии в капиталистических странах Запада и их влияние на молодежь*. Москва: Издательство Московского университета; 1980. 103 с.
9. Балагушкин Е.Г. *Нетрадиционные религии в современной России. Часть 1*. Москва: Институт философии Российской академии наук; 1999. 244 с.
10. Григулевич И.Р. *Пророки «новой истины»: очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира*. Москва: Политиздат; 1983. 303 с.
11. Гуревич П.С. *Возрожден ли мистицизм?* Москва: Политиздат; 1984. 302 с.
12. Гуревич П.С. *Современные внеконфессиональные религиозные организации на Западе*. Москва: Знание; 1983. 62 с.
13. Гуревич П.С. *Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы*. Москва: Знание; 1985. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия: Научный атеизм).
14. Клюев Б.И. Неорелигиозные движения в современной Индии. *Народы Азии и Африки*. 1984;6:25–34.
15. Матвеев В. Преданные Кришны – кто они? *Наука и религия*. 1990;10:25–28.
16. Митрохин Л.Н. *Религиозные «культы» в США*. Москва: Знание; 1984. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия: Научный атеизм).
17. Митрохин Л.Н. *Религии «нового века»*. Москва: Советская Россия; 1985. 164 с.
18. Никифорова Б. Искания молодежи и «движение Иисуса». *Наука и религия*. 1976;5:78–80.
19. Сафронова Е.С. Основные направления распространения дзэн-буддизма в странах Запада. В: Гараджа В.И., редактор. *Вопросы научного атеизма. Выпуск 38. Мистицизм: проблемы анализа и практики*. Москва: Мысль; 1989. с. 147–166.
20. Ткачева А.А. *Индустриальные мистические организации и диалог культур*. Москва: Наука; 1989. 137 с.
21. Ткачева А.А. Кришна Харе. *Азия и Африка сегодня*. 1993;8:56–57.
22. Ткачева А.А. Неоиндустриальный мистицизм. В: Гараджа В.И., редактор. *Вопросы научного атеизма. Выпуск 38. Мистицизм: проблемы анализа и практики*. Москва: Мысль; 1989. с. 128–146.
23. Ткачева А.А. *«Новые религии» Востока*. Москва: Наука; 1991. 216 с.
24. Campbell W.A. Typology of Cults. *Sociological Analysis*. 1978;39(3):228–240. DOI: 10.2307/3710443.
25. Robertson R. Religious Movements and Modern Societies: toward a Progressive Problemshift. *Sociological Analysis*. 1979;40(4):297–314. DOI: 10.2307/3709959.
26. Stone D. New religious consciousness and personal religious experience. *Sociological Analysis*. 1979;39(2):123–134. DOI: 10.2307/3710212.
27. Рязанова С.В. «Два ислама» в Пермском крае: истинный и мнимый конфликты. *Этнорелигиозная конфликтология*. 2011;1:78–87.
28. Рязанова С.В. Региональное православие: логика эволюции (Пермский край). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. 2015;31(3):126–132.
29. Рязанова С.В. Роль регионального фактора в формировании локальной конфессиональной ситуации. *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*. 2019;1:55–62. DOI: 10.7242/2658-705X/2019.1.5.
30. Рязанова С.В., Зубарева Е.А. Православный верующий Прикамья: XX–XXI вв. *Научный результат. Социология и управление*. 2014;1:5–16.
31. Рязанова С.В., Сироткин П.Ф. Провинциальный протестантизм: варианты эволюции (Пермский край). *Вопросы культурологии*. 2015;10:70–78.
32. Рязанова С.В., Цолова А.И. Современное «неоязычество»: классификация, специфика и локальные варианты. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2015;1:96–106.
33. Мартыненко А.В. Малоизвестная конфессиональная история России: бахаи и ахмади. *«Белые пятна» российской и мировой истории*. 2018;3:36–51.
34. Юмабаева Д.Х. История общины бахаи в России и в г. Екатеринбурге. В: Иванова Е.В., Кузнецова О.В., редакторы. *30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета*. Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо»; 2017. с. 206–208.
35. Яшин В.В. Из истории веры бахаи в России конца XX – начала XXI вв.: омская община. В: Иванова Е.В., Кузнецова О.В., редакторы. *30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета*. Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо»; 2017. с. 307–315.
36. Lee A.A. *The Bahá'í Faith in Afrika*. Soares B, Wijzen F, editors. Leiden: Brill; 2011. 292 p.
37. Lawson T. Bahá'í Religious History. *Journal of Religious History*. 2012;36(4):463–470. DOI: 10.1111/j.1467-9809.2012.01224.x.
38. Sabit-Sobhani A. *Die Politischen Borschaften des Religionsgründers Bahá'u'llah* [dissertation]. St. Gallen: Universität St. Gallen; 2000. 352 s.
39. Hassall G. Pacific Bahá'í's Communities 1950–1964. In: Rubinstein DH, editor. *Pacific history. Papers from 8th Pacific history conference*. Mangilao, Guam: University of Guam Press; 1992. p. 73–95.
40. Hassall G. The Bahá'í Faith in the Pacific. Herda Ph, Reilly M, Hilliard D, editors. *Vision and Reality in Pacific religion: Essays in Honour of Niel Gunson*. Perth: Pandanus Books; 2005. p. 267–287.
41. Ахмадулина С.З. История веры бахаи в Бурятии. *Вестник Бурятского государственного университета. История*. 2010;7:121–124.
42. Грузкова Е.А. Д. В. Пивоваров и становление общины бахаи в России и в г. Екатеринбурге. В: Иванова Е.В., Кузнецова О.В., редакторы. *30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета*. Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо»; 2017. с. 283–286.
43. Литвинчук В.Г. Кластерный период в развитии веры бахаи в 1996–2016 гг. В: Иванова Е.В., Кузнецова О.В., редакторы. *30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета*. Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо»; 2017. с. 286–307.
44. Мехтиева О.К. Из истории общины бахаи в России и СССР. Воспоминания очевидцев. В: Иванова Е.В., Кузнецова О.В., редакторы. *30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета*. Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо»; 2017. с. 174–187.

45. Buck C. The Interracial Bahá'í Movement and the Black Intelligentsia. The Case of W. E. B. Du Bois. *Journal of Religious History*. 2012;(36)4:542–562. DOI: 10.1111/j.1467-9809.2012.01230.x.
46. Каргина ИГ. *Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма*. Москва: МГИМО-Университет; 2014. 278 с.
47. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. Телятникова ЭМ, переводчик. Москва: АСТ; 2007. 624 с. Совместно с издательством «Мидгард». (Золотой фонд мировой классики. Философия. Психология. История).

References

1. Bazhan TA. *Oppozitsionnaya religioznost' v Rossii* [Oppositional religiosity in Russia]. Krasnoyarsk: [s. n.]; 2000. 371 p. Russian.
2. Barker AV. *Novye religioznye dvizheniya* [New religious movements]. Saint Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute; 1997. 282 p. Russian.
3. Kanterov IYa. *Novye religioznye dvizheniya (vvedenie v osnovnye kontseptsii i terminy)* [New religious movements (introduction to basic concepts and terms)]. Vladimir: Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Soletov; 2006. 385 p. Russian.
4. Wilson BR. Absolutes and relatives: two problems for new religious movements. In: Beckford JA, Richardson JT, editors. *Challenging Religion. Essays in honor of Eileen Barker*. London: Routledge; 2003. p. 11–20.
5. Wilson BR. *Religious sects: a sociological study*. New York: McGraw-Hill; 1970. 256 p.
6. Martinovich VA. To the history of the term «new religious movement». *Sektovedenie*. 2018;7:67–85. Russian.
7. Balagushkin EG. *Kritika sovremennykh netraditsionnykh religii. Istoki, sushchnost', vliyanie na molodezh' Zapada* [Criticism of modern non-traditional religions. Origins, essence, influence on the youth of the West]. Moscow: Moscow University Publishing House; 1984. 285 p. Russian.
8. Balagushkin EG. *Netraditsionnye religii v kapitalisticheskikh stranakh Zapada i ikh vliyanie na molodezh'* [Non-traditional religions in the capitalist countries of the West and their impact on youth]. Moscow: Moscow University Publishing House; 1980. 103 p. Russian.
9. Balagushkin EG. *Netraditsionnye religii v sovremennoi Rossii. Chast' 1* [Non-traditional religions in modern Russia. Part 1]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 1999. 244 p. Russian.
10. Grigulevich IR. *Proroki «novoi istiny»: ocherki o kul'takh i sueveriyakh sovremennogo kapitalisticheskogo mira* [Prophets of the «new truth»: essays on the cults and superstitions of the modern capitalist world]. Moscow: Politizdat; 1983. 303 p. Russian.
11. Gurevich PS. *Vozrozhden li mistitsizm?* [Is mysticism revived?]. Moscow: Politizdat; 1984. 302 p. Russian.
12. Gurevich PS. *Sovremennye vnekonfessional'nye religioznye organizatsii na Zapade* [Contemporary non-confessional religious organizations in the West]. Moscow: Znanie; 1983. 62 p. Russian.
13. Gurevich PS. *Netraditsionnye religii na Zapade i vostochnye religioznye kul'ty* [Non-traditional religions in the West and Eastern religious cults]. Moscow: Znanie; 1985. 64 p. Russian.
14. Klyuev BI. [Neo-religious movements in modern India]. *Peoples of Asia and Africa*. 1984;6:25–34. Russian.
15. Matveev V. [Krsna's devotees – who are they?]. *Nauka i religiya*. 1990;10:25–28. Russian.
16. Mitrokhin LN. «Religioznye kul'ty» v SShA [«Religious Cults» in the United States]. Moscow: Znanie; 1984. 64 p. Russian.
17. Mitrokhin LN. *Religii «novogo veka»* [Religions of the «new age»]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1985. 164 p. Russian.
18. Nikiforova B. [Searches of youth and «Jesus Movement»]. *Nauka i religiya*. 1976;5:78–80. Russian.
19. Safronova ES. [The main directions of the spread of Zen Buddhism in the West]. In: Garaja VI, editor. *Voprosy nauchnogo ateizma. Vypusk 38. Mistitsizm: problemy analiza i praktiki* [Questions of scientific atheism. Issue 38. Mysticism: Problems of Analysis and Practice]. Moscow: Mysl'; 1989. p. 147–166. Russian.
20. Tkacheva AA. *Induistskie misticheskie organizatsii i dialog kul'tur* [Hindu mystical organizations and dialogue of cultures]. Moscow: Nauka; 1989. 137 p. Russian.
21. Tkacheva AA. [Krishna Hare]. *Asia and Africa today*. 1993;8:56–57. Russian.
22. Tkacheva AA. [Neo-hindu mysticism]. In: Garaja VI, editor. *Voprosy nauchnogo ateizma. Vypusk 38. Mistitsizm: problemy analiza i praktiki* [Questions of scientific atheism. Issue 38. Mysticism: Problems of Analysis and Practice]. Moscow: Mysl'; 1989. p. 128–146. Russian.
23. Tkacheva AA. «Novye religii» Vostoka [«New religions» of the East]. Moscow: Nauka; 1991. 216 p. Russian.
24. Campbell BA. Typology of cults. *Sociological Analysis*. 1978;39(3):228–240. DOI: 10.2307/3710443.
25. Robertson R. Religious movements and modern societies: toward a progressive problemshift. *Sociological Analysis*. 1979;40(4):297–314. DOI: 10.2307/3709959.
26. Stone D. New religious consciousness and personal religious experience. *Sociological Analysis*. 1979;39(2):123–134. DOI: 10.2307/3710212.
27. Ryazanova SV. [«Two islam» in the Perm region: true and imaginary conflicts]. *Etnoreligioznaya konfliktologiya*. 2011;1:78–87. Russian.
28. Ryazanova SV. Regional orthodoxy: logic of evolution (Perm Krai). *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*. 2015;31(3):126–132. Russian.
29. Ryazanova SV. The role of the regional factor determining the local religious situation. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra*. Russian. DOI: 10.7242/2658-705X/2019.1.5.
30. Ryazanova SV, Zubareva EA. Orthodox believer of the Kama region: 20th–21st centuries. *Research Result. Sociology and Management*. 2014;1:5–16. Russian.
31. Ryazanova SV, Sirotkin PF. Protestantism in province: the variants of evolution (Perm region). *Voprosy kul'turologii*. 2015;10:70–78. Russian.
32. Rayzanova SV, Tsoleva AI. Modern neo-paganism: classification, specifics and local variants. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 2015;1:96–106. Russian.

33. Martynenko AV. A little-known confessional history of Russia: the Bahá'í Faith and Ahmadiyya. «White Spots» of the *Russian and World History*. 2018;3;36–51. Russian.
34. Yumabaeva DKh. [The history of the Bahá'í community in Russia and in Yekaterinburg]. In: Ivanova EV, Kuznetsova OV, editors. *30 let kafedre religiovedeniya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [30 years of the department of religious studies of the Ural Federal University]. Ekaterinburg: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatие «Maks-Info»; 2017. p. 206–208. Russian.
35. Yashin VB. [From the history of the Bahá'í faith in Russia in the late 20th – early 21st centuries: Omsk community]. In: Ivanova EV, Kuznetsova OV, editors. *30 let kafedre religiovedeniya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [30 years of the department of religious studies of the Ural Federal University]. Ekaterinburg: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatие «Maks-Info»; 2017. p. 307–315. Russian.
36. Lee AA. *The Bahá'í Faith in Afrika*. Soares B, Wijsen F, editors. Leiden: Brill; 2011. 292 p.
37. Lawson T. Bahá'í religious history. *Journal of Religious History*. 2012;36(4):463–470. DOI: 10.1111/j.1467-9809.2012.01224.x.
38. Sabit-Sobhani A. *Die Politischen Borschaften des Religionsgründers Bahá'u'llah* [dissertation]. St. Gallen: Universität St. Gallen; 2000. 352 s.
39. Hassall G. Pacific Bahá'í's Communities 1950–1964. In: Rubinstein DH, editor. *Pacific history. Papers from 8th Pacific history conference*. Mangilao, Guam: University of Guam Press; 1992. p. 73–95.
40. Hassall G. The Bahá'í Faith in the Pacific. Herda Ph, Reilly M, Hilliard D, editors. *Vision and Reality in Pacific religion: Essays in Honour of Niel Gunson*. Perth: Pandanus Books; 2005. p. 267–287.
41. Akhmadulina SZ. History of the Bahá'í faith in Buryatia. *Vestnik Buryatskogo gosydarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2010;7:121–124. Russian.
42. Gruzskova EA. [D. V. Pivovarov and the formation of the Bahá'í community in Russia and in Yekaterinburg]. In: Ivanova EV, Kuznetsova OV, editors. *30 let kafedre religiovedeniya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [30 years of the department of religious studies of the Ural Federal University]. Ekaterinburg: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatие «Maks-Info»; 2017. p. 283–286. Russian.
43. Litvinchuk VG. [The cluster period in the development of the Bahá'í faith in 1996–2016]. In: Ivanova EV, Kuznetsova OV, editors. *30 let kafedre religiovedeniya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [30 years of the department of religious studies of the Ural Federal University]. Ekaterinburg: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatие «Maks-Info»; 2017. p. 286–307. Russian.
44. Mekhtieva OK. [From the history of the Bahá'í community in Russia and the USSR. Memoirs of eyewitnesses]. In: Ivanova EV, Kuznetsova OV, editors. *30 let kafedre religiovedeniya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [30 years of the department of religious studies of the Ural Federal University]. Ekaterinburg: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatие «Maks-Info»; 2017. p. 174–187. Russian.
45. Buck C. The Interracial Bahá'í Movement and the Black Intelligentsia. The Case of W. E. B. Du Bois. *Journal of Religious History*. 2012;(36)4:542–562. DOI: 10.1111/j.1467-9809.2012.01230.x.
46. Kargina IG. *Sotsiologicheskie refleksii sovremennogo religioznogo plyuralizma* [Sociological reflections of contemporary religious pluralism]. Moscow: MGIMO-University; 2014. 278 p. Russian.
47. Fromm E. *The Anatomy of Human Destructiveness*. New York: Holt Rinehart & Winston; 1973. 521 p.
Russian edition: Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti*. Telyatnikova EM, translator. Moscow: AST; 2007. 624 p. Co-published by the «Midgard». (Zolotoi fond mirovoi klassiki. Filosofiya. Psikhologiya. Istoriya).

Статья поступила в редколлегию 11.12.2020.
Received by editorial board 11.12.2020.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.733

ЦЕННОСТНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

И. В. ЛАШУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты исследования структуры базовых ценностей белорусского общества, полученные при использовании методики построения функционально-ориентирующих кластеров базовых ценностей Н. И. Лапина. Выявлены ценности, которые обеспечивают интеграцию населения Беларуси, а также опосредуют включенность индивида в жизнеобеспечивающие, властно-политические и социокультурные структуры общества. Проведен анализ степени поддержки респондентами базовых ценностей, сгруппированных по их принадлежности к терминальным (ценности-цели) либо инструментальным (ценности-средства) ценностям и в соответствии с социокультурными ценностями (традиционные, современные, общечеловеческие). Выявлено, что устойчивым интегрирующим ядром базовых ценностей белорусского общества являются *жизнь человека* и *порядок*. Признание ценности и неприкосновенности человеческой жизни занимает доминирующую позицию в иерархии базовых ценностей белорусов. Высокий уровень поддержки ценности *порядок* свидетельствует о большой значимости для белорусского общества стабильности и организации социальных отношений, сформированных на основе соблюдения установленных законов

Образец цитирования:

Лашук ИВ. Ценностная трансформация современного белорусского общества (по результатам социологических исследований). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;1:90–99. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-90-99>

For citation:

Lashuk IV. Value transformation of modern Belarusian society (as results of sociological research). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;1:90–99. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-90-99>

Автор:

Ирина Валерьевна Лашук – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Института социально-гуманитарного образования.

Author:

Iryna V. Lashuk, PhD (sociology), docent; head of the department of economic sociology and psychology of entrepreneurship, Institute of Social Science and Humanitarian Education. lashuk@bseu.by

и норм. Однако средства их достижения изменились за счет повышения важности нравственного выбора, выражающегося в возможности помочь нуждающимся даже в ущерб себе, и инструментальной ценности *властность*, проявляющейся в стремлении оказывать влияние на других людей. Сопоставляются результаты исследований ценностей для белорусского общества, проведенных в 2017 и 2020 гг. За счет падения востребованности традиционных и современных ценностей в 2020 г. произошел серьезный рост значимости общечеловеческой группы ценностей, при этом как и в 2017 г., терминальные ценности опережают по важности инструментальные. Среди ценностей-целей приоритетными для населения в 2020 г. были *жизнь человека, порядок и свобода*; среди ценностей-средств – *жертвенность и властность*. С целью изучить вариативность ценностной структуры сравнивались базовые ценности в разных возрастных группах населения. Межпоколенческий аксиологический анализ показал, что вне зависимости от возраста интегрирующими компонентами являются *жизнь человека и порядок*. При этом в молодежной когорте в интегрирующее ядро вошла также ценность *свобода*.

Ключевые слова: базовые ценности; терминальные и инструментальные ценности; социокультурные ценности; функционально-ориентирующие кластеры.

Благодарность. Автор выражает благодарность научному коллективу Центра социально-гуманитарных исследований учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет».

VALUE TRANSFORMATION OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY (AS RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

I. V. LASHUK^a

^aBelarus State Economic University,
26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

The article presents the results of the study of the structure of the basic values of the Belarusian society using the method of constructing functional-oriented clusters of basic values by N. I. Lapin. The values that ensure the integration of the population of Belarus as a whole, as well as mediate the inclusion of the individual in the life-supporting, power-political and socio-cultural structures of society, were identified. The analysis of the degree of respondents' support for basic values, grouped on additional grounds: according to their belonging to terminal (values-goals) or instrumental (values-means) values, and in accordance with cultural types of values (traditional, modern, universal values). It is revealed that the stable integrating core of the basic values of the Belarusian society are the values of *human life* and *order*. The recognition of the value and inviolability of human life occupies a dominant position in the hierarchy of basic values of Belarusians. The high level of support for the value of *order* indicates the great importance for the Belarusian society of stability and the organisation of social relations based on compliance with established laws and norms. However, the means of achievement have changed due to the increased importance of moral choice, which is expressed in the ability to help other people in need, even to the detriment of themselves, and the instrumental value of *power*, which is manifested in the desire to influence other people. A comparative analysis by year shows that in 2020 there was a serious increase in the importance of the universal group of values due to the decline in the demand for traditional and modern values. As in 2017, terminal values are more significant than instrumental values. Among the values-goals, the greatest support of the population in 2020 is *human life, order and freedom*; among the values-means – *sacrifice and power*. In order to study the variability of the value structure, a comparative study of the basic values of different age groups of the population was carried out. The intergenerational axiological analysis showed that in all age groups the integrating components are *human life* and *order*. At the same time, in the youth cohort, *svoboda* also entered the integrating core.

Keywords: basic values; terminal and instrumental values; sociocultural values; functional focusing clusters.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the research team of the Center for Social and Humanitarian Research of the educational institution «Belarusian State Economic University».

В социологии одно из центральных мест принадлежит проблеме ценностей. Разработкой понятия ценностей занимался еще Э. Дюркгейм, который для их объяснения в своих работах применил социологический подход. Мыслитель, с одной стороны, признавал трансцендентный характер ценностей, а с другой – считал, что само общество выступает не только как эмпирическая, но и в значительной мере как трансцендентная и сакральная реальность, источник и вместилище всех высших ценностей, ко-

торые доступны и подлежат научному описанию и объяснению. В конечном счете даже самые высокие ценности, с точки зрения Э. Дюркгейма, основаны на реальности и проистекают из нее.

Подчеркивая роль ценностного аспекта социальной регуляции, ученый пришел к выводу, что в нормальных условиях внешняя социальная детерминация осуществляется через ценностные ориентации индивидов. Должное и желаемое, нормы и ценности в таком истолковании оказываются двумя сто-

ронами одной медали. Социальные нормы эффективны только в том случае, когда они опираются на нравственный авторитет общества, а не на внешнее принуждение.

Проблема ценностей стала одной из актуальных в социологии благодаря М. Веберу, который вывел понятие ценности в разряд ключевых. Ценностно-рациональное является одним из четырех типов социального действия и определяется осознанной верой в ценность какого-либо действия независимо от его успеха. Ценность, по мнению ученого, – это форма человеческого мышления, способ умозаключений, ее нельзя охарактеризовать в категориях *положительная – отрицательная, относительная – абсолютная, объективная – субъективная* и т. п. Ценность, или значимость, есть также соотношение между человеком и миром вещей, людьми и духовными явлениями. Она напрямую не связана с утилитарным назначением этих вещей и событий, практической пользой. Носителем ценностей является личность, постигающая их в опыте внутреннего принятия или отталкивания. Место данных ценностей в мотивации действий гораздо глубже целей и интересов. Именно отнесение к ценности как к приданию смысла, на основе которого формулируется цель, указывает на самое главное, что определяет поведение человека. М. Вебер, в отличие от Э. Дюркгейма, считал, что ценности находятся по ту сторону эмпирической реальности, не сводимы к ней и могут быть предметом лишь веры, но не научного познания.

Социальные ценности как элементы системы общества наиболее полно рассмотрены в работах Т. Парсонса, который определял свою теорию социального действия как концептуальную схему для анализа поведения живых организмов, поведения, которое ориентируется на достижение цели и ценностно-нормативно регулируется. Действия акторов, по Парсонсу, объединены в системы действия (социальную, культурную и систему личности). В своей теории ученый делает акцент на первичности ценностно-нормативной системы общества по отношению к индивиду, на приоритетности социального консенсуса, стабильности и недопущении конфликтов в обществе.

В социологии в рамках противоположной парадигмы также присутствует интерес к ценностной проблематике, поскольку существует особый тип социального конфликта – ценностный конфликт. Он может протекать на разных уровнях: внутриличностном, межличностном, межгрупповом, межинституциональном, межкультурном и межкультурно-цивилизационном. Ценностные конфликты происходят в условиях ограниченности социальных благ, часто отражают глубинные процессы, возникающие в обществе.

В настоящее время отечественные и зарубежные социологи активно занимаются теоретическими и практическими разработками в области аксиологии. Накоплен обширный материал, посвященный различным подходам к изучению проблемы ценностей.

Белорусские социологи также уделяют большое внимание ценностным трансформациям современного общества. Так, А. Н. Данилов рассматривает основные результаты системной трансформации в странах постсоветского мира, особенности их интеграции в условиях глобального финансового кризиса, прогнозирует контуры нового мирового порядка [1]. Вопросами социального устройства активно интересуется С. А. Шавель [2]. Д. Г. Ротман и другие мыслители активно изучают ценностный мир современного человека и общества [3]. Анализируются процессы модернизации системы высшего образования Республики Беларусь в работах Л. Г. Титаренко [4].

На сегодняшний день большинство эмпирических исследований ценностей в той или иной степени основываются на методике Рокича, которая базируется на прямом ранжировании их списка. Ученый различает два класса ценностей: терминальные (убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться (набор из 18 ценностей)); инструментальные (убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации (набор из 18 ценностей)).

Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства.

Достоинством методики является универсальность, удобство и экономичность в проведении исследования и обработке результатов, гибкость, т. е. возможность варьировать как диагностический материал (списки ценностей), так и инструкции. Существенный недостаток данной методики проявляется во влиянии социальной желательности, возможности неискренности.

Ценность определяется М. Рокичем как устойчивое убеждение в том, что определенный образ поведения или конечного состояния для индивида или общества предпочтительнее, чем противоположный образ поведения или конечного состояния. Необходимо отметить, что сведение ценности к предпочтению ограничивает понимание данного феномена, не учитывает его специфических особенностей, природы и сущности.

Феномен ценности, согласно концепции Рокича, функционирует в действительности в качестве устойчивых убеждений относительно предпочтительного образа поведения, которые он именуется инструментальными ценностями, или ценностями-средствами (образованность, высокие запросы, не-

зависимость, ответственность, рационализм, самоконтроль и др.), а также в качестве устойчивых убеждений относительно предпочтительного образа конечного состояния, названных им терминальными ценностями, или ценностями-целями (здоровье, интересная работа, любовь, материально обеспеченная жизнь, наличие друзей, общественное признание, свобода и др.).

Из всего вышесказанного следует, что методика Рокича является признанным и популярным инструментом изучения ценностей. Многие современные исследователи ценностной проблематики либо применяют ее в оригинальном виде, либо создают ее адаптированные варианты, либо используют некоторые ее методологические основания.

В настоящее время эмпирико-социологический подход не ограничен методикой Рокича, а представлен различными методами изучения ценностей и ценностных ориентаций. По этой причине перед социологами, занимающимися вопросами аксиологии, ставится задача как классификации, так и выделения наиболее адекватных методов и методик их измерения.

Таким образом, в области изучения ценностей разработано достаточно большое многообразие методик. Также существуют и другие методики, которые основаны на использовании как количественных, так и качественных приемов¹.

Фокус внимания в настоящей работе сосредоточен на изучении ценностных приоритетов белорусского общества в контексте их (ценностей) дифференцирующих и интегрирующих функций. Представленное научное исследование построено на основе типовой методики всероссийской про-

граммы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук (руководители – Н. И. Лапин, Л. А. Беляева). По мнению автора настоящей статьи, на современном этапе общественного развития рассматриваются две основные формы социокультурной трансформации:

«1) *традиционализация* – возникновение институционализации традиций, других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями их инновационных действий; 2) *либерализация (модернизация)* – расширение свободы выбора и ответственности субъектов, увеличение возможностей для инновационных целерациональных действий путем дифференциации структуры общества, возникновения и включения в нее новых интегрирующих элементов. <...> Либерализация апеллирует к ценности свободы и сопряжена с веберовской рационализацией исторического процесса» [5, с. 8].

В качестве эмпирической базы исследования использованы результаты двух социологических исследований: «Социокультурные механизмы и факторы консолидации белорусского общества»² и «Социокультурный портрет современного белорусского общества»³. В соответствии с программой Н. И. Лапина в исследованиях представлено 14 ценностей (табл. 1), отражающих исключительно базовые ценности, которые автор дифференцирует на три группы: традиционные, общечеловеческие, современные (модернистские, либеральные) [6, с. 48].

Таблица 1

Методика изучения базовых ценностей Н. И. Лапина

Table 1

The method of studying the basic values of N. I. Lapin

Ценности	Ценностные суждения
Нравственность	В любых условиях красота делает человека лучше и чище
Благополучие	Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии
Своевольность	Бывают обстоятельства, когда человек сам по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека

¹Подробнее теоретические подходы к исследованию ценностей представлены в монографии: *Лашук И. В.* Социокультурный анализ современного белорусского общества. Минск : Беларуская навука, 2019. 267 с.

²Социологическое исследование «Социокультурные механизмы и факторы консолидации белорусского общества» (руководитель – И. В. Лашук), проведенное Институтом социологии НАН Беларуси в 2017 г. Выборочная совокупность репрезентативна по полу, возрасту, типу населенного пункта, уровню образования и региону проживания (1502 респондента).

³Социологическое исследование «Социокультурный портрет современного белорусского общества» (руководитель – И. В. Лашук), проведенное Центром социально-гуманитарных исследований УО «Белорусский государственный экономический университет» по заказу БИСИ в 2020 г. Выборочная совокупность репрезентативна по полу, возрасту, типу населенного пункта, уровню образования и региону проживания (1500 респондентов).

Окончание табл. 1
Ending table 1

Ценности	Ценностные суждения
Свобода	Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл
Работа	Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни
Порядок	Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами
Общительность	В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения
Властность	Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других
Жертвенность	Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя
Независимость	Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям
Инициативность	Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве
Семья	Люди и государство должны больше всего заботиться о детях
Жизнь человека	Самое ценное на свете – это человеческая жизнь, и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах
Традиция	Главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям

Используемая методика включает три этапа анализа.

На первом этапе произошло разделение изучаемых ценностей на два кластера:

- интегрирующий, включающий в себя верхний слой (так называемое интегрирующее ядро) и нижний (интегрирующий резерв);
- дифференцирующий, состоящий также из двух слоев: верхнего (оппонирующий дифференциал) и нижнего (конфликтотенная периферия). Оппонирующий дифференциал содержит нейтральные ценности. Они не являются отрицательными, но при этом не обладают значимой поддержкой со стороны населения. При эволюции ценностной структуры общества именно они могут стать новым значимым основанием интеграции общества. Конфликтотенная периферия включает ценности, которые фактически отрицаются большинством населения.

Второй этап изучения ценностной структуры представлен анализом иерархии базовых ценностей жизнеобеспечивающего, институционно-регулятивного и антропно-коммуникативного кластеров.

Жизнеобеспечивающий кластер ценностей опосредует отношение индивида к социально-хозяйственным институтам, реализующим функцию жизнеобеспечения как отдельного индивида, так и всего общества в целом. Институционно-регулятивный кластер объединяет ценности, которые имеют связь с властно-политической системой общества и предопределяют поведение людей в социуме. Антропно-коммуникативный кластер ценностей

опосредует взаимосвязь человека с социальными и культурными структурами общества [7, с. 33–35].

Третий этап исследования базовых ценностей основан на использовании двух теоретических типологий. Первая типология ценностей (культурно-типическая) устанавливает принадлежность ценностей к определенному типу общества. В соответствии с ней выделяются традиционные, современные и общечеловеческие социокультурные базовые ценности. Их распределение в разных слоях интегрирующего и дифференцирующего кластеров позволяет определить, какие ценности обеспечивают интеграцию общества. Вторая типология ценностей основана на разделении ценностей на терминальные (фиксируют важнейшие цели в жизни, отражая убеждения человека в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться) и инструментальные (закрепляют убеждения в том, что определенный образ действий личности является предпочтительным в любой ситуации).

Итак, используемая методика позволяет не только охарактеризовать структуру базовых ценностей белорусского общества, но и выделить ценности, способные стать в условиях социальных трансформаций новым интегрирующим фундаментом. Помимо этого, появляется возможность описать иерархию базовых ценностей, оказывающих влияние на отношение индивида к жизнеобеспечивающим, властно-политическим и социокультурным структурам общества. Анализ распространенности культурных типов базовых ценностей в дифферен-

цирующем и интегрирующем кластерах способствует определению ценностного типа общества.

Сравнительный анализ социологических исследований, проведенных в 2017 и 2020 гг., позволил

зафиксировать тот факт, что в интегрирующем ядре устойчиво сохраняются ценности *жизнь человека* и *порядок*. Именно они в наибольшей степени объединяют белорусов (табл. 2).

Таблица 2

Динамика базовых ценностей белорусского общества

Table 2

Dynamics of the basic values of the Belarusian society

Кластер		Год	
		2017	2020
Интегрирующий	Интегрирующее ядро	Жизнь человека	Жизнь человека
		Порядок	Порядок
		Семья (родительство)	Общительность
	Интегрирующий резерв	Общительность	Свобода
		Благополучие	Жертвенность
		Свобода	Благополучие
		Независимость	Властность
Дифференцирующий	Оппонирующий дифференциал	Традиция	Работа
		Работа	Традиция
		Нравственность	Семья (родительство)
		Инициативность	Инициативность
		Жертвенность	Нравственность
	Конфликтогенная периферия	Своевольность	Своевольность
		Властность	Независимость

Следует также отметить, что в 2020 г. интегрирующей ценностью стала *общительность*, а в интегрирующий резерв вошли *жертвенность* и *властность*. При этом *независимость* переместилась в конфликтогенную периферию.

Таким образом, устойчивым интегрирующим ядром базовых ценностей белорусского общества являются *жизнь человека* и *порядок*. Признание ценности и неприкосновенности человеческой жизни занимает доминирующую позицию в иерархии базовых ценностей белорусов. Высокий уровень поддержки ценности *порядок* свидетельствует о большой значимости для белорусского общества стабильности и организации социальных отношений, сформированных на основе соблюдения установленных законов и норм.

На втором этапе базовые ценности были перегруппированы в три кластера: жизнеобеспечивающий, институционно-регулятивный и антропно-коммуникативный. Наборы ценностей каждого кластера заранее определены, однако внутренняя структура данных групп может быть вариативной.

Жизнеобеспечивающий кластер объединяет ценности, которые определяют характер витальных потребностей человека. Этот набор ценностей

формирует представление индивида о нормальном протекании жизни, а также способах его достижения.

В 2017 г. в данном кластере главная роль принадлежала таким ценностям, как *семья*, *благополучие* и *независимость*. По результатам социологических замеров в 2020 г. внутри кластера произошло реформатирование структуры. По сравнению с 2017 г. в 2020 г. значимость ценностей, входящих в жизнеобеспечивающую группу, понизилась, и первые ранговые места стали занимать ценности *благополучие*, *работа* и *семья* (табл. 3)⁴.

Институционно-регулятивный кластер включает в себя ценности, которые выступают социокультурной основой существования социальных институтов и опосредуют одобряемые формы поведения индивидов в обществе. Доминирующими ценностями в этом кластере в 2017 г. выступали *порядок*, *свобода* и *традиция*; в 2020 г. – *порядок*, *свобода* и *властность*. Таким образом, можно говорить об устойчиво высокой значимости социальной стабильности, которая основывается на обеспечении личной безопасности и признании приоритетной важности свободы для жизни человека. Как в 2017 г., так и в 2020 г. *своевольность* – вовсе не-

⁴Значимость ценности определялась в интервале от 1 до 4, где 1 – абсолютное несогласие; 4 – абсолютное согласие.

популярная ценность среди населения, поскольку по своему смысловому содержанию она противоположна социальной стабильности.

Антропно-коммуникативный кластер состоит из ценностей, опосредующих интеграцию человека в социальные и культурные структуры общества. В 2017 г. в структуре данного кластера преобладали ценности *жизнь человека, общительность и свобода*; в 2020 г. – *жизнь человека, общительность и жертвенность*. Это свидетельствует о том, что включение

индивида в социальное и культурное взаимодействие устойчиво базируется на признании им человеческой жизни как наивысшей ценности и установлении тесных связей с близким кругом людей (семья и друзья).

На третьем этапе анализа базовые ценности были сгруппированы в соответствии с теоретической типологией Лапина, в которой каждый культурный тип ценностей включает как терминальные, так и инструментальные ценности (табл. 4).

Таблица 3

Жизнеобеспечивающий, институционно-регулятивный и антропно-коммуникативный кластеры базовых ценностей, среднее значение

Table 3

Life-supporting, institutional-regulatory, and anthropic-communicative clusters of basic values, average value

Кластер	Ценности	Год	
		2017	2020
Жизнеобеспечивающий	Семья	3,49	2,86
	Благополучие	3,36	3,23
	Независимость	3,28	1,88
	Работа	3,04	3,01
	Инициативность	2,96	2,76
Институционно-регулятивный	Порядок	3,52	3,48
	Свобода	3,32	3,30
	Традиция	3,09	2,86
	Своевольность	1,90	2,12
	Властность	1,91	3,22
Антропно-коммуникативный	Жизнь человека	3,68	3,68
	Общительность	3,42	3,31
	Свобода	3,32	3,30
	Нравственность	2,95	2,45
	Жертвенность	2,90	3,28

Наибольшей поддержкой среди населения страны в 2017 г. пользовались современные ценности, а наименьшей – традиционные. Самыми значимыми являлись терминальные ценности по сравнению с инструментальными. В числе ценностей-целей на первое место население ставило *жизнь человека, порядок и семью*, а среди ценностей-средств – *общительность и независимость*.

Сравнительный анализ по годам свидетельствует о том, что в 2020 г. за счет падения востребованности традиционных и современных ценностей произошел серьезный рост значимости общечеловеческой группы ценностей. Предпочтение было отдано, как и в 2017 г., терминальным ценностям. Самыми главными среди ценностей-целей являлись *жизнь человека, порядок и свобода*, а в числе ценностей-средств – *жертвенность и властность*.

Таким образом, *жизнь человека и порядок* оказались достаточно стабильными ценностями, нахо-

дящимися в приоритете у населения. Однако средство их достижения изменилось за счет повышения значимости нравственного выбора, выражающегося в возможности оказать помощь тем, кто в ней нуждается, даже в ущерб себе, и инструментальной ценности *властность*, проявляющейся в стремлении воздействовать на других людей.

По итогам социологического замера, проведенного в 2020 г., выявлены межпоколенческие различия в структуре базовых ценностей белорусов. Респонденты были распределены на три возрастные группы: 18–29 лет; 30–49 лет и 50 лет и старше. Сопоставив результаты анализа, следует сделать вывод о том, что молодое поколение, по сравнению с более старшими когортами, в большей степени ориентировано на *своевольность, свободу и семью*. С возрастом актуализируется значимость таких базовых основ, как *порядок, общительность, инициативность, жизнь человека* (табл. 5).

Таблица 4

**Культурные типы базовых ценностей населения
Республики Беларусь, среднее значение**

Table 4

**Cultural types of basic values of the population
of the Republic of Belarus, average value**

Социокультурные ценности	Год		Ценности	
			Терминальные (ценности-цели)	Инструментальные (ценности-средства)
	2017	2020		
Традиционные	2,85	2,78	Семья	Жертвенность
			Традиция	Своевольность
Общечеловеческие	3,03	3,12	Порядок	Общительность
			Благополучие	Нравственность
			Работа	Властность
Современные	3,31	2,91	Жизнь человека	Независимость
			Свобода	Инициативность

Таблица 5

**Структура базовых ценностей в разных
возрастных группах, среднее значение**

Table 5

**Structure of basic values
in different age groups, average value**

Базовая ценность	Возрастная группа		
	18–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
Нравственность	2,49	2,48	2,40
Благополучие	3,24	3,18	3,26
Своевольность	2,31	2,12	1,99
Свобода	3,42	3,28	3,25
Работа	3,08	3,00	2,98
Порядок	3,46	3,44	3,52
Общительность	3,22	3,32	3,36
Властность	3,05	3,20	3,36
Жертвенность	3,23	3,28	3,30
Независимость	2,06	1,85	1,77
Инициативность	2,62	2,75	2,87
Семья	3,03	2,82	2,77
Жизнь человека	3,62	3,67	3,73
Традиция	2,66	2,83	3,02

Межпоколенческий ценностный анализ показал, что во всех возрастных группах интегрирующими компонентами являются *жизнь человека* и *порядок*, при этом в молодежной когорте в интегрирующее ядро вошла также *свобода* (табл. 6).

Особое внимание следует обратить на интегрирующий резерв молодежи, поскольку при опреде-

ленных обстоятельствах именно этот блок, в настоящее время включающий стремление заботиться о своем здоровье и благополучии, помощь бедным и слабым даже в ущерб себе, хорошие семейные и дружеские отношения и содержательную, интересную работу, может стать интегрирующим для данной возрастной группы.

Таблица 6

**Интегрирующий и дифференцирующий кластеры
в разных возрастных группах**

Table 6

**Integrating and differentiating clusters
in different age groups**

Кластер		Возрастная группа		
		18–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
Интегрирующий	Интегрирующее ядро	Жизнь человека	Жизнь человека	Жизнь человека
		Порядок	Порядок	Порядок
		Свобода	Общительность	Властность
	Интегрирующий резерв	Благополучие	Жертвенность	Общительность
		Жертвенность	Свобода	Жертвенность
		Общительность	Властность	Благополучие
		Работа	Благополучие	Свобода
Дифференцирующий	Оппонирующий дифференциал	Властность	Работа	Традиция
		Семья	Традиция	Работа
		Традиция	Семья	Инициативность
		Инициативность	Инициативность	Семья
		Нравственность	Нравственность	Нравственность
	Конфликтогенная периферия	Своевольность	Своевольность	Своевольность
		Независимость	Независимость	Независимость

При разработке программ государственной молодежной политики и патриотического воспитания необходимо учесть и определенные риски, и угрозы, связанные с социальной интеграцией молодежи в современное белорусское общество. При некоторых условиях это может проявиться в увеличении разрыва между двумя составляющими интеграционного механизма – включением молодежи в те или иные структуры и идентификацией с ними (как следствие, интеграция способна приобрести вынужденный характер, больше соответствующий механическому слиянию, нежели органически выстроенной связи); ускорении смены идентифи-

ционных оснований, которые могут стать более «текучими»; активной локализации интеграционных процессов в рамках отдельных молодежных сообществ.

Данные обстоятельства могут привести к «исключению» молодого поколения из социума посредством активизации девиантных форм.

Таким образом, необходимо на государственном уровне в мониторинговом режиме отслеживать социальные настроения разных социальных групп белорусского общества в целях своевременного выявления рисков и угроз и формирования адекватной реакции на них.

Библиографические ссылки

1. Данилов АН. Новые геополитические реалии будущей цивилизации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2017;4:4–12.
2. Шавель СА. *Общественная миссия социологии.* Минск: Беларуская навука; 2010. 404 с.

3. Ротман ДГ, Данилов АН, Булышко ДМ, Белов АА, Воднева АК, Соглаева ЛА. *Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей*. Булышко ДМ, Данилов АН, Правдивец ВВ, Ротман ДГ, редакторы. Минск: БГУ; 2016. 219 с.
4. Титаренко ЛГ. Образовательные услуги: рынок или образование? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;3:58–64.
5. Лапин НИ. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций. *Мир России*. 2000;3:3–47.
6. Лапин НИ. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона. В: Когай ЕА, редактор. *Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции; 25–28 сентября 2007 г.; Курск, Россия*. Курск: Курский государственный университет; 2007. с. 43–55.
7. Лапин НИ. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов. *Социологические исследования*. 2010;1:28–36.

References

1. Danilov AN. New geopolitical realities of the future civilization. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;4:4–12. Russian.
2. Shavel' SA. *Obshchestvennaya missiya sotsiologii* [Social mission of sociology]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2010. 404 p. Russian.
3. Rotman DG, Danilov AN, Bulynko DM, Belov AA, Vodneva AK, Soglaeva LA. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropeiskii soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostei* [The value world of modern man: Eastern partnership countries, the European Union and Russia in international projects on the study of values]. Bulynko DM, Danilov AN, Pravdivets VV, Rotman DG, editors. Minsk: Belarusian State University; 2016. 219 p. Russian.
4. Titarenko LG. Educational services: market or education? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3: 58–64. Russian.
5. Lapin NI. [Crisis society in the context of socio-cultural transformations]. *Mir Rossii*. 2000;3:3–47. Russian.
6. Lapin NI. [The structure of Russians' values: all-Russian monitoring and a portrait of the region]. In: Kogay EA, editor. *Opyt podgotovki sotsiokul'turnykh portretov regionov Rossii. Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 25–28 sentyabrya 2007 g.; Kursk, Rossiya* [Experience of preparing socio-cultural portraits of Russian regions. Materials of the III All-Russian scientific-practical conference; 2007 September 25–28; Kursk, Russia]. Kursk: Kursk State University; 2007. p. 43–55. Russian.
7. Lapin NI. [Functionally oriented clusters of basic values of the population of Russia and its regions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010;1:28–36. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2021.
Received by editorial board 10.02.2021.

СОСТОЯНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ТЕРРИТОРИЙ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ АВАРИИ НА ЧАЭС (В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКСПЕРТОВ)

М. В. ВИШНЯКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Представлена оценка удовлетворенности инфраструктурой населенных пунктов, располагающихся на загрязненных территориях, в контексте достижения ЦУР 11 «Устойчивые города и населенные пункты». На основе эмпирических данных, полученных при реализации совместного исследования Института социологии Национальной академии наук Беларуси и Белорусского государственного экономического университета, был определен уровень обеспеченности населенных пунктов объектами транспортной, социальной инфраструктуры и жилищно-коммунального хозяйства. Дана оценка качеству предоставляемых ими услуг со стороны населения и экспертов, проживающих на загрязненной радионуклидами территории. Выявлен недостаточный уровень обеспеченности сельских населенных пунктов службами быта, спортивно-оздоровительными объектами и организациями жилищно-коммунального обслуживания. К уязвимым аспектам работы объектов здравоохранения были отнесены организация приема пациентов, возможность обследования и лечения у врачей узкой специализации, а также проведение диагностических обследований. Население и эксперты негативно оценивают работу по уборке дорог, обочин и тротуаров в зимний период. Они озабочены наличием дорог, мостов и состоянием дорожных покрытий, обращают внимание на недостаточное количество игровых и спортивных площадок. Ключевая проблема в работе общественного транспорта заключается в неудобном графике работы (в малом числе транспортных единиц на маршруте).

Ключевые слова: инфраструктура; оценка качества услуг; территории, пострадавшие от аварии на ЧАЭС; загрязненные территории.

THE STATE OF INFRASTRUCTURE OF THE TERRITORIES AFFECTED BY THE CHERNOBYL ACCIDENT (IN REVIEW OF POPULATION AND EXPERTS)

M. V. VISHNIAKOVA^a

^aBelarus State Economic University,
26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

The article presents the assessment of satisfaction by the infrastructure of settlements located on the polluted lands in the context of achievement SDG 11 «Steady cities and settlements». On the basis of empirical data obtained during the implementation of the joint study of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus and the Belarus State Economic University, the level of provision of settlements of the transport, social and housing and utilities infrastructure was determined. The quality of their services is assessed by the population and experts living in the territory contaminated with radionuclides. Insufficient level of provision of rural settlements of household services, sports and recreational facilities.

Образец цитирования:

Вишнякова МВ. Состояние инфраструктуры территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС (в оценках населения и экспертов). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;1:100–106.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-100-106>

For citation:

Vishniakova MV. The state of infrastructure of the territories affected by the Chernobyl accident (in review of population and experts). *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;1:100–106. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-100-106>

Автор:

Маргарита Владимировна Вишнякова – кандидат социологических наук; доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности.

Author:

Marharyta V. Vishniakova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of economic sociology and psychology of entrepreneurship.
margarita_vishny@bk.ru

ties and organisations of housing and communal services has been revealed. Vulnerable aspects of health facilities included the organisation of reception of patients, the possibility of examination and treatment by doctors of narrow specialisation, as well as diagnostic examinations. The population and experts negatively assess road-, roadside- and sidewalks-clearing work in winter. They are concerned about the construction of roads, bridges, and the state of road surfaces, pay attention to the insufficient number of playgrounds and sports fields. The key problem in the work of public transport is associated with inconvenient schedules (insufficient amount of transport on the route).

Keywords: infrastructure; assessment of the quality of services; territories affected by the Chernobyl accident; contaminated areas.

В 2021 г. исполняется 35 лет со дня техногенной катастрофы на Чернобыльской АЭС (ЧАЭС). Ее последствия затронули в разной мере многие страны Европы, в том числе и Республику Беларусь. На протяжении постчернобыльского периода вопросы жизнедеятельности населения, проживающего на пострадавших территориях, находятся на постоянном контроле органов государственного управления. Так, реализовано пять государственных программ, направленных на преодоление последствий катастрофы. И. В. Лашук [1], Е. В. Мартищенко [2], С. А. Шавель [3] участвуют в социологическом обеспечении информацией о состоянии, уровне жизни и потребностях населения, проживающего на загрязненных территориях.

Следует отметить, что в последнее время изменилась стратегия возрождения загрязненных территорий от «послеаварийных реабилитационных мероприятий к восстановлению и дальнейшему социально-экономическому развитию пострадавших регионов, созданию в них более привлекательных условий для жизнедеятельности»¹.

Одной из задач социально-экономического развития регионов является привлечение высококвалифицированных специалистов в отрасли народного хозяйства², создание благоприятных условий для их жизнедеятельности. В связи с этим возникает вопрос об уровне развития инфраструктуры, доступности и качестве предоставляемых услуг, что оказывает непосредственное влияние на удовлетворение социальных потребностей жителей, предотвращает их отток в другие населенные пункты.

В целях обеспечения информационной базы для научно обоснованного планирования и совершенствования комплекса мероприятий по социально-экономическому развитию загрязненных радионуклидами территорий по инициативе Департамента

по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС МЧС Республики Беларусь было проведено социологическое исследование³.

Эмпирическую базу проекта составили данные репрезентативного опроса (метод социологического интервью) населения Республики Беларусь, проживающего на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС⁴. Опрос проведен по стратифицированной выборке (октябрь – ноябрь 2019 г., $n = 2766$ человек, $\Delta = \pm 3,67\%$ при $\alpha = 0,05$). География исследования представлена крупным городом с численностью свыше 60 тыс. человек (Гомель), средними городами – от 10 до 60 тыс. человек (Быхов, Добруш, Лунинец и др.), малыми – менее 10 тыс. человек (Буда-Кошелево, Славгород и др.). В ходе опроса получены данные по 26 районам, пострадавшим от аварии на ЧАЭС (15 районов Гомельской области, 4 – Брестской, 7 – Могилёвской).

В ходе исследования также были проведены полустандартизированные интервью с экспертами (апрель 2020 г., $n = 50$ человек, рекрутинг осуществлялся методом снежного кома). В качестве экспертов выступали специалисты по вопросам устойчивого развития территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС. В выборочную совокупность вошли представители местных органов власти, преподаватели высших учебных заведений, работники системы здравоохранения, некоммерческих организаций и другие эксперты, проживающие на загрязненных территориях.

В настоящей статье представлена оценка удовлетворенности инфраструктурой населенных пунктов, располагающихся на загрязненных территориях, в контексте достижения ЦУР 11 «Устойчивые города и населенные пункты». При оценке состояния инфраструктуры загрязненных территорий важным индикатором выступает доступность ее

¹Государственная программа по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011–2015 гг. и на период до 2020 г. : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 31 дек. 2010 г. № 1992 [Электронный ресурс]. URL: <https://chernobyl.mchs.gov.by/upload/files/govprogramm2011-15.pdf> (дата обращения: 30.01.2021).

²Там же.

³Реализовано в рамках научно-исследовательского проекта по заданию «Провести социологический мониторинг оценок населения эффективности реализации целей устойчивого развития, в том числе и возможностей трудоустройства в районах, пострадавших от аварии на ЧАЭС (по различным сферам экономики)» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011–2015 гг. и на период до 2020 г., выполненного ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» и УО «Белорусский государственный экономический университет» (№ гос. регистрации 20192156).

⁴Об утверждении перечня населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения, и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 11 янв. 2016 г. № 9 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://www.pravo.by/upload/docs/op/C21600009_1452805200.pdf (дата обращения: 30.01.2021).

объектов. В понятие инфраструктуры загрязненных радионуклидами территорий были включены социокультурный комплекс (объекты образования, здравоохранения, культуры и спорта), комплекс потребительского рынка (объекты торговли и бытового обслуживания населения), комплекс организации жилищно-коммунального хозяйства и транспортный комплекс.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что уровень развития инфраструктуры загрязненных территорий соответствует запросам проживающего населения. Так, согласно ответам респондентов торговыми точками обеспечены 97,8 % населенных пунктов, пассажирским транспортом – 96,3 %; учреждениями здравоохранения – 94 %; учреждениями школьного и дошкольного образования – 93,3 и 92,4 % соответственно, а учреждениями культуры – 88,7 %. Чуть реже респонденты отмечали наличие по месту жительства служб быта – 83,2 %, организаций жилищно-коммунального обслуживания – 80,9, спортивно-оздоровительных объектов – 80,2 %.

На уровень и качество жизни населения, проживающего на загрязненных территориях, большое влияние оказывает пространственная доступность объектов инфраструктуры. В ходе исследования были выявлены существенные различия в оценке доступности объектов инфраструктуры в зависимости от типа населенного пункта. Жители Гомеля,

в отличие от сельчан, чаще отмечали, что в их населенном пункте есть все необходимые учреждения, оказывающие различные услуги. При ответе на вопрос: «Укажите, какие из указанных объектов есть в Вашем населенном пункте?» – на наличие служб быта указало 54,6 % сельчан, спортивно-оздоровительных объектов – 50,7, организаций жилищно-коммунального обслуживания – 48,9 % респондентов, опрошенных в селе.

Также респонденты давали оценку качеству услуг, предоставляемых различными объектами инфраструктуры на загрязненных радионуклидами территориях (как эксперты, так и население пришли к единодушному мнению). Так, наивысшее значение получили услуги торговых точек, спортивно-оздоровительных объектов, учреждений школьного образования. Наиболее проблемными, по сравнению с остальными, оказались услуги учреждений здравоохранения и организаций жилищно-коммунального обслуживания (рис. 1).

Для детального изучения проблемных зон в функционировании объектов здравоохранения был определен уровень удовлетворенности услугами здравоохранения, который отражен в значениях индекса. Полученные данные позволили отразить позитивные и нейтральные оценки населения и экспертов, проживающих на загрязненных территориях, и представить их в ранжированном виде (табл. 1).

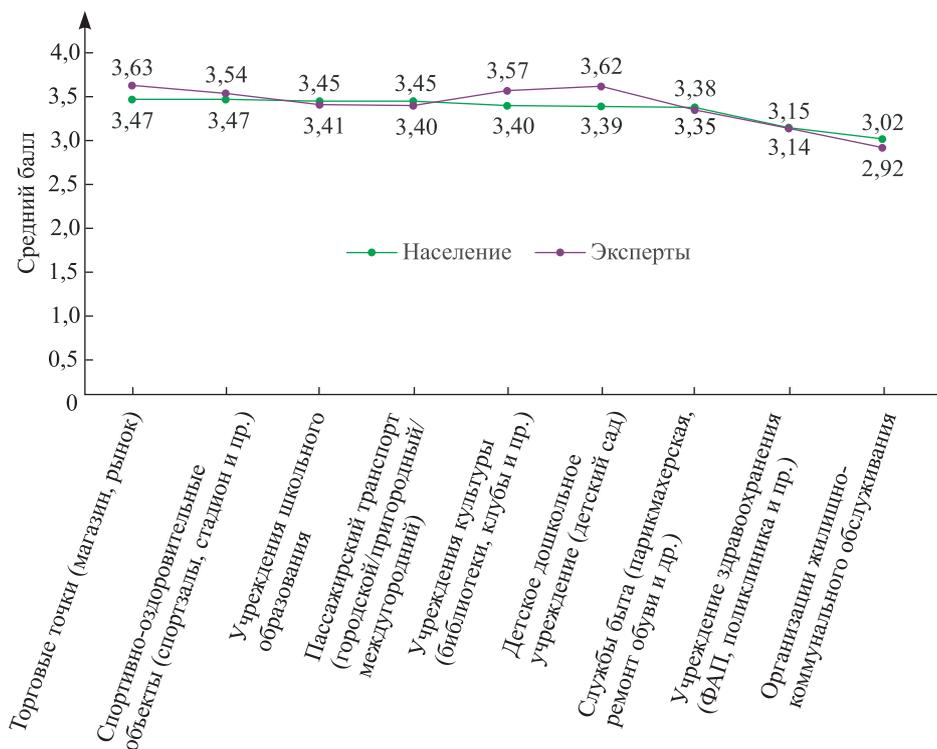

Рис. 1. Оценка удовлетворенности качеством предоставляемых услуг
 Fig. 1. The assessment of satisfaction with the quality of provided services

Таблица 1

Оценка населением и экспертами, проживающими на загрязненных территориях,
услуг здравоохранения, индекс

Table 1

People and experts' assessment of health-care services
who live on the contaminates areas, index

Индикатор	Население	Эксперты
Возможность приобретения необходимых лекарств и медицинских аппаратов (тонометры, глюкометры и т. п.)	0,67	0,77
Возможность получения скорой медицинской помощи	0,64	0,61
Возможность вызова врача на дом	0,62	0,65
Возможность получения медицинской помощи в стационаре (больнице)	0,57	0,48
Близость медицинских учреждений к месту проживания	0,57	0,64
Качество работы младшего медперсонала	0,56	0,55
Наличие участковых врачей и возможность обращения к ним	0,51	0,64
Наличие электронной записи на прием	0,48	0,54
Качество работы администрации медицинского учреждения	0,47	0,46
Возможность обследования на СИЧ-установках (счетчики излучения человека)	0,39	0,51
Возможность обследования и лечения у врачей узкой специализации (лор, окулист, невролог, хирург и т. д.)	0,34	0,20
Организация приема пациентов (заказ талонов, время ожидания приема и пр.)	0,32	0,26
Возможность проведения диагностического обследования (рентген, МРТ, УЗИ, кардиограмма и т. д.)	0,30	0,08

Примечание. Индекс удовлетворенности имеет значение от -1 до +1. Интегральный индекс рассчитан как среднее значение индивидуальных индексов. Значение интегрального индекса удовлетворенности услугами здравоохранения у населения составляет 0,50, а у экспертов - 0,49.

Данные табл. 1 показывают, что население и эксперты положительно оценивают услуги здравоохранения.

Эксперты и население позитивно оценили возможность свободного доступа к услугам здравоохранения (возможность приобретения необходимых лекарств и медицинских аппаратов, вызова врача на дом, получения скорой медицинской помощи и медицинской помощи в стационаре), учитывались также территориальная близость медицинских учреждений.

Ряд показателей работы системы здравоохранения вызывают беспокойство как у экспертов, так и у населения. В своих оценках они заявили о наличии некоторых трудностей, связанных с организацией приема пациентов, а также с возможностями обследования и лечения у врачей узкой специали-

зации и проведения диагностических обследований (наибольшая уязвимость этого показателя отмечена экспертами).

Безусловно, относительно низкие значения индивидуальных индексов по данным показателям вносят существенный вклад в общую оценку услуг здравоохранения. Следовательно, приоритетным направлением при развитии пострадавших территорий должно стать обеспечение доступа к узкопрофильному обследованию и лечению.

В ходе исследования респондентам было предложено оценить удовлетворенность состоянием инфраструктуры населенного пункта и качеством оказания жилищно-коммунальных услуг. В результате лидерами оказались следующие услуги: наличие центрального газоснабжения, работа канализации и удобство организации оплаты жилищно-комму-

нальных услуг, энергии и др. При этом по последнему показателю представители экспертного сообщества выразили большую удовлетворенность, чем жители населенных пунктов.

И эксперты, и население считают, что для территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, достаточно остро стоит проблема уборки дорог, обочин и тротуаров в зимнее время, отсутствия площадок для отдыха с детьми и занятия спортом, а также наличия мостов и состояния дорожных покрытий (рис. 2).

Оценка удовлетворенности состоянием инфраструктуры населенного пункта и качеством оказания жилищно-коммунальных услуг зависит от типа населенного пункта. Гомельчане демонстрируют высокую удовлетворенность по всем показателям, самую низкую оценку дали жители сельских территорий, исключением являются такие показатели, как своевременный вывоз мусора, наличие дорог, мостов и состояние дорожного покрытия.

При анализе наиболее актуальных проблем в работе общественного пассажирского транспорта как жители загрязненных территорий, так и эксперты отмечали вариант ответа «Проблем нет» (63 и 62 % соответственно). По территориальному признаку больше других испытывают трудности в связи с работой общественного транспорта жители малых и средних городов, сельской местности.

В качестве ключевой проблемы в работе общественного транспорта и эксперты, и население указали неудобный график работы, который составлен с учетом имеющихся в недостаточном количестве единиц транспорта на маршруте (82,3 и 66,5 % соответственно). Анализ полученных данных позволил выявить зависимость между типом населенного пункта и оценкой графика работы общественного транспорта: чем меньше населенный пункт, тем ниже оценка показателя. Менее всего удовлетворены графиком работы пассажирского транспорта жители сельской местности (31,2 %).

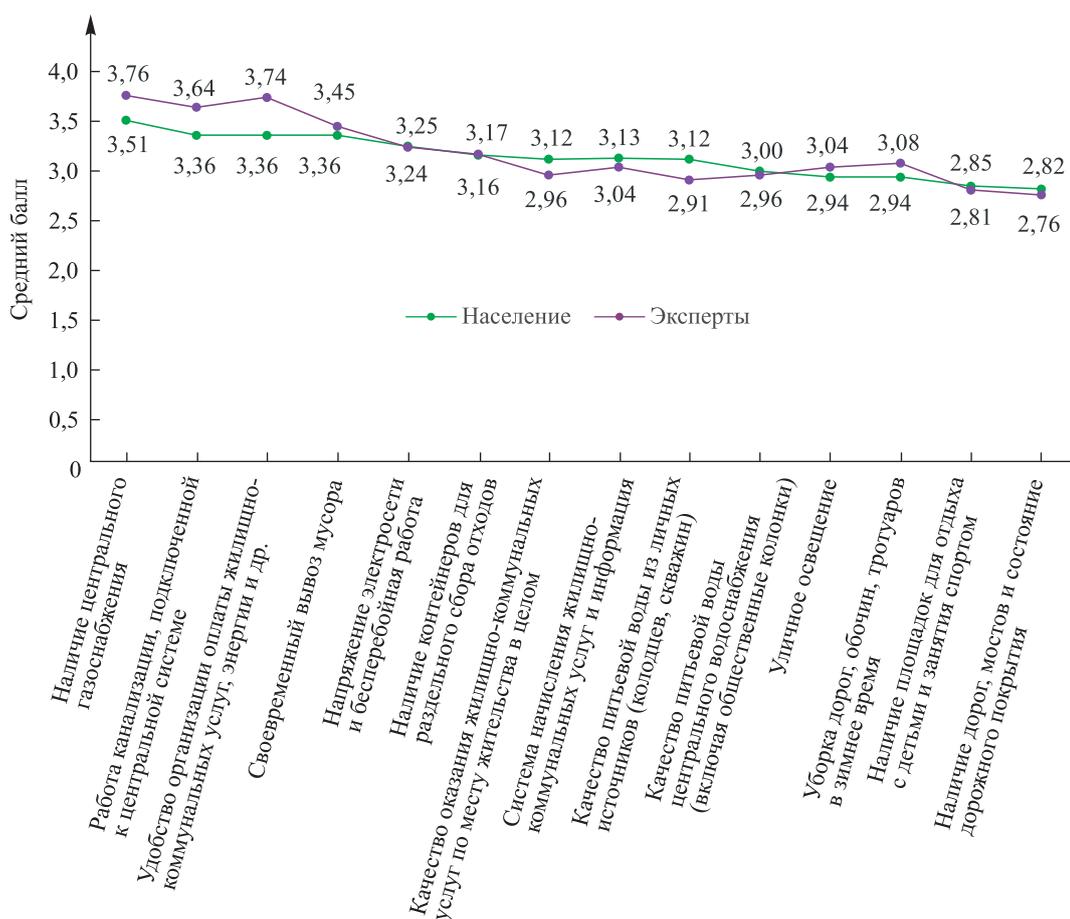

Рис. 2. Оценка удовлетворенности состоянием инфраструктуры населенного пункта и качеством оказания жилищно-коммунальных услуг
 Fig. 2. The assessment of satisfaction with human settlements infrastructure and quality of housing and utilities

Таблица 2

Оценка удовлетворенности состоянием инфраструктуры населенного пункта и качеством оказания жилищно-коммунальных услуг в зависимости от типа населенного пункта, средний балл

Table 2

The assessment of satisfaction with human settlements infrastructure and quality of housing and utilities depending on the type of settlements, average grade

Характеристика инфраструктуры	Населенный пункт			
	Гомель	Средние города (10–60 тыс. чел.)	Малые города (менее 10 тыс. чел.)	Село
Наличие центрального газоснабжения	4,51	4,26	4,27	4,18
Работа канализации, подключенной к центральной системе	4,34	4,04	3,96	3,78
Удобство организации оплаты жилищно-коммунальных услуг, энергии и др.	4,25	4,01	4,01	3,92
Своевременный вывоз мусора	4,22	3,98	3,94	3,96
Напряжение электросети и бесперебойная работа	4,14	3,90	3,86	3,78
Наличие контейнеров для раздельного сбора отходов	4,12	3,82	3,82	3,32
Качество питьевой воды из личных источников (колодцев, скважин)	3,90	3,81	3,71	3,55
Качество оказания жилищно-коммунальных услуг по месту жительства в целом	3,89	3,81	3,69	3,66
Система начисления жилищно-коммунальных услуг и информация в жировках	3,86	3,79	3,77	3,62
Качество питьевой воды центрального водоснабжения (включая общественные колонки)	3,79	3,77	3,55	3,20
Уличное освещение	3,68	3,41	3,42	3,36
Наличие площадок для отдыха с детьми и занятия спортом	3,66	3,30	3,45	3,14
Уборка дорог, обочин, тротуаров в зимнее время	3,51	3,52	3,47	3,48
Наличие дорог, мостов и состояние дорожного покрытия	3,49	3,28	3,34	3,30

Об отсутствии общественного транспорта в населенном пункте (это особенно актуально для жителей малых городов) и нарушении установленного графика движения заявили по 11,3 % респондентов, при этом экспертами данные показатели не обозначены как проблемные.

И население, и представители экспертного сообщества акцентировали внимание на отклонении движения от заявленного маршрута (11,8 и 5,9 % соответственно) и частых поломках общественного транспорта (5,9 и 8,5 % соответственно).

В рамках проведенного социологического исследования замерялся также интегральный показатель общей удовлетворенности жителей пострадавших территорий условиями проживания в населенном пункте. При ответе на вопрос: «Удовлетворены

ли в целом условиями проживания в Вашем населенном пункте?» – 72,6 % жителей пострадавших территорий заявили о своей удовлетворенности в той или иной степени («Да» – 30,9 %, «Скорее да» – 41,7 %), негативную оценку дали 18,3 % респондентов («Скорее нет» – 12,5 %, «Нет» – 5,8 %).

Таким образом, обеспеченность объектами инфраструктуры и качество оказываемых ими услуг существенно влияют как на уровень жизни населения, так и на перспективы социально-экономического развития территорий, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС. Показатель доступности инфраструктуры характеризует ее способность удовлетворять различные потребности населения загрязненных территорий. В целом население положительно оценивает состояние инфраструктуры,

что свидетельствует о серьезной работе государственных органов в части возрождения территорий.

В целях координации этой деятельности стоит особо подчеркнуть недостаточный уровень обеспеченности сельских населенных пунктов службами быта, спортивно-оздоровительными объектами и организациями жилищно-коммунального обслуживания.

Для дальнейшего совершенствования качества предоставляемых объектами инфраструктуры услуг следует обратить внимание на деятельность учреждений здравоохранения и организаций жилищно-коммунального обслуживания.

В отношении работы объектов здравоохранения наиболее выражен общественный запрос на пере-

смотр организации приема пациентов, расширение возможностей обследования и лечения у врачей узкой специализации, а также обеспечение доступа к проведению диагностических обследований.

Разрешение проблемы уборки дорог, обочин и тротуаров в зимнее время, отсутствия площадок для отдыха с детьми и занятия спортом, а также наличие мостов и состояние дорожных покрытий являются наиболее актуальными вопросами по части состояния инфраструктуры населенного пункта и качества оказания жилищно-коммунальных услуг. Совершенствование работы пассажирского транспорта возможно за счет пересмотра графика его работы, введения дополнительных единиц транспорта.

Библиографические ссылки

1. Лашук ИВ. Жизненные стратегии социокультурного поведения жителей территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;1:93–101.
2. Мартищенко ЕВ. Состояние и развитие социальной инфраструктуры как значимая составляющая возрождения территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС. *Социологический альманах.* 2017;8:286–294.
3. Шавель СА, Мартищенко ЕВ. Мнение населения о перспективах возрождения пострадавших территорий. В: Шавель СА, редактор. *Неэкономические факторы устойчивого развития общества.* Минск: Беларуская навука; 2020. с. 290–305.

References

1. Lashuk IV. Life strategies of sociocultural behavior of residents of the territories affected by the Chernobyl accident. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;1:93–101. Russian.
2. Martishchenkova EV. Status and development of social infrastructure as a significant component of revival in the areas affected by Chernobyl disaster. *Sotsiologicheskii al'manakh.* 2017;8:286–294. Russian.
3. Shavel' SA, Martishchenkova EV. [People's opinion about prospects of the recovery affected areas]. In: Shavel' SA, editor. *Neekonomicheskie faktory ustoichivogo razvitiya obshchestva* [Non-economic factors of sustainable development of society]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2020. p. 290–305. Russian.

Статья поступила в редакцию 03.02.2021.
Received by editorial board 03.02.2021.

ПРОТИВОРЕЧИЯ И НАПРЯЖЕННОСТИ В ЗАНЯТОСТИ ЛИЦ СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И. Л. СИЗОВА¹⁾, Н. С. ОРЛОВА¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7, корп. 9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Обозначены основные противоречия и напряженности в труде и занятости лиц старших возрастов в современной российской экономике. С учетом актуальных теоретических концепций и дискуссий дано определение понятию «работники старших возрастов» и на основании данных Федеральной службы государственной статистики и результатов исследований выявлены ключевые проблемы в занятости таких работников. Главные противоречия связаны в первую очередь с сомнениями в самой возможности полноценного использования трудового потенциала лиц старших возрастов в современной экономике и признанием необходимости этого. В российском обществе все еще продолжают доминировать стереотипы в отношении работников старших поколений (в особенности пожилых людей), очевидно проявляющиеся как в сложностях их трудоустройства после наступления 45 лет, так и в их сегрегации в сектор низкооплачиваемой и малопривлекательной работы. С повышением возраста положение человека на рынке труда ухудшается, в то время как пенсионный возраст для многих, еще фактически здоровых и вполне трудоспособных людей становится маркером освобождения от принуждений и дискриминаций российской системы труда и занятости. Для основной массы лиц, выходящих на пенсию, главным фактором, удерживающим их на работе, является только доход, который в комбинации с пенсией позволяет вести нормальный образ жизни. В данном контексте особое значение приобретает ориентированное на потребности возрастных работников образование. Ситуация складывается таким образом, что, с одной стороны, необходимо осуществлять программы переобучения и систематического повышения квалификации работников старших возрастов, а с другой – эта цель оказывается бесполезной из-за отсутствия мотивации у работников обучаться новому.

Ключевые слова: работники старших возрастов; трудовой потенциал; пенсионный возраст; рынок труда; занятость населения; пенсионная реформа; образование и квалификация.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта (№ 20-511-00011).

Образец цитирования:

Сизова ИЛ, Орлова НС. Противоречия и напряженности в занятости лиц старших возрастов в современной России. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;1:107–119.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-107-119>

For citation:

Sizova IL, Orlova NS. Contradictions and tensions in the employment of older persons in modern Russia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;1:107–119. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-107-119>

Авторы:

Ирина Леонидовна Сизова – доктор социологических наук; профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии факультета социологии.

Наталья Сергеевна Орлова – аспирантка кафедры прикладной и отраслевой социологии факультета социологии.

Authors:

Irina L. Sizova, doctor of science (sociology); professor at the department of applied and branch sociology, faculty of sociology.

sizovai@mail.ru

Natalia S. Orlova, postgraduate student at the department of applied and branch sociology, faculty of sociology.

orloka135t@mail.ru

CONTRADICTIONS AND TENSIONS IN THE EMPLOYMENT OF OLDER PERSONS IN MODERN RUSSIA

I. L. SIZOVA^a, N. S. ORLOVA^a

^aSaint Petersburg State University,
7 Universitetskaya Embankment, 9 building, Saint Petersburg 199034, Russia
Corresponding author: N. S. Orlova (orloka135t@mail.ru)

The article identifies the main contradictions and tensions in the work and employment of older people in the modern Russian economy. On the basis of current theoretical concepts and discussions, the definition of older workers is given and the key problems in their employment are identified on the basis of Federal State Statistic Service and research results. The main contradictions are primarily related to doubts about the possibility of fully using the labour potential of older people in the modern economy and the recognition of the need for this. In addition, Russian society still continues to be dominated by stereotypes regarding older generations of workers and, in particular, the elderly. In the labour market, they are clearly manifested in the difficulties of employment after the age of 45 and in their segregation into the sector of low-paid and unattractive work. As the age increases, the position of a person in the labour market deteriorates, and the retirement age for many people who are still actually healthy and fully able-bodied becomes a marker of liberation from the compulsions and discrimination of the Russian labour and employment system. For the majority of people who retire, the main factor that keeps them at work is only income, which, in combination with a pension, allows them to lead a normal lifestyle. In this context, education focused on the needs of age-related workers is of particular importance. The situation is such that, on the one hand, it is necessary to implement programs of retraining and systematic professional development of employees at older ages, and, on the other hand, this goal is useless due to the lack of motivation on the part of the employees themselves.

Keywords: older workers; labour potential; retirement age; labour market; employment; pension reform; education and qualifications.

Acknowledgements. The report study was funded a collaborative project of Russian Foundation for Basic Research and Belarusian Republican and Foundation for Fundamental Research (No. 20-511-00011).

Введение

Современное общество меняется под воздействием процессов демографического старения населения. В 2020 г. численность населения России старше трудоспособного возраста составила 24,9 %¹. Увеличение доли пожилых людей приводит к сокращению количества трудоспособного населения и возрастанию нагрузки на работающих граждан. Кроме того, поднимаются бюджетные расходы на пенсионное и социальное обеспечение населения.

В таких условиях повышение возраста выхода на пенсию по старости, реализованное в ходе пенсионной реформы 2018 г., выглядело со стороны государства необходимым шагом, способным исправить установившееся негативное положение. Однако, скорректировав ситуацию в одной области, повышение пенсионного возраста² стало причиной осложнения обстоятельств в другой среде жизни людей, в частности на рынке труда и в системе занятости населения. Так, российские исследователи [1; 2] считают, что снижение конкурентоспособности работников, выражающееся в потере умения соответ-

ствовать требованиям работодателей и выигрывать в конкурентной борьбе у более молодых кандидатов [3, с. 117], происходит уже после достижения ими возраста 40–45 лет. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), расширяется доля работников старших возрастов, занимающихся низкоквалифицированным трудом и, соответственно, получающих малые трудовые доходы³.

Увеличивается число людей старших возрастов, претендующих на рабочие места. Однако во многих случаях применить их трудовой потенциал в высокотехнологичной среде и цифровой экономике оказывается проблематичным. Это ясно проявилось в условиях пандемии и ограничений в 2020 г. К концу июня этого года резко ухудшился спрос на труд – соотношение между резюме и вакансиями стало иным. Предприятия меняли свои планы по найму работников, 80 % из них либо уже уволили сотрудников, либо готовились это сделать. Прежде всего такие меры коснулись рядовых специали-

¹Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13877> (дата обращения: 10.01.2020).

²Пенсионный возраст будет повышаться у мужчин до 65 лет и у женщин до 60 лет. Повышение пенсионного возраста будет происходить поэтапно, в среднем на шесть месяцев каждый год. У мужчин переходный период продлится до 2028 г., у женщин – до 2034 г.

³Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результату выборочных обследований рабочей силы). 2020 : стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 33.

стов, среди которых много пожилых работников⁴. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)⁵, не работали 81 % лиц в возрасте от 60 лет и старше, поскольку находились на обязательной самоизоляции в связи с эпидемией коронавируса.

Если в индустриальной экономике профессиональный опыт и полученные на практике навыки старших поколений были востребованы (по мнению Н. Н. Шестаковой, пожилые люди являются «практически готовым воспитательным и педагогическим ресурсом» [4, с. 34]), то в настоящее время они уже не считаются значимыми факторами производства и иногда даже способны тормозить развитие экономики. В современном мире в контексте происходящей цифровизации трудовой сферы наблюдаются тенденции радикального изменения требований к работникам, при этом данные требования еще не приобрели конкретного выражения [5, с. 380]. Можно только отметить, что в эпоху цифровой экономики возникает необходимость в новых профессиональных компетенциях и более гибких (социальных) навыках⁶. В последнее время

ярким примером трансформационных процессов является закрепление дистанционной работы на законодательном уровне⁷. Кроме того, прогнозируются возможное исчезновение отдельных видов деятельности, падение объемов труда у лиц со средней квалификацией, а также снижение спроса на недорогой и мало востребованный труд [6, р. 66]. О невостребованности трудового потенциала лиц старших возрастов на современном рынке труда свидетельствует высокая степень их занятости в тех сферах экономики, которые считаются отстающими (дотационными, государственными, низкопроизводительными, непрорывными), например социальной сфере, образовании, культуре.

Таким образом, острое противоречие в использовании рабочей силы лиц старших возрастов заключается, с одной стороны, в потребности государства и самих старших поколений в самообеспечении, а с другой – в неготовности рынка труда и экономики в современных условиях амортизировать данный потенциал. Это ясно проявляется в нарастании негативных тенденций в занятости лиц старших возрастов.

Работники старших возрастов: теоретическая и общественная дискуссия

В рамках современных наук возраст в его взаимосвязи с трудом воспринимается по-разному. В биологических и медицинских теориях говорится о том, что в течение жизни индивидуума происходит изнашивание его организма. Наступает момент, когда человек больше не способен обучаться, заниматься некоторыми видами деятельности и пр. Кроме того, обращается внимание на различие биологических организмов мужчин и женщин и их способность выполнять определенные виды работ. В частности, это касается физического труда, а также интеллектуальных видов деятельности у мужчин и эмоциональных, чувственных у женщин. Считается, что с возрастом организм человека претерпевает множество изменений, здоровье ухудшается, и это начинает сказываться на поведении человека. Однако каждый человек стареет в своем темпе. Длительность жизни, а также физические и психологические возможности в одном и том же возрасте у различных людей могут сильно отличаться. По этой причине в геронтологии пред-

ложено понятие «биологический возраст», которое означает временную меру биологических возможностей или жизнеспособности организма [7, с. 11]. Для установления биологического возраста человека разработано множество тестов, которые могут определить различные изменения в деятельности организма, как психологические, так и физические (состав крови, давление, слух, зрение). Биологический возраст, как индивидуальный показатель меры старения организма, в настоящее время составляет 60 лет (при условии, что биологический и календарный возрасты совпадают) [7, с. 13–21].

В социальной теории классов возраст определяет то место, которое человек занимает в жизни, и является условием перемещения по статусным позициям, а также представляет собой один из ключевых факторов распределения социальных ролей. Согласно данной теории возраст характеризуется исключительно динамикой демографических показателей общества [8, р. 3–27]. Так, Международная организация труда (МОТ) рекомендует следую-

⁴Как «коронакризис» повлиял на рынок труда [Электронный ресурс]. URL: <https://hh.ru/article/27176> (дата обращения: 10.01.2021).

⁵Наниматель и работник: разговор на фоне пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nanimatel-i-robotnik-razgovor-na-fone-pandemii> (дата обращения: 10.01.2021).

⁶Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, изменения : докл. XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 9–12 апр. 2019 г.) / Г. И. Абдрахманова [и др.] ; науч. ред. Л. М. Гохберг ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.

⁷О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях : Федер. закон Рос. Федерации от 8 дек. 2020 г. № 407-ФЗ // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/12/11/udalenska-dok.html> (дата обращения: 10.01.2021).

щие градации возраста: 46–60 лет – представители позднего взрослого возраста; 60–74 лет – пожилые; 75–89 лет – люди, находящиеся в старческом возрасте; 90 лет и старше – долгожители [9].

В нормативистских теориях акцентируются стандартные периоды в жизнедеятельности людей, которые основаны на нормативных представлениях о традиционной (индустриальной) биографии – подготовке к жизни (труду), трудовом периоде и старости (заслуженном отдыхе). Градации возраста в данном случае связываются с выделением трудоспособного и нетрудоспособного возрастов. Также проблематизируется так называемый предпенсионный возраст, который, как правило, наступает за 5–10 лет до момента выхода работника на пенсию по старости, в течение которого увеличиваются сложности в поиске работы или в выполнении трудовых обязанностей. В ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»⁸ выделено понятие «предпенсионный возраст» и указано, что он наступает за 5 лет до момента выхода человека на пенсию. После проведения в России в 2018 г. реформы пенсионного возраста отсчет старшего трудоспособного возраста работника начинается с 55 лет для женщин и с 60 лет для мужчин. Особенностью современной ситуации с пандемией и карантинном является ограничение офлайн-деятельности для лиц старше 65 лет⁹. Таким образом, классовый и нормативистский подходы задают нормативные границы в активности граждан старших возрастов.

Частью современных дискуссий о возрасте являются представления о внутренней дифференциации пожилых возрастов. В научной литературе пожилой возраст, или «третий возраст», – это переходный период между зрелостью и старостью [10, с. 36]. Многие в этом возрасте еще ведут активную жизнь, растят внуков, продолжают трудовую деятельность. Однако в общественном сознании продолжает доминировать парадигма «дожития» [11, с. 42], основанная на сложившихся в обществе стереотипах о старости. Не обходит стороной она и работодателей, что негативно сказывается на возможностях

трудоустройства работников с увеличением их возраста. И. А. Бельцова отмечает, что «стереотипный образ старости... напрямую детерминирует многие аспекты жизни пожилых людей: самооценку, положение в обществе», трудовой потенциал [12, с. 284]. Изучение вакансий, размещенных на популярных интернет-ресурсах по поиску работы, акцентирует данную тенденцию: «Именно возраст выступает в качестве основного фильтра, через который отсеиваются кандидатуры. Возрастная дискриминация превышает гендерную... Предельный возраст чаще всего задан на уровне 40 лет. Доля объявлений, в которых рассматриваются кандидаты старше 45 лет, составляет 10 %, а старше 55 лет – только 4 %» [1, с. 13]. Приведенные результаты совпадают с мнением А. Г. Левинсона о том, что для приема на хорошую работу работодателями введен ценз в 35–40 лет, отражающий изменения у человека в силу увеличения возраста и неких психофизиологических качеств: снижение подвижности психики, гибкости, физической силы, работоспособности, повышение утомляемости и др. [2, с. 53].

Пределы вступления работников в старший возраст являются достаточно текучими. Они колеблются в диапазоне от 35 до 55–60 лет. Для работодателей нижняя граница минимальна – 35–45 лет, для государства, наоборот, максимальна – 50–55 лет. В целях социологического изучения работников старших возрастов во внимание принимаются все указанные точки зрения, и, таким образом, используется гибкое представление об их возрастных границах. Во-первых, они могут определяться фактическим распространением сложностей в трудоустройстве (с 40–45 лет). В этом случае вводится понятие «работник старшего возраста», или «старшие поколения работников». Во-вторых, данное явление связывают с биологическими и нормативными представлениями о старении организма (с 55–60 лет), для которых корректнее использовать понятия «трудоспособность/нетрудоспособность» и «пенсионный/предпенсионный возраст» для того, чтобы обозначить статус российских работников. В-третьих, особое внимание в условиях пандемии обращено на занятых лиц в возрасте 65 лет и старше.

Особенности использования труда в современной экономике и влияние на занятость лиц старших возрастов

Отношение к использованию труда работников исторически обусловлено, что отобразилось в концепциях «рабочая сила», «трудовые ресурсы» и «человеческий капитал». В марксизме под по-

нятием «рабочая сила» понималось обозначение работников, обладающих физической силой, действовавших на индустриальных предприятиях. Понятие «трудовые ресурсы» является более совре-

⁸О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий : Федер. закон Рос. Федерации от 3 окт. 2018 г. № 350-ФЗ // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/10/04/fz350-site-dok.html> (дата обращения: 10.01.2021).

⁹О внесении изменения во временные правила оформления листов нетрудоспособности, назначения и выплаты пособий по временной нетрудоспособности в случае карантина застрахованным лицам в возрасте 65 лет и старше : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 мая 2020 г. № 791 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/7tXWj3X34g0SL1iQeGBdvo5HcjxBZl71.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

менным определением части населения, способного к общественно-полезному труду разной степени сложности, сформировавшейся на основании приобретенного образования и квалификации, а также трудового опыта [13, с. 63]. Именно в этом понятии впервые акцентируется значение возраста работника, с учетом которого указывается степень его трудоспособности. Концепция «человеческий капитал» радикально отличается от предыдущих трактовок по двум аспектам. Во-первых, для оценки капитала используется гораздо большее число предписанных и достижимых статусов. Помимо физической силы и образования/квалификации, подчеркиваются гендерные признаки и общечеловеческие способности. Все навыки, знания и умения укладываются в схему компетенций, которые, в свою очередь, подразделяются на *hard skills* (связанные с профессией) и *soft skills* (иные, в том числе личные, качества) [14, р. 37]. Во-вторых, содержание и оценка компетенций ориентируются на инновации, а не на традиции, что неизбежно приводит к сдвигу в применении труда работников более молодых возрастов (например, цифровые компетенции).

Следует подчеркнуть, что использование труда работников в капиталистической экономике напрямую связывается с его производительностью, влиятельными факторами которой выступают индивидуальные ресурсы работника, включающие психофизиологический, квалификационный и личностный аспекты и зависящие от степени согласованности данных параметров [15, с. 32]. Трудовой ресурс индивида содержит совокупность врожденных способностей человека и его потенциал, приобретенный в ходе воспитания и образования. В экономической психологии учитываются также медицинские, психологические и интеллектуальные показатели человека [16]. Реализация трудового ресурса подразумевает участие индивидуума в занятости, где этот ресурс обретает реальные черты [17, с. 11]. В настоящее время тема накопления и амортизации трудовых ресурсов работников приобретает максимальную актуальность и практическую значимость. Считается, что если для накопления ресурсов и вкладывания инвестиций в них подходящим является молодой возраст работника, то в дальнейшем возможна только их амортизация (сокращение, исчерпание ресурсов) [18; 19]. Таким образом, вопрос о применении трудовых ресурсов работников старших возрастов считается противоречивым.

В западных странах использование работников пожилого возраста связывается в большей степени не с потребностями экономики, а с проблемами социальной защиты и самообеспечения людей

(в том числе и в старости, после выхода на пенсию). Тем не менее в идеологии подобные *age-diversity*, разработанные в западных странах, нацелены на борьбу против дискриминации работников по возрасту (эйджизма) и привлечение к этой проблеме работодателей в рамках программы развития их социальной ответственности. *Age-diversity* в целом определяется как возрастная диверсификация, «специфическая форма разнообразия, которая представляет собой композиционную конструкцию коллективного уровня, отражающую возрастную структуру конкретного социального субъекта, такого как коллектив, рабочая единица, компания или целая страна»¹⁰ [20, р. 34]. Создание коллективов, состоящих из различных возрастных групп, должно, кроме того, позитивно отразиться на разных аспектах внутриорганизационной деятельности, например способствовать улучшению принятия решений, поскольку в процесс включаются лица с различными опытом и взглядами [21, р. 91].

При использовании ресурсов работников старших возрастов преимущества неочевидны. Как правило, указываются следующие проблемы, присущие таким работникам: сложности с освоением новых технологий; когнитивные нарушения в различных вариантах, например нарушение памяти; сокращение возможностей заниматься физическим трудом; устаревание полученных давно профессиональных знаний [22, р. 94]. Тем не менее ряд исследователей считают, что в России в связи с невысокими показателями рождаемости и низкой продолжительностью жизни, а также «сокращающейся долей населения в трудоспособном возрасте относительно высокая занятость пожилых людей обеспечивает достаточную укомплектованность многих отраслей экономики» [23, с. 198]. Не в последнюю очередь такое положение стимулируется со стороны государства. Так, в ст. 63 Трудового кодекса Российской Федерации обозначен лишь нижний предел возраста начала осуществления трудовой деятельности (18 лет)¹¹. За некоторым исключением, выход на пенсию осуществляется на добровольной основе. Также предусмотрен вариант одновременного получения пенсии и трудового заработка. Это дает возможность определить «государственную политику в сфере занятости как нейтральную к возрасту и пенсионному статусу работников» [1, с. 12]. Кроме того, в настоящее время репрезентируется новый образ активного и здорового человека старшего возраста. На этом основании выпускаются проекты и программы переобучения лиц предпенсионного возраста и повышения квалификации пожилых граждан (в частности, программа мероприятий по организации

¹⁰Здесь и далее перевод наш. – И. С., Н. О.

¹¹Трудовой кодекс Российской Федерации : принят Гос. думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Сов. Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. федер. законов от 29 дек. 2020 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2001. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 12.01.2021).

профессионального обучения и дополнительного профессионального образования для граждан предпенсионного возраста в соответствии с востребованными в экономике навыками и компетенциями до 2024 г.¹²).

Нельзя забывать и о насущных потребностях лиц старшего возраста, обеспечиваемых в большей степени за счет трудовой деятельности. Речь идет не только о материальном благополучии, возможном за счет работы, но и о социальной вовлеченности людей [24, с. 57]. По мнению В. Н. Барсукова, «трудовая занятость пожилых людей не только увеличивает их покупательную способность, пенсионный капитал и способствует сохранению социальных связей, но

и может оказывать значительное влияние на функционирование крупных общественных институтов» [23, с. 198]. Таким образом, экономические и социально-политические интересы и потребности общества в использовании труда лиц старших возрастов требуют согласования и существенных усилий, чтобы их труд вновь имел возможность занять должное место в современной системе общественно-полезной деятельности. В стимулировании труда и занятости работников старших возрастов и аккумуляции их трудового потенциала огромную роль играет разрешение накопленных проблем на рынке труда и в системе занятости населения. Ниже обозначены наиболее характерные из них.

Напряженности и противоречия в ключевых областях труда и занятости лиц старших возрастов в России

Ухудшение положения занятости для лиц старших возрастов. В условиях увеличения доли пожилых лиц в структуре населения страны и сокращения роли государства в социальном обеспечении граждан можно констатировать наличие общественной и индивидуальной потребностей в продлении периода трудовой деятельности работников. Однако удовлетворение этих потребностей вступает в конфликт с современными экономическими тенденциями и приводит к возникновению рисков для лиц старших возрастов на рынке труда и в системе занятости. Так, по состоянию на 2019 г. уровень занятости среди лиц в возрасте 40–44 лет составлял 89,6 %, 50–60 лет – 64,8 %, 65–69 лет – лишь 13,7 %. Вместе с тем 51 % лиц старших возрастов (начиная с 40–45 лет) занимаются трудовой деятельностью. Таким образом, в возрастной группе от 50 лет и старше наблюдалось существенное падение занятости. При этом в среднем по стране занятость населения старше трудоспособного возраста составляла 20,8 %¹³. Существенное сокращение занятости лиц старшего возраста (сразу после наступления 50 лет) создает напряжение в индивидуальном обеспечении населения и неминуемо приводит к увеличению социальных расходов государства. Раннее высвобождение рабочей силы в большей степени происходит по экономическим, структурным и квалификационным основаниям, к которым относятся несбалансированность рынка труда в России и дискриминационные практики работодателей, нацеленные на экстенсивное использование трудовых ресурсов страны (прежде всего молодежь). Менее существенное воздействие на занятость оказывают состояние здоровья и активность самого старшего поколения, о чем косвенно могут свидетельствовать данные по безработице.

В связи с увеличением возраста работников тенденцию к сокращению общего уровня безработицы нельзя рассматривать прямолинейно. До пандемии и ограничительных мер безработица среди экономически активного населения оставалась на константно низком уровне – 4–5 % (показатель безработицы рассчитан по методологии МОТ¹⁴). Это означает, что высвобождение работников старших возрастов на российском рынке труда происходит в невозвратной форме, что является особенно важным в условиях наличия возрастного пика падения занятости. Таким образом, большинство высвобожденных лиц в возрасте 50 лет и старше (падение занятости, по сравнению с группой 40–44-летних, составило 27 %) либо не работают вовсе, либо включаются в неформальную занятость и наряду с молодежью, мигрантами составляют костяк рабочей силы в теневом секторе экономики.

Безработица среди таких лиц не является важным показателем для экономики. Работа в пенсионном возрасте связывается только исключительно с личным благосостоянием или иной индивидуальной мотивацией человека (например, желанием оставаться вовлеченным, интересом к своей области профессиональной деятельности). Особенности занятости пенсионеров также являются неформальные практики трудоустройства на неквалифицированные и низкоквалифицированные рабочие места [25, с. 9]. Таким образом, можно заключить, что количественные и качественные параметры занятости лиц старших возрастов в значительной степени ухудшаются по мере увеличения возраста работников.

Негативная феминизация в труде и занятости лиц старших возрастов. В контексте возраста нетрудоспособности и пенсионного и предпенсион-

¹²Квалификация за три месяца: как власти хотят переобучить пенсионеров // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/10/2018/5bc467a09a7947871be01a69> (дата обращения: 10.01.2021).

¹³Рабочая сила, занятость и безработица в России... М., 2020. С. 31.

¹⁴Там же. С. 11.

ного возрастов (55–60 лет) увеличивается феномен негативной феминизации [26, с. 115–116]. С ним связан устойчивый стереотип о том, что женщина должна прекратить трудовую деятельность в угоду ухода за пожилыми родственниками или внуками. Этими обязательствами можно частично объяснить значительный спад занятости женщин сразу после наступления у них пенсионного возраста. По данным за 2019 г., 35,2 % женщин заканчивают трудовую деятельность в 55–59 лет¹⁵. Однако данная стратегия далеко не всегда оправдана, поскольку у женщин при более высокой продолжительности жизни меньше накоплен трудовой стаж по сравнению с мужчинами. Будущее одиночество в старости, таким образом, сопровождается как ухудшением материального положения, так и потерей социально значимых контактов и ролей, в частности, возникает ситуация низкой (само)ценности пожилой женщины в обществе.

Дискриминация в оплате труда работников старших возрастов. Проблема оплаты труда лиц старших возрастов является комплексной. В исследовании о дискриминации в уровне заработных плат Е. А. Клепикова и М. Г. Колосницына выделяют следующие факторы: личностные качества и признаки (пол, возраст, уровень образования, само-

оценка здоровья, продолжительность занятости на последнем месте работы), характеристики места работы (отрасль занятости и продолжительность рабочего времени) и проживания (регион и тип населенного пункта) [27, с. 73]. Многие аспекты являются составляющими человеческого капитала, например, «повозрастной профиль заработной платы отражает процесс накопления человеческого капитала в течение жизненного цикла индивида» [28, с. 186]. Таким образом, человек в течение жизни должен накапливать знания, умения и навыки, а также трудовой опыт в целях их положительного влияния на динамику заработной платы и смягчения наступающих с возрастом фактов ухудшения здоровья и производительности труда. В. Е. Гимпельсон указывает, что в российской экономике существует зависимость между возрастом и оплатой труда, что выглядит не совсем стандартно, т. е. наблюдается монотонное повышение заработной платы при условии снижения скорости ее роста в связи с увеличением возраста работника [28, с. 186]. В России средний уровень заработной платы в 2017 г. составлял 38 609 руб.¹⁶, причем ее максимальная сумма приходилась на возраст 30–35 лет, а после 40 лет она начинала уменьшаться (рис. 1).

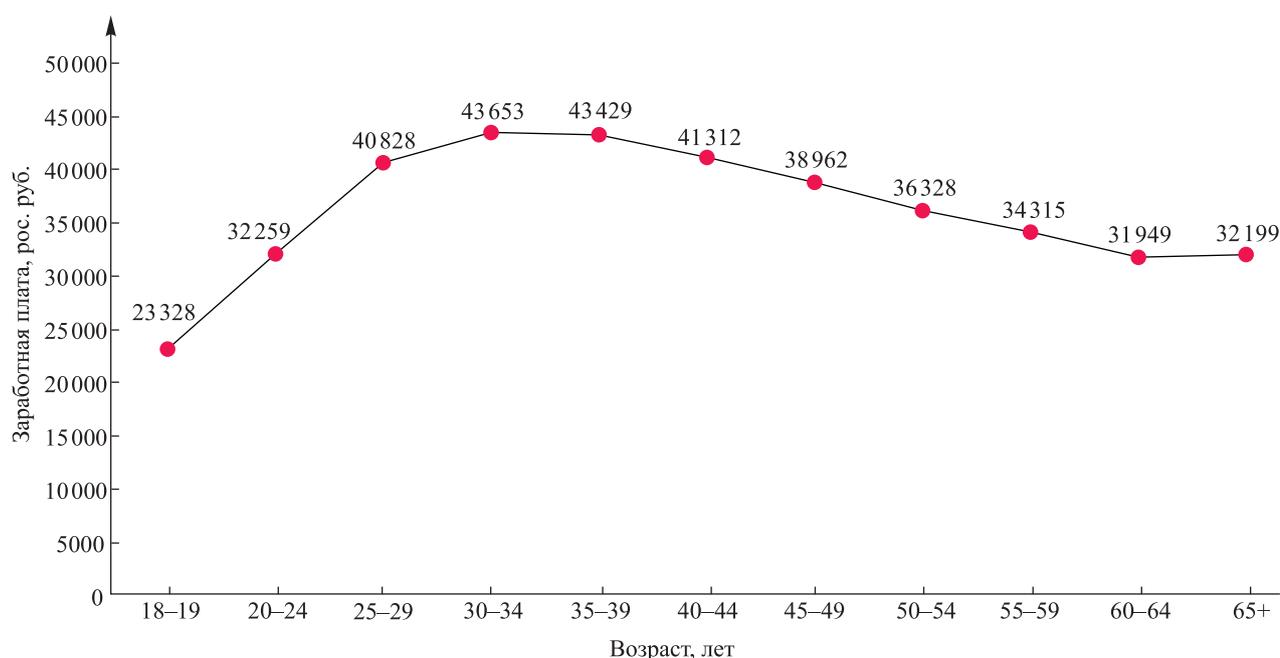

Рис. 1. Динамика заработной платы по возрасту в Российской Федерации в 2017 г.

Fig. 1. Dynamic of wages by age in the Russian Federation in 2017

¹⁵Рабочая сила, занятость и безработица в России... М., 2020. С. 31.

¹⁶Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/# (дата обращения: 12.01.2020).

Основной причиной наступления раннего (по возрасту) пика развития заработных плат в России выступает низкое накопление трудового потенциала [19, с. 180]. Инвестиции в его формирование прекращаются сразу после окончания получения формального образования. Так, для многих профессий низкого и среднего уровней квалификации не требуется постоянное непрерывное обучение.

Уменьшение уровня заработной платы у лиц, достигших пенсионного возраста, может влиять на их решение покинуть рынок труда. Также работники старших возрастов, чья заработная плата является низкой, будут стремиться быстрее выйти на пенсию, поскольку таким образом, несмотря на потерю части дохода, они стараются избежать не удовлетворяющей их трудовой деятельности. Те немногочисленные работники, которые получают высокую заработную плату, наоборот, будут стремиться любой ценой сохранить работу, даже если здоровье или иные обстоятельства препятствуют этому.

Дискретность квалификации и образования работников старших возрастов. С возрастом работники достигают определенных высот в профессии и обретают немаловажный для себя социальный статус. Они также сильнее молодых работников оценивают риски и издержки смены своей привычной работы. К профессиональным качествам работников старших возрастов работодатели относятся со значительным скептицизмом.

Однако в России наблюдается парадоксальная картина. Среди лиц старше 50 лет существует достаточно большой процент руководителей и специалистов высшего уровня квалификации (30 %). Данный показатель практически не меняется начиная с возраста 40–49 лет¹⁷ (рис. 2). Таким образом, люди, занявшие во время своей карьеры высшие посты, удерживаются на них до самой старости. Потенциал таких руководителей и специалистов заключается в их трудовом и жизненном опыте. Они могут оказать поддержку молодым кадрам, действовать как мудрые наставники. Однако у них с возрастом теряются гибкость, способность и желание повышать квалификацию, которые в современных условиях стремительно изживаются. Вместе с тем по мере старения увеличивается число работников, занятых неквалифицированным трудом (см. рис. 2). Данное положение оправдано как минимум для инновационных и конкурентоспособных областей экономики и, таким образом, напрямую связано с эйджизмом на рынке труда и существующими стереотипами у руководителей и менеджеров по подбору персонала о лицах старших возрастов, в особенности

находящихся в предпенсионном и пенсионном возрастах. Следовательно, занятость лиц старших возрастов, ухудшая общие показатели увеличения производительности труда, либо консервируется, либо превращается в остаточную занятость (малопривлекательную, низкооплачиваемую и пр.).

В цифровую эпоху значение образования и квалификации только продолжает прогрессировать [29, с. 16]. Тем не менее в России их вес поставлен в прямую зависимость от возраста работника. Если среди всех возрастных групп самый высокий уровень занятости наблюдается у лиц со средним образованием, то безработице больше всего подвержены люди, имеющие высшее образование. Данные, представленные на рис. 3, свидетельствуют о том, что академики наиболее востребованы в молодом возрасте и на инновационных предприятиях. Однако, по данным Росстата¹⁸, у работников со средним уровнем профессионального образования спад в занятости более выражен после достижения ими возраста 50–54 лет (см. рис. 3). Таким образом, чтобы трудиться дольше, необходимо иметь более высокий уровень образования.

Поскольку высшее образование не защищает людей от безработицы (причем во всех возрастных группах¹⁹), «образуется замкнутый круг, который блокирует занятость» [30, с. 163]. Если в молодом возрасте присутствует высокая конкуренция за квалифицированные рабочие места, то в среднем больше востребованы работники со средней квалификацией, а для старших возрастов действуют такие стереотипы, что со временем образовательный и квалификационный ресурсы теряют свою привлекательность для работника. В связи с этим усилия государства, направленные на развитие квалификации старших поколений работников, могут оказаться неэффективными.

В существующих программах основное внимание сосредоточено на освоении представителями старших возрастов новых технических средств (например, компьютеров). В меньшей степени акцентируются и предлагаются профессиональные знания, в том числе и высококвалифицированные программы обучения. По результатам совместного исследовательского проекта Санкт-Петербургского государственного университета и Всероссийского научно-исследовательского института труда Министерства труда Российской Федерации «Социальные установки и диспозиции населения Российской Федерации в отношении новых форм занятости: субъективные оценки»²⁰, в настоящее время к освоению новой профессии готовы лишь 14 % гражд-

¹⁷Рабочая сила, занятость и безработица в России... М., 2020. С. 76.

¹⁸Там же. С. 35.

¹⁹Там же. С. 114.

²⁰База данных для оценки социальных установок и диспозиций населения РФ в отношении новых форм занятости : пат. RU 2018621546 / А. В. Мальцева [и др.]. 2018. 3 окт.

дан предпенсионного возраста, к переходу на работу в другую отрасль – 24 %. Квалифицированные работники, находясь в возрасте 50–59 лет, проявляют большую склонность к обучению и дальнейшему повышению квалификации. Однако в указанных условиях рынка труда и при наличии возрастной дискриминации они едва ли захотят потратить свое время на обучение.

Ведущая роль экономической и статусной составляющих в системе мотивации к труду российских пенсионеров. Если мотивация к продолжению трудовой деятельности как таковой у людей старших возрастов не вызывает существенных вопросов, то для активизации занятости в пен-

сионном возрасте она является проблемой. Многие исследователи трудовую занятость российских пенсионеров напрямую связывают с низким размером пенсий [31; 32]. Несмотря на то что за последние годы средний размер пенсии вырос практически в два раза, коэффициент замещения утраченных заработков все еще составляет только 30,8 %²¹. И. М. Козина и И. К. Зангиева считают, что «с учетом высокой дифференциации трудовых доходов и наличия “серой части” в структуре заработков значительной части населения риски бедности для неработающих пенсионеров остаются высокими, что определяет ведущую роль экономических мотивов продления трудовой активности» [1, с. 11].

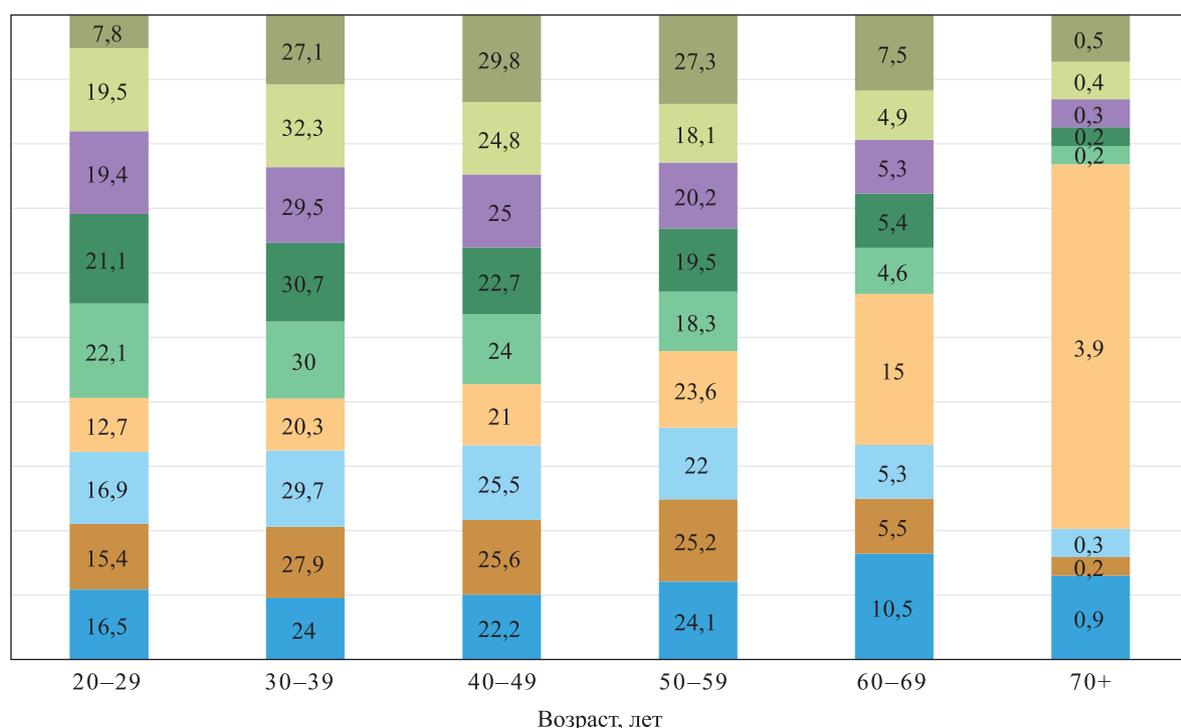

Рис. 2. Структура занятых по возрасту и группам занятий в Российской Федерации в 2019 г., %
Fig. 2. Structure of employed by age and group of occupation in the Russian Federation in 2019, %

²¹Старшее поколение. Пенсионное обеспечение граждан пожилого возраста // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 12.01.2021).

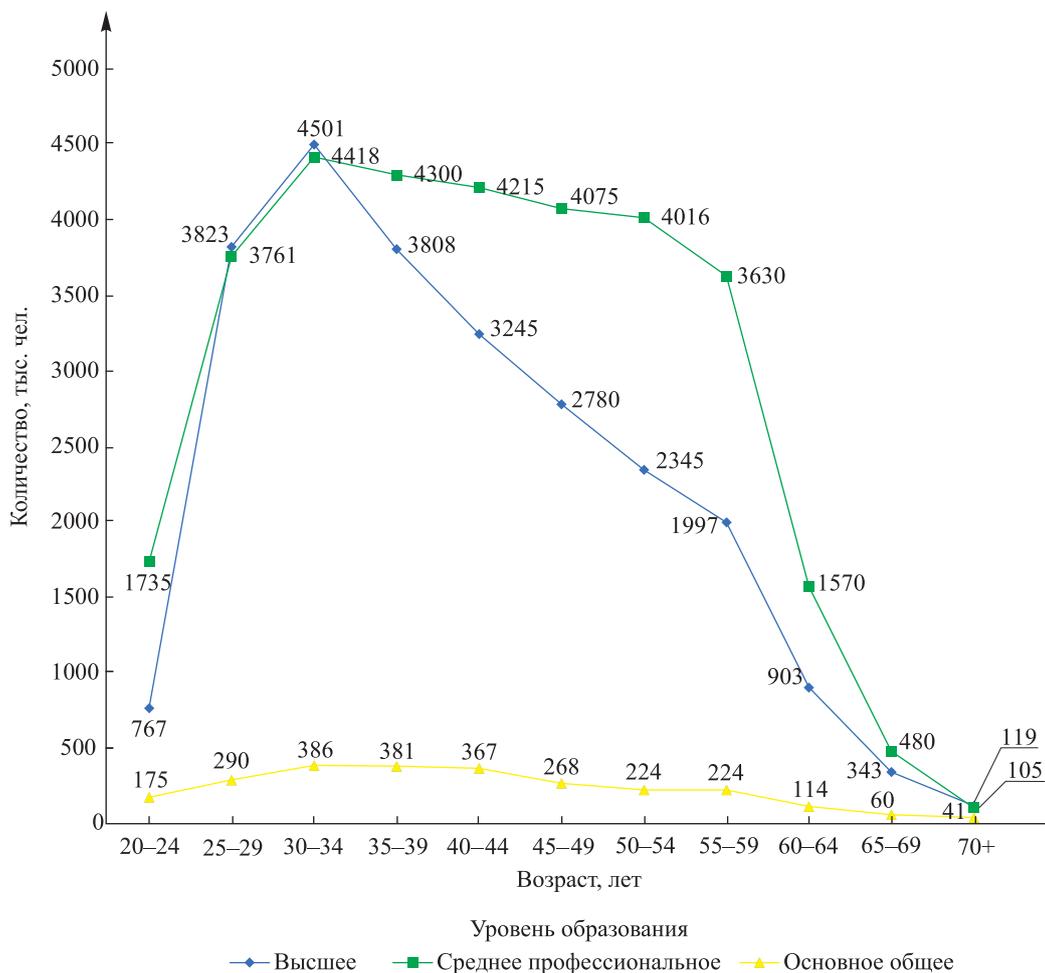

Рис. 3. Соотношение уровня образования и возраста в Российской Федерации в 2019 г.

Fig. 3. The ratio of the level of education and age in the Russian Federation in 2019

Чтобы избежать пенсионного статуса, работники стремятся продолжить свою трудовую деятельность. Во-первых, сам выход на пенсию представляется как достижение старости. Во-вторых, для одиноких или бедных людей работа или подработка могут являться смыслообразующим делом в их жизни. Для пенсионеров в настоящее время продление трудовой

активности не может быть связано с удовлетворенностью работой или достижением в ней значимых результатов, что снижает возможности их полноценного использования и ставит вопрос о том, какими способами, помимо нужды в материальных средствах или отсрочки в достижении пенсионного статуса, следует мотивировать данную группу.

Заключение

В статье представлены подходы и концепции, оправдывающие и отклоняющие использование трудового потенциала работников старших возрастов в современной экономике. На основании изложенных выше материалов можно выделить противоречия и напряженности как в содержании самого трудового потенциала, так и в положении лиц старших возрастов в системе занятости. Данные противоречия связаны в первую очередь с сомнениями в отношении возможности полноценного использования трудового потенциала и необходимостью этого ввиду главных тенденций современ-

ности. Кроме того, сам трудовой потенциал плохо изучен, в литературе он неотделим от возможностей молодых поколений, и на этом основании устанавливается диагноз об устаревании способностей людей старших возрастов к полноценной занятости и выполнению эффективного общественно-полезного труда.

В ходе исследования занятости работников старших возрастов выявлены напряженности. В российском обществе все еще продолжают доминировать стереотипы в отношении лиц старшего возраста и пожилых людей. На рынке труда они отчетливо

проявляются в сложностях трудоустройства после 45 лет, а также в сегрегации пожилых лиц в сектор низкооплачиваемой и малопривлекательной работы. В связи с этим пенсионный возраст служит для многих, еще фактически здоровых и вполне трудоспособных людей маркером освобождения от принуждений и дискриминаций российской системы труда и занятости. Для основной массы лиц, выходящих на пенсию, главным фактором, удерживающим их на работе, является только доход, который в комбинации с пенсией позволяет вести нормальный образ жизни. Однако сама работа часто способна подавить даже такой, казалось бы, значительный фактор. В связи с этим группы риска в старших возрастах стремятся покинуть занятость в первый же день наступления пенсионного возраста. Дополнительную напряженность создает высокая гендерная дискриминация работниц. Женщины, по сравнению с мужчинами, имеют меньше трудовых накоплений и заслуг, полученных в течение жизни. Достигнув старшего возраста, они вновь попадают в ловушку забот и в условиях несправедливо низких трудовых доходов и менее интересной деятельности, чем у мужчин, перестают работать очень рано и подчас необдуманно.

В данном контексте особое значение отводится образованию. Невзирая на значительные финансовые затраты, необходимо осуществлять программы переобучения и систематического повышения квалификации работников старших возрастов. Однако задержка на высоких должностях представителей старших поколений (с высоким уровнем образования) в связи развитием экономики печально отражается на всей трудовой (и не только) системе страны. Ввиду недавно проведенной реформы (повышение пенсионного возраста) использование трудового потенциала лиц старших возрастов на рынке труда и в занятости возрастает. Тем не менее общество до сих пор не имеет однозначного ответа на вопрос о том, стоит ли удерживать лиц старших возрастов на рынке труда и можно ли использовать их силы.

Таким образом, работники старших возрастов становятся абсолютно новой и специфической «нагрузкой» на рынок труда. Задача государства и общества состоит в определении отношения к пожилым работникам и формировании способов их поддержки и социальной защиты. Данные действия следует осуществить за 10 лет переходного периода пенсионной реформы.

Библиографические ссылки

1. Козина ИМ, Зангиева ИК. Государственное и рыночное регулирование трудовой активности пенсионеров. *Журнал исследований социальной политики*. 2018;16(1):7–22. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-7-22.
2. Левинсон АГ. Институциональные рамки старости: старость как гендер. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2011;3:52–81.
3. Мазин АЛ. Конкурентоспособность участников трудовых отношений. *Современная конкуренция*. 2013;5:117–128.
4. Шестакова НН, Васильев ИГ, Чистякова НЕ. Исследование человеческого капитала старших возрастов: постановка проблемы. *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. 2016;4(31):31–48. DOI: 10.17072/1994-9960-2016-4-31-48.
5. Сизова ИЛ, Хусяинов ТМ. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2017;10(4):376–396. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.401.
6. Weber E. Industrie 4.0: Wirkungen auf den arbeitsmarkt und politische herausforderungen. *Zeitschrift für Wirtschaftspolitik*. 2016;65(1):66–74. DOI: 10.1515/zfwp-2016-0002.
7. Усманова СВ. *Понятие о геронтологии. Классификация возрастных групп*. Иркутск: Иркутский государственный университет путей сообщения МК ЖТ; 2017. 30 с.
8. Riley MW, Johnson M, Foner A. *Ageing and Society. Volume 3. A Sociology of Age Stratification*. New York: Russell Sage Foundation; 1972. 668 p.
9. Кулькова ИА, Силаенкова ВВ. Особенности трудоустройства лиц в возрастном сегменте после 40 лет на российском рынке труда. *Интернет-журнал «Наукоедение»* [Интернет]. 2013 [процитировано 15 ноября 2019 г.];4. Доступно по: <https://naukovedenie.ru/PDF/82evn413.pdf>.
10. Блехарская ЕВ. Пожилой возраст как переходный этап жизненного пути человека. *Педагогическое образование в России*. 2017;12:36–43.
11. Нагорнова АЮ, Семиков АН, Сапожникова ТИ, Щанина ЕВ, Архипов ИВ, Пискарева ТК. *Пожилые люди: стратегии социальной помощи*. Ульяновск: Зебра; 2016. 131 с.
12. Бельцова ИА. Концепция «успешное старение» как нормативный конструкт в формировании позитивного образа старости в демократическом обществе. *Вестник экономики, права и социологии*. 2012;1:283–288.
13. Горбунова ОН. Генезис категории «трудовые ресурсы». *Социально-экономические явления и процессы*. 2011;3–4:62–69.
14. Hendarman AF, Tjakraatmadja JH. Relationship among soft skills, hard skills, and innovativeness of knowledge workers in the knowledge economy era. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012;52:35–44. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.09.439.
15. Кудрявцева ОВ. Теоретические подходы к определениям «трудовой потенциал человека», «трудовые ресурсы», «рабочая сила». *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2012;1:31–38.
16. Горбунова ОН, Кондрашова ИС. Особенности формирования трудового и интеллектуального потенциала человека. *Социально-экономические явления и процессы*. 2012;10:59–63.

17. Рощина ЯМ. Психологические составляющие человеческого капитала как фактор экономического поведения. Препринт WP15/2008/03. Москва: ГУ ВШЭ; 2008. 56 с.
18. Смолькин АА. Трудовой потенциал пожилых людей. *Социологические исследования*. 2014;5:97–103.
19. Гимпельсон ВЕ. Трансформации российского человеческого капитала. Тридцать вторые губернаторские чтения. Тюмень, 25 апреля 2018 г. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. 2018;2:170–198. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-170-198.
20. Boehm SA, Kunze F. Age diversity and age climate in the workplace. In: Bal PM, Kooij Dorien TAM, Rousseau DM, editors. *Age Diversity and Age Climate in the Workplace*. Cham: Springer; 2015. p. 33–55. DOI: 10.1007/978-3-319-08007-9_3.
21. Ries BC, Diestel S, Shemla M, Liebermann SC, Jungmann F, Wegge J. Age diversity and team effectiveness. In: Schlick CM, Frieling E, Wegge J. *Age-differentiated work systems*. Berlin: Springer; 2013. p. 89–118. DOI: 10.1007/978-3-642-35057-3_5.
22. Drentea P. *Families and aging*. Lanham: MD Rowman & Littlefield; 2018. 208 p.
23. Барсуков ВН. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016;1(43):195–213. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.13.
24. Доброхлеб ВГ. Ресурсный потенциал пожилого населения России. *Социологические исследования*. 2008;8:55–61.
25. Сизова ИЛ, Григорьева ИА. Рынок труда, занятость и старение. В: Григорьева ИА, Сизова ИЛ, Видясова ЛА, Дмитриева АВ, Парфенова ОА, Петухова ИС. *Старения больше не будет*. Санкт-Петербург: Астерион; 2018. 7–58 с.
26. Григорьева ИА, Сизова ИЛ. Траектории старения женщин в современной России. *Мир России. Социология. Этнология*. 2018;27(2):109–135. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135.
27. Клепикова ЕА, Колосницына МГ. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате. *Российский журнал менеджмента*. 2017;15(1):69–88. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.104.
28. Гимпельсон ВЕ. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2019;23(2):185–237. DOI: 10.17323/1813-8691-2019-23-2-185-237.
29. Сукнёва СА, Елшина ИА. Трудовая активность населения третьего демографического возраста в Северном регионе. *Экономический анализ: теория и практика*. 2015;34:12–23.
30. Сизова ИЛ Современная политика и практика поддержки занятости пожилых (опыт Германии и возможности его применения в России). *Власть*. 2015;9:162–166.
31. Щанина ЕВ. Основные факторы трудовой активности пожилых людей. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2013;1:88–96.
32. Барашкова АС. Мотивация трудового поведения старшего поколения Северного региона. *Экономический анализ: теория и практика*. 2015;34:24–34.

References

1. Kozina IM, Zangieva IK. State and market regulation of labour activity of old-age pensioners. *The Journal of Social Policy Studies*. 2018;16(1):7–22. Russian. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-7-22.
2. Levinson AG. Institutional framework of old age: old age as gender. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2011;3:52–81. Russian.
3. Mazin AL. Competitiveness of participants in labor relations. *Journal of Modern Competition*. 2013;5:117–128. Russian.
4. Shestakova NN, Vasiliev IG, Chistyakova NE. The study of the older adults' human capital: setting the problem. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. 2016;4(31):31–48. Russian. DOI: 10.17072/1994-9960-2016-4-31-48.
5. Sizova IL, Khusyainov TM. Labor and employment in the digital economy: the problems of the Russian labor market. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2017;10(4):376–396. Russian. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.401.
6. Weber E. Industrie 4.0: Wirkungen auf den arbeitsmarkt und politische herausforderungen. *Zeitschrift für Wirtschaftspolitik*. 2016;65(1):66–74. DOI: 10.1515/zfwp-2016-0002.
7. Usmanova SV. *Ponyatie o gerontologii. Klassifikatsiya vozrastnykh grupp* [The concept of gerontology. Classification of age groups]. Irkutsk: Irkutsk State Transport University; 2017. 30 p. Russian.
8. Riley MW, Johnson M, Foner A. *Ageing and Society. Volume 3. A Sociology of Age Stratification*. New York: Russell Sage Foundation; 1972. 668 p.
9. Kul'kova IA, Silaenkova VV. Features of employment of persons in the age segment after 40 years on the Russian labor market. *Internet-zhurnal «Naukovedenie»* [Internet]. 2013 [cited 2019 November 15];4. Available from: <https://naukovedenie.ru/PDF/82evn413.pdf>. Russian.
10. Blekharskaya EV. Elderly age as a transitional stage of a person's life path. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2017;12:36–43. Russian.
11. Nagornova AYU, Semikov AN, Sapozhnikova TI, Shchanina EV, Arkhipov IV, Piskareva TK. *Pozhilye lyudi: strategii sotsial'noi pomoshchi* [Older people: strategies for social assistance]. Ul'yanovsk: Zebra; 2016. 131 p. Russian.
12. Bel'tsova IA. The concept of «prosperous ageing» as a normative construct in forming of positive image of ageing in democratic countries. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2012;1:283–288. Russian.
13. Gorbunova ON. Genesis of category «manpower resources». *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2011;3–4:62–69.
14. Hendarman AF, Tjakraatmadja JH. Relationship among soft skills, hard skills, and innovativeness of knowledge workers in the knowledge economy era. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012;52:35–44. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.09.439.
15. Kudryavtseva OV. Theoretical approaches to the definitions of «human labor potential», «labor resources», «labor force». *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2012;1:31–38. Russian.
16. Gorbunova ON, Kondrashova IS. Features of formation of labor and intellectual potential of the person. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2012;10:59–63. Russian.

17. Roshchina YaM. *Psikhologicheskie sostavlyayushchie chelovecheskogo kapitala kak faktor ekonomicheskogo povedeniya* [Psychological components of human capital as a factor of economic behavior]. Preprint WP15/2008/03. Moscow: HSE University; 2008. 56 p. Russian.
18. Smol'kin AA. [Labor potential of elderly people]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014;5:97–103. Russian.
19. Gimpelson VE. Transformations of Russia's human capital. Thirty-second gubernatorial readings. Tyumen, 2018 April 25. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz*. 2018;2:170–198. Russian. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-170-198.
20. Boehm SA, Kunze F. Age diversity and age climate in the workplace. In: Bal PM, Kooij Dorien TAM, Rousseau DM, editors. *Age Diversity and Age Climate in the Workplace*. Cham: Springer; 2015. p. 33–55. DOI: 10.1007/978-3-319-08007-9_3.
21. Ries BC, Diestel S, Shemla M, Liebermann SC, Jungmann F, Wegge J. Age diversity and team effectiveness. In: Schlick CM, Frieling E, Wegge J. *Age-differentiated work systems*. Berlin: Springer; 2013. p. 89–118. DOI: 10.1007/978-3-642-35057-3_5.
22. Drentea P. *Families and aging*. Lanham: MD Rowman & Littlefield; 2018. 208 p.
23. Barsukov VN. Labor activity of the population of retirement age as a factor of socio-economic development of the territory. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2016;1(43):195–213. Russian. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.13.
24. Dobrokhleb VG. Resource potential of the elderly population of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008;8:55–61. Russian.
25. Sizova IL, Grigor'eva IA. [Labor market, employment and aging]. In: Grigor'eva IA, Sizova IL, Vidyasova LA, Dmitrieva AV, Parfenova OA, Petukhova IS. *Stareniya bol'she ne budet* [Aging will no longer be]. Saint Petersburg: Asterion; 2018. 7–58 p. Russian.
26. Grigoryeva IA, Sizova IL. Aging trajectories of women in modern Russia. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2018;27(2):109–135. Russian. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135.
27. Klepikova EA, Kolosnitsyna MG. Ageism at the Russian labour market: wage discrimination. *Russian Management Journal*. 2017;15(1):69–88. Russian. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.104.
28. Gimpelson VE. Age and wage: stylized facts and Russian evidence. *Higher School of Economics Economic Journal*. 2019;23(2):185–237. Russian. DOI: 10.17323/1813-8691-2019-23-2-185-237.
29. Sukneva SA, Elshina IA. The labor activity of the third age population in the Northern region. *Economic analysis: theory and practice*. 2015;34:12–23. Russian.
30. Sizova IL. Contemporary policy and practice of supporting the employment of the elderly people (the German experience and its possible applications in Russia). *Vlast'*. 2015;9:162–166. Russian.
31. Shchanina EV. Basic factors of labour activity of elderly people. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*. 2013;1:88–96. Russian.
32. Barashkova AS. Motivating the labor behavior of the older generation of the Northern region. *Economic analysis: theory and practice*. 2015;34:24–34. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.01.2021.
Received by editorial board 30.01.2021.

УДК 316.347(=161.3)(438+474.5)(043.3)

МЕССЕНДЖЕРЫ В СТРУКТУРЕ МЕДИАПРЕДПОЧТЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

А. В. ПОСТАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются место и роль мессенджеров в структуре медиапотребления аудитории и национального информационного поля. На основе данных массового опроса населения, проведенного в 2020 г. Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, выявляются наиболее востребованные мессенджеры, определяется место указанных ресурсов среди традиционных СМИ и социальных медиа, рассматриваются особенности практик медиапотребления. В рамках проведенного исследования удалось установить, что мессенджеры, в частности ресурс *Telegram*, используются по своему назначению одновременно и как канал коммуникации, и как средство распространения массовой информации. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что популярность мессенджеров относительно иных сегментов национального информационного поля будет расти.

Ключевые слова: массовая информация; мессенджеры; информационное поле; медиапотребление; *Telegram*.

MESSENGERS IN THE STRUCTURE OF MEDIA PREFERENCES OF THE NATIONAL AUDIENCE

A. V. POSTALOVSKY^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The presented article is devoted to the analysis of the place and role of messengers in the structure of media consumption of the audience and the national information field as a whole. Based on the data of a mass survey of the population conducted by the Center of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University in 2020, the most popular instant messengers are identified, the place of these resources among traditional media and social media space is determined, and the features of media consumption practices are considered. As part of the study, it was possible to establish that instant messengers, in particular, the *Telegram* resource are used for their intended purpose both as a communication channel and as a channel for disseminating mass information. The results obtained allow us to conclude that the popularity of instant messengers relative to other segments of the national information field will continue to grow.

Keywords: mass information; instant messengers; information field; media consumption; *Telegram*.

Образец цитирования:

Посталовский АВ. Мессенджеры в структуре медиапредпочтений национальной аудитории. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;1:120–128.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-120-128>

For citation:

Postalovsky AV. Messengers in the structure of media preferences of the national audience. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;1:120–128. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-120-128>

Автор:

Александр Владимирович Посталовский – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник Центра социологических и политических исследований.

Author:

Alexander V. Postalovsky, PhD (sociology); leading researcher of the Center of Sociological and Political Studies.
postalnio@tut.by

Введение

В современных условиях развития медиасферы наблюдается тенденция сегментизации источников воспроизводства массовой информации, выражающаяся в увеличении функциональных возможностей распространения информационного контента и форм взаимодействия с аудиторией. В течение относительно небольшого промежутка времени сетевые ресурсы превратились не только в инструмент мгновенного распространения информации, но и в эффективный канал выстраивания коммуникации (обратная связь) между источником информации и ее потребителями (аудитория). Причем в сетевом медийном пространстве аудитория является одновременно и субъектом воспроизводства (пользовательские посты, публикации) и распространения (репостинг) информации, и средством коммуникации (пользовательские комментарии, лайки).

В указанных контекстах объектом исследования выступают мессенджеры – сетевые коммуникативные ресурсы мгновенного обмена сообщениями между пользователями в онлайн-пространстве. Изначально в качестве основной модели своего использования задача мессенджеров заключалась в осуществлении коммуникативной функции, т. е. наглядного визуального обмена пользовательскими файлами либо другой значимой информацией.

В настоящее время мессенджеры представляются эффективными инструментами распространения информационного контента, часто выступают источниками формирования информации, хотя изначально не являлись средством ее воспроизводства. Как отмечает А. А. Градюшко, «в последнее же время мессенджеры все чаще выступают в качестве как инструментов профессиональной ком-

муникации, так и площадок для распространения контента СМИ. В частности, речь идет о каналах и чатах в *Telegram*» [2, с. 6]. Переформатирование инструментов сетевой коммуникации в источники воспроизводства массовой информации выступает объектом исследовательского интереса белорусских ученых. Указанная проблематика нашла свое отражение в работах А. А. Градюшко [1; 2], О. Н. Касперович-Рынкевич [3], И. И. Минчук [4], В. А. Степанова [5] и др. Вместе с тем в настоящее время отмечается недостаточное количество работ, посвященных социологическому изучению места и роли мессенджеров в структуре медиапотребления национальной аудитории. Попытка осмыслить феномен возрастающего интереса аудитории к *Telegram*-каналам была предпринята на аналитическом портале «Медиакритика»¹. В 2019 г. Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси проводилось социологическое исследование популярности мессенджеров среди населения², однако стремительные процессы цифровизации и переформатирования первоначальных функций сетевых источников коммуникации (мессенджеры) нуждаются в эмпирической актуализации индикаторов востребованности данного канала информации у национальной аудитории. Целью настоящей статьи выступает выявление места и роли мессенджеров в структуре медиапотребления белорусской аудитории. Также представляется актуальным рассмотрение практик медиапотребления мессенджера *Telegram*, который, в соответствии со своими функциями, является одновременно и формой коммуникации, и источником воспроизводства массовой информации.

Основная часть

Структуру информационного поля Республики Беларусь составляет динамика информационного воздействия его шести основных сегментов, в состав которых входят телевидение, радио, печатные СМИ, интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы), а также социальные медиа и мессенджеры. Ранее при проведении исследования национального информационного поля рассматривалась структура в количестве пяти сегментов [6], мессенджеры как структурно обособленный сегмент воспроизводства и распространения массовой информации не изучались. Учитывая возрастающую популярность мессенджеров как форм сетевой коммуникации и, в частности, структурно-содержательное оформление *Telegram*-каналов, в 2020 г. при проведении

эмпирического исследования медиaprостранства мессенджеры были определены полноценным сегментом национального медиaprостранства.

В октябре 2020 г. Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета было проведено социологическое исследование медиапотребления населения. Сбор эмпирической информации осуществлялся путем опроса лицом к лицу по национальной репрезентативной стратифицированной выборке. Объем выборочной совокупности составили 1000 респондентов в возрасте от 18 до 79 лет. Использовался метод случайного отбора по принципу ближайшего дня рождения проживающих в домохозяйстве. Согласно данным, при-

¹ *Telegram* в Беларуси: больше, чем мессенджер // *Mediakritika.by* : [сайт]. URL: <http://mediakritika.by/article/5569/telegram-v-belarusi-bolshe-chem-messendzher> (дата обращения: 05.02.2021).

² Самые популярные мессенджеры среди белорусов [Электронный ресурс] // Институт сацыялогіі. URL: <https://socio.basnet.by/samye-populyarnye-messendzhery-sredi-belorusov> (дата обращения: 05.02.2021).

веденным в табл. 1, наиболее востребованным каналом получения информации по общественно-политической тематике является интернет (сайты,

порталы) – 66,9 %. Второе место в структуре медиапотребления национальной аудитории занимает телевидение – 53,1 %.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какие источники Вы обычно используете,
если хотите получить информацию по проблемам?..», %

Table 1

Distribution of respondents' answers to the question:
«What sources do you usually use if you want to get information on problems?..», %

Источники информации	Сфера			
	Политика	Экономика	Культура	Экология
Газеты	22,8	21,7	19,2	18,9
Радио	7,5	6,1	7,5	5,3
Телевидение	53,1	50,8	53,6	48,6
Сайты, новостные порталы	66,9	64,4	60,3	59,7
Социальные сети	33,9	31,9	33,1	29,7
Мессенджеры	23,6	22,9	19,7	19,5

Показатели востребованности мессенджеров (23,6 %) как источников получения информации ниже, чем социальных сетей (33,9 %) (табл. 1). Вместе с тем достигаемые показатели включенности мессенджеров в структуру медиапотребления аудитории позволяют говорить о названных сетевых ресурсах как полноценных источниках массовой информации. Популяризация мессенджеров, по мнению И. И. Минчук, связана, с одной стороны, «с необходимостью следования редакциями СМИ новым стратегиям дистрибуции контента и установлению обратной связи с аудиторией» [4, с. 157]. С другой стороны, программы мгновенной доставки сообщений завоевали внимание пользователей интернета именно как инструмент межличностного общения и стали не только каналами коммуникации, но и медийными площадками [4, с. 158]. Первоначально оформившись как форма распространения информации, мессенджеры прошли эволюционный путь от коммуникации, дистрибуции к полноценному медийному ресурсу, который может генерировать собственный уникальный информационный контент.

В табл. 2 приведены показатели ответов респондентов в разрезе возрастных групп. К молодежной возрастной группе относятся респонденты в возрасте от 18 до 29 лет, к средней – от 30 до 44 лет, к старшим группам – от 45 до 59 лет и от 60 лет и старше. Традиционные СМИ (газеты, радио, телевидение) в наибольшей степени востребованы в условно старших возрастных группах. Молодые люди пользуются в основном сетевыми источниками

массовой информации. Большую часть аудитории мессенджеров составляют молодежная и средняя возрастные группы.

Указанная тенденция в целом отвечает основным трендам развития цифровизации, в рамках которых именно молодые люди чаще всего включены в пространство интернета, социальных медиа и сетевых каналов медиакоммуникации (мессенджеры). Быстрота распространения информации, инновационные технологии коммуникации и возможность самому быть не только потребителем, но и источником воспроизводства информационного контента обусловили востребованность сетевого сегмента национального информационного поля.

Определив место коммуникативного субъекта в структуре национального медиапотребления, следует обратиться к наиболее востребованным мессенджерам среди белорусской аудитории (табл. 3).

Так, согласно данным, приведенным в табл. 3, первое место среди медиапредпочтений аудитории белорусского интернета принадлежит *Viber* (63,3 %). Этот мессенджер представляет собой коммуникативно-обменную площадку корпоративного распространения информации. Второе место занимает *Telegram* (29,2 %), далее следует *WhatsApp* (20,6 %). При рассмотрении востребованности мессенджеров в разрезе возрастных групп условный разрыв между *Viber* и *Telegram* несколько сокращается за счет увеличения молодежной аудитории последнего. Необходимо обратить внимание на то, что у пользователей *Viber* не наблюдается существен-

ных эмпирических различий между младшей и средней возрастными группами. В то время как *Telegram* по мере увеличения возраста респондентов начинает терять свою аудиторию (табл. 4).

Мессенджеры, равно как и социальные медиа, оказывают воздействие на аудиторию, в частности на молодежь, ее поведенческие установки и инди-

видуальную повседневность. Необходимо добавить, что показатели влияния сетевых сегментов на формирование субъективной картины мира и личностной повседневности составляют в общей сумме 59 % (19,7 % респондентов выбрали ответ «Да, оказывает», 39,3 % – «Скорее оказывает»). Данные представлены в табл. 5.

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какие источники Вы обычно используете, если хотите получить информацию по проблемам политики?» (по возрастным группам), %**

Table 2

**Distribution of respondents' answers to the question:
«What sources do you usually use if you want to get information on political problems?» (by age groups), %**

Источники информации	Возрастная группа			
	18–29 лет	30–44 лет	45–59 лет	60 лет и старше
Газеты	4,9	13,3	22,9	43,9
Радио	1,6	4,8	10,4	11,2
Телевидение	14,8	35,2	66,7	82,7
Сайты, новостные порталы	85,2	82,9	68,8	36,7
Социальные сети	63,9	48,6	17,7	15,3
Мессенджеры	55,7	28,6	14,6	7,1

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какие мессенджеры Вы используете для поиска и обмена информацией?»**

Table 3

**Distribution of respondents' answers to the question:
«What messengers do you use to search and exchange information?»**

Вариант ответа	Частота ответа, %
<i>Viber</i>	63,3
<i>Telegram</i>	29,2
<i>WhatsApp</i>	20,6
<i>Skype</i>	7,8
<i>Facebook Messenger</i>	3,9
<i>ВКонтакте (VK)</i>	3,1
Не пользуюсь мессенджерами	8,3
Не пользуюсь интернетом	18,6

Таблица 4

**Показатели востребованности мессенджеров
в разрезе возрастных групп, %**

Table 4

**Indicators of the demand for instant messengers
by age groups, %**

Мессенджеры	Возрастная группа			
	18–29 лет	30–44 лет	45–59 лет	60 лет и старше
<i>Viber</i>	75,4	78,1	66,7	36,7
<i>Telegram</i>	57,4	34,3	24,0	11,2
<i>WhatsApp</i>	32,8	27,6	17,7	8,2
<i>Facebook Messenger</i>	4,9	4,8	6,3	1,2

Таблица 5

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Оказывает ли влияние получаемая из социальных медиа и мессенджеров
информация на Ваше поведение и поступки
в повседневной жизни?» (по возрастным группам), %**

Table 5

**Distribution of respondents' answers to the question:
«Does the information received from social media and instant messengers
have an impact on your behaviour and actions in every day life?» (by age group), %**

Вариант ответа	Возрастная группа			
	18–29 лет	30–44 лет	45–59 лет	60 лет и старше
Да, оказывает	19,7	12,4	8,3	8,2
Скорее оказывает	39,3	29,5	25,0	10,2
Скорее не оказывает	23,0	29,5	22,9	15,3
Не оказывает совсем	14,8	26,7	22,9	15,3
Нет ответа	3,2	–	–	–
Не пользуюсь интернетом	–	1,9	17,7	49,0
Нет ответа	–	–	3,2	2,0

Влияние мессенджеров и социальных медиа на поведенческие установки представителей средней и старших возрастных групп проявляется в меньшей степени по сравнению с представителями молодежной группы. Необходимо обратить внимание на то, что мессенджеры изначально не являлись источником воспроизводства массовой информации. Вместе с тем отмечается высокая степень их влияния на поведение и поступки людей в повседневной жизни.

Учитывая возрастающую популярность использования в качестве источника получения информации *Telegram*-каналов, которыми в большинстве случаев пользуется молодежь, представляется актуальным рассмотрение показателей практик медиа-

потребления указанного ресурса среди национальной аудитории.

Как отмечает Р. А. Зимарин, «важнейшей особенностью, отличающей от конкурентов, можно считать инструмент социально-сетевой коммуникации в формате публичных каналов. Такой способ позволяет автору или группе авторов (редакции) делиться информацией с неограниченным кругом лиц при одновременном сохранении анонимности всеми участниками взаимодействия» [7, с. 355]. В своем эвристическом и технико-функциональном содержании *Telegram*-каналы выступают, с одной стороны, в качестве классических мессенджеров, предназначенных для обмена информацией и ее дистрибуции, с другой – являются полноценным

субъектом воспроизводства информации, функционирующим по принципу классического блоггинга и имеющим при этом ряд преимуществ по сравнению с классическим онлайн-дневником.

К таким преимуществам *Telegram* перед социальными сетями А. А. Градюшко относит следующие особенности:

- отсутствие единой новостной ленты (все каналы работают обособленно на своих площадках, доступ к ним организован по подписке);
- демонстрация постов в хронологическом порядке, без учета алгоритмических лент социальных сетей;
- отсутствие лайков, репостов и комментариев (нет погони за их количеством, не тратится время на участие в дискуссиях);
- доступность постов гораздо большему проценту подписчиков;
- отсутствие понижения ссылок на сторонние сайты, что также характерно и для видео со случайных платформ;
- существование возможности настроить звуковые уведомления об обновлениях канала, что позволяет мгновенно узнавать информацию [1, с. 59–60].

Рассматривая преимущества *Telegram*-каналов перед *Facebook* и *Twitter*, Р. А. Зимарин выделяет «отсутствие алгоритмической ленты новостных

сообщений и видимой обратной связи, анонимность» [7, с. 355]. Как отмечает Я. В. Солдаткина, наиболее эффективной моделью формирования качественного информационного контента является публичный *Telegram*-канал, «в котором авторы публиковали тексты для теоретически неограниченной аудитории, при этом, в отличие от ленты социальных сетей, каждый канал был автономен, материалы в нем располагались в хронологическом порядке. Каналы большей частью были организованы по тематическому признаку, что облегчало их восприятие и распространение информации о них, – именно через разного рода тематические подборки пользователи знакомились с новыми каналами» [8, с. 326]. Указанные аспекты во многом обусловили востребованность данного мессенджера, который по своему назначению является и средством коммуникации, и каналом обмена информацией, и источником ее воспроизводства. При этом следует подчеркнуть, что в некоторых случаях функциональность его использования выгодно отличается от классических социальных сетей и иных интернет-ресурсов.

В табл. 6 приведены показатели количественной индивидуальной подписки пользователей *Telegram* на каналы, которые вызывают интерес у аудитории данного сегмента информационного поля.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«На какое количество каналов Вы подписаны в *Telegram*?»

Table 6

Distribution of respondents' answers to the question:
«What is the number of channels you are subscribed in *Telegram*?»

Вариант ответа	Частота ответа, %
От 1 до 10	23,9
От 11 до 30	7,8
От 31 до 50	1,4
Более 50	0,8
Не пользуюсь <i>Telegram</i> -каналами	46,9
Не пользуюсь интернетом	18,6
Нет ответа	0,6

Как правило, пользователи *Telegram* подписаны не менее чем на 10 каналов данной сетевой площадки, что свидетельствует о целевом использовании указанного информационно-коммуникативного ресурса. Данные, представленные в табл. 7, говорят о том, что наиболее востребованными являются *Telegram*-каналы новостной тематической направленности (29,4 %). Также пользуются популярностью авторские каналы, функционирующие по принципу личного блога (16,9 %), и политические

каналы (11,4 %). Указанная тенденция позволяет сделать вывод об использовании *Telegram* прежде всего как источника воспроизводства и распространения массовой информации. Коммуникация в данном случае имеет второстепенное значение, что подтверждается результатами, приведенными в табл. 8.

Получение информации (33,1 %) выступает основной целью использования *Telegram*-каналов. Указанное обстоятельство позволяет считать *Tele-*

gram, равно как и мессенджеры в целом, эффективным способом воспроизводства и распространения информации. Учитывая вышесказанное, включение мессенджеров в общую структуру национального информационного поля (см. табл. 1) представляется обоснованным, поскольку именно ориентация

на поиск информации является одной из основных мотивационных компонент использования указанных ресурсов.

В табл. 9 отражены преимущественные характеристики *Telegram* перед другими СМИ в восприятии населения.

Таблица 7

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Каналы какой тематической направленности
Вы предпочитаете читать в *Telegram*?»**

Table 7

**Distribution of respondents' answers to the question:
«What thematic channels do you prefer to read in *Telegram*?»**

Вариант ответа	Частота ответа, %
Новостные каналы	29,4
Авторские каналы (блогеры)	16,9
Политические каналы	11,4
Образовательные каналы	11,1
Развлекательные каналы	10,6
Каналы своих друзей, знакомых	6,9
Каналы с мемами	4,7
Корпоративные каналы (чаты)	3,9
Каналы-боты	2,8
Не пользуюсь <i>Telegram</i> -каналами	46,9
Не пользуюсь интернетом	18,6

Таблица 8

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«С какой целью Вы используете *Telegram*-каналы?»**

Table 8

**Distribution of respondents' answers to the question:
«With what purpose do you use *Telegram* channels?»**

Вариант ответа	Частота ответа, %
Получение информации	33,1
Личная переписка	21,9
Игры, развлечения	5,8
Нахождение в чате (до 10 человек)	5,8
Нахождение в чате (больше 10 человек)	5,0
Не пользуюсь <i>Telegram</i> -каналами	46,9
Не пользуюсь интернетом	18,7

Таблица 9

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какими преимуществами обладает *Telegram*
по сравнению с другими СМИ?»

Table 9

Distribution of respondents' answers to the question:
«What are the advantages of *Telegram* in comparison with other mass media?»

Вариант ответа	Частота ответа, %
Быстрота распространения информации	26,7
Доступность информации	21,4
Высокая степень приватности и конфиденциальности	18,3
Отсутствие цензуры и контроля	13,1
Удобный интерфейс	11,4
Обилие визуального контента (аудио, видео)	10,3
Возможность создания групповых чатов	6,7
Возможность самому стать источником воспроизводства массовой информации	6,4
Возможность бесплатного создания стикеров	2,5
Другое	1,1
Не пользуюсь <i>Telegram</i> -каналами	46,9
Не пользуюсь интернетом	18,6

Рассматривая преимущества *Telegram* как источника получения и распространения массовой информации по сравнению с иными сегментами национального информационного поля, респонденты отмечают две основополагающие особенности востребованности – быстроту распространения информации (26,7 %) и ее доступность (21,4 %). Немаловажное значение приобретает также вы-

сокая степень приватности и конфиденциальности (18,3 %), являющаяся своеобразным требованием пользователей *Telegram* к транслируемой информации. Указанные аспекты, согласно оценкам аудитории, выделяют данный информационный ресурс среди иных каналов воспроизводства информации, что частично объясняет его успех в плане завоевания аудитории в последнее время (см. табл. 9).

Заключение

Таким образом, рассмотрев показатели востребованности мессенджеров среди населения Республики Беларусь, необходимо сделать следующие выводы. В настоящее время мессенджеры являются полноценным сегментом национального информационного поля. В своем функциональном и эвристическом содержании они могут выступать одновременно как каналом коммуникации (личностное общение, обмен информацией), так и полноценным источником воспроизводства информационного контента. В последнее время среди мессенджеров выделяется *Telegram*, поскольку именно этот ресурс в наибольшей степени отражает амбивалентное содержание своего назначения и воздействия на аудиторию.

В структуре медиапотребления мессенджеры уступают социальным сетям, однако находятся выше традиционных СМИ (радио, газеты). Вместе с тем

выявленные в рамках массового опроса мотивы использования и преимущества перед другими сетевыми ресурсами позволяют заключить, что информационное влияние мессенджеров в дальнейшем будет увеличиваться. Технический функционал *Telegram*-каналов позволяет добиваться большего охвата аудитории за счет целенаправленной организации по тематическому признаку. Ориентация на поиск определенной информации, как и востребованность каналов новостной и общественно-политической проблематики, характеризует данный сетевой ресурс как информационный. Такое обстоятельство позволяет отнести, наряду с традиционными СМИ (радио, газеты, телевидение) и интернет-ресурсами (новостные порталы, социальные сети), *Telegram* и мессенджеры в целом к полноценным сегментам национального информационного поля.

Библиографические ссылки

1. Градюшко АА. Белорусские медиа в Telegram: стратегии распространения новостей. *Труды БГТУ. Серия 4. Принт и медиатехнологии*. 2020;2:58–64.
2. Быков ИА, Градюшко АА, Ибраева ГЖ, Турдубаева ЭО. Мессенджеры в профессиональной коммуникации журналистов и PR-специалистов в странах Евразийского экономического союза. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*. 2018;2:4–13.
3. Касперович-Рынкевич ОН. Интернет-коммуникация массмедиа в мессенджерах. В: Воробьев ВП, редактор. *Мультимедийная журналистика. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции; 1–2 марта 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Издательский центр БГУ; 2018. с. 218–220.
4. Минчук ИИ. Стратегии дистрибуции новостного контента в мессенджерах Viber и Telegram. В: Самусевич ВМ, редактор. *Рэгіянальныя СМІ Рэспублікі Беларусь у лічбавую эпоху: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі; 12–13 лютага 2019 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2019. с. 157–165.
5. Степанов ВА. Мессенджер Telegram в информационном пространстве Беларуси. В: Воробьев ВП, редактор. *Мультимедийная журналистика. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции; 1–2 марта 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Издательский центр БГУ; 2018. с. 240–245.
6. Посталовский АВ. *Национальное информационное поле в контексте вызовов и угроз современного мира: социологическое измерение*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2019. 236 с.
7. Зимарин РА. Альтернативные каналы коммуникации как новый тренд получения политической информации (на примере политических Telegram-каналов). *Социально-гуманитарные знания*. 2020;4:350–357. DOI: 10.34823/SGZ.2020.4.51426.
8. Солдаткина ЯВ. Проблемы сегментации контента в СМИ и новые возможности мобильных мессенджеров. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2018;23(3):323–330. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-3-323-330.

References

1. Hradziushka AA. Belarusian media in Telegram: news distribution strategies. *Trudy BGTU. Seriya 4. Print i mediatekhnologii*. 2020;2:58–64. Russian.
2. Bykov IA, Hradziushka AA, Ibrayeva GZh, Turdubaeva EO. Messengers in the professional communication of journalists and PR specialists in the countries of the Eurasian Economic Union. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*. 2018;2:4–13. Russian.
3. Kasperovich-Rynkevich ON. Internet communication of mass media in messengers. In: Vorobiev VP, editor. *Mul'timediinaya zhurnalistika. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 1–2 marta 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Multimedia journalism. Collection of scientific papers of the International scientific and practical conference; 2018 March 1–2; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University Publishing Center; 2018. p. 218–220. Russian.
4. Minchuk II. Strategies for distributing news content in Viber and Telegram messengers. In: Samusevich VM, editor. *Rjegijanal'nyja SMI Rjespubliki Belarus' u lichbavuju jepohu: stan, prablemy i perspektyvy. Matjeryjaly Rjespublikanskaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 12–13 ljutaga 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Regional mass media of the Republic of Belarus in the digital age: state, problems and prospects. Materials of the Republican scientific-practical conference; 2019 February 12–13; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 157–165. Russian.
5. Stepanov VA. Telegram messenger in the information space of Belarus. In: Vorobiev VP, editor. *Mul'timediinaya zhurnalistika. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 1–2 marta 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Multimedia journalism. Collection of scientific papers of the International scientific and practical conference; 2018 March 1–2; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University Publishing Center; 2018. p. 240–245. Russian.
6. Postalovsky AV. *Natsional'noe informatsionnoe pole v kontekste vyzovov i ugroz sovremennogo mira: sotsiologicheskoe izmerenie* [National information field in the context of challenges and threats of the modern world: sociological dimension]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2019. 236 p. Russian.
7. Zimarin RA. Alternative communication channels as a new trend in obtaining political information (using political Telegram channels as an example). *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2020;4:350–357. Russian. DOI: 10.34823/SGZ.2020.4.51426.
8. Soldatkina YV. Media content segmentation and some opportunities for mobile messengers. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2018;23(3):323–330. Russian. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-3-323-330.

Статья поступила в редакцию 15.02.2021.
Received by editorial board 15.02.2021.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

Евелькин Г. М. **Социальные процессы и национальная безопасность** : монография. Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2020. 364 с.

*Evelkin G. M. **Social processes and national security** : monograph. Minsk : Inst. of the National Security of the Rep. of Belarus, 2020. 364 p. Russian.*

Понимание, осмысление и оценка системных преобразований, происходящих в современных обществах, является фундаментальной проблемой, которую решают экономисты, политологи, философы, социологи. Исследователи стремятся достичь определенности по отношению к происходящим переменам, теоретико-методологической точности в изучении данных процессов, практической значимости своих выводов и рекомендаций. Последствия урбанизации, технологизации и цифровизации усилили динамику социальных процессов, повысили социальные риски и привели к существенным изменениям в жизни людей, сложившейся системе ценностей и смысловых установок, которые определяют жизненные стратегии и мировосприятие. Изменились повседневные практики, точки опоры для социальной и национальной самоидентификации, критерии оценки социального статуса. Усиление роли СМИ в современных обществах обеспечило информационную поддержку происходящих в мире изменений и событий и тем самым существенно повлияло на общественное сознание и сознание личности, что способствовало вариативности восприятия и интерпретации объективной действительности, стало основой формирования интересубъективного мира духовной культуры и конструирования социальной реальности. Вместе с тем общественное сознание и культура выступают фундаментом социально-экономического развития общества и государства, являются стратегическим ресурсом сохранения общечеловеческих и национальных ценностей.

Таким образом, изучение социальных процессов в ситуации инновационного развития, а также их влияния на общественное сознание вызывает особый интерес научной общественности, прежде всего социологов.

В связи с этим оказываются востребованными научные работы в области социальной инноватики, отражающие специфику протекания социальных процессов в период трансформаций и в условиях кризиса, а каждая новая книга становится значимым научным событием, открывающим читателям возможность понять особенности формирования общественного сознания и общественного мнения в ситуации перемен, сущность социальных конфликтов и кризисов, принципы социологического изучения состояния социальной сферы, социальных стереотипов и стандартов.

В контексте изучения обозначенных проблем недавно вышедшая монография доктора социологических наук, профессора Г. М. Евелькина – заметное явление в научной жизни нашей страны. Это первая в Республике Беларусь монография, в которой автор исследует социальные процессы и общественное сознание в условиях кризиса с учетом социальных и духовных последствий периода трансформаций, а за внешними поведенческими стратегиями пытается увидеть и показать читателям внутренние смыслы и мотивы выбора поведенческих стратегий в ситуации взаимодействия личности, общества и государства.

Особенность настоящей монографии заключается в том, что автором представлена широкая панорама моделей взаимоотношений личности, общества и государства, систематизированы понятия и исследовательские подходы к таким феноменам, как социальная ситуация, общество граждан, социальная сфера, социальный кризис, социальная напряженность, социальный порядок, социальная стабильность, с учетом тенденций сохранения или изменения общественного сознания малых и больших групп людей, а также условий формирования

повседневных практик, влияющих на отношения между людьми и определяющих жизненные стратегии и реальное поведение.

Представленная оригинальная концептуальная схема позволяет понять жизненные смыслы, мотивирующие индивида на принятие важнейших решений и осознанное переустройство собственной биографии, выбора адаптационных стратегий и участия в инновационных практиках.

Теоретико-методологической основой монографии выступают системно-деятельностный подход, концепция социологии жизни. Базисным понятием данной концепции является жизненный мир людей, включающий в себя такие структурные компоненты, как общественное сознание, поведение (деятельность) и объективные условия (микро-, макро- и мезомир). Каждый раздел монографии представляет собой целостную научную работу, содержащую глубокий анализ сложившихся в гуманитаристике – социологии, философии, политологии, культурологии и психологии – подходов к изучению социальных процессов и общественного сознания, социальных кризисов и его последствий, формирования антикризисного сознания, эффективной социальной мобилизации и продуктивной инновационной деятельности. Монография разделена на две логически связанные между собой части. Каждая из них представляет собой концептуальную разработку автора, раскрывающую сущность социальной ситуации и социальных процессов с учетом всей сложности происходящих в современном обществе преобразований.

В первом разделе «Социальные процессы и общественное сознание в условиях кризиса» проанализированы либеральная и диалектическая модели взаимодействия личности, общества и государства, определены системные компоненты и характеристики общества граждан, выявлены функции социальной сферы, показана роль духовной сферы как основы национального единства, определено значение вертикальных и горизонтальных общественных связей для обеспечения социального порядка и социальной стабильности как условия общественной безопасности. Большое внимание уделено анализу условий возникновения социальных кризисов, их классификации, а также таким феноменам, как стабилизационное сознание и доминирующая жизненная стратегия. Автор подчеркивает, что государство, общество граждан и личность образуют

единую социальную систему и взаимодействуют с учетом настоящих и перспективных интересов друг друга, тем самым обеспечивая консолидацию усилий по достижению национальных интересов и целей перспективного развития.

Во втором разделе «Социальные и духовные последствия кризиса» в фокусе внимания находятся процессы стагнации и ее социальные последствия, в числе которых автор выделяет аномию и фрустрацию, потребительство и товарный фетишизм, фантомное поведение и стратегию коротких жизненных проектов. Особое внимание уделяется анализу социальных конфликтов и агрессии, стихийных форм социального поведения. В качестве альтернативы кризисному сознанию и поведению в обществе, по мнению автора, выступает стабилизационное (позитивное) антикризисное сознание, ориентирующее на формирование и укрепление духовных основ, социально значимых целей и ценностей, нравственных норм и принципов, инновационности мышления, что является базисом социального порядка, перспективного саморазвития и социального прогресса.

Новая монография профессора Г. М. Евелькина представляет собой многовекторное научное исследование, ориентирующее на использование комплексного подхода к дальнейшему изучению закономерностей и тенденций развития социальных процессов, формирования общественного сознания с учетом множества социокультурных факторов. Результаты проведенного научного анализа могут служить теоретико-методологической базой социологических исследований обозначенного проблемного поля. Это позволяет рекомендовать ее научным работникам, аналитикам, преподавателям, студентам, магистрантам и аспирантам социологических, управленческих, философских и политологических специальностей. Следует отметить, что рецензируемое издание является логическим продолжением комплекса научных работ Г. М. Евелькина, посвященных социологическому изучению социальных процессов (в частности, монографии «Анализ и моделирование содержания документов различного происхождения (основы контент-анализа)» (Минск, 2019)), что обеспечивает дополнительное методическое сопровождение социологических исследований в обозначенном направлении.

*Е. Е. Кучко*¹

¹Елена Евгеньевна Кучко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Elena E. Kuchko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: avesol@yandex.ru

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

— — — — —

**Виктор Васильевич
КИРИЕНКО**

**Viktor Vasilievich
KIRIENKO**

— — — — —

Известному белорусскому ученому, доктору социологических наук, профессору Виктору Васильевичу Кириенко 25 февраля исполнилось 75 лет. Жизненный путь Виктора Васильевича во многом схож с судьбами миллионов наших граждан, детство которых выпало на трудный и в то же время необыкновенно счастливый послевоенный период. Дети победителей, воспитывавшиеся, как правило, в больших крестьянских семьях, рано начинали трудиться и всего добивались самостоятельно. Они доверчивы, человеколюбивы и отзывчивы, чутки к чужому горю. А еще они надежны, не предадут, живут с оптимизмом и верой.

Виктор Васильевич Кириенко родился в д. Ново-Николаевке Купинского района Новосибирской области (Россия). Он потомственный сибиряк, и это уже о многом говорит. Есть в его характере какая-то основательность, неторопливость суждений, справедливость в оценках. В. В. Кириенко работал в местном совхозе, срочную службу проходил в Группе советских войск в Германии. Без отрыва от производства окончил вечернюю школу рабочей молодежи, в 1968 г. – отделение философии исто-

рического факультета БГУ. С 1969 г. живет в Гомеле. На предприятии «Гомсельмаш» он прошел путь от ученика слесаря до заместителя секретаря партийного комитета. Уже почти два десятилетия Виктор Васильевич работает в Гомельском государственном техническом университете имени П. О. Сухого (был секретарем парткома, старшим преподавателем, доцентом, проректором по учебной работе). В 1990 г. В. В. Кириенко первым в Беларуси защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Виктор Васильевич создал в университете социологическую лабораторию, которая успешно работает до сих пор. Результатом научных изысканий В. В. Кириенко стала защита в 2007 г. докторской диссертации на тему «Менталитет современных белорусов (социологический анализ)» в Институте социологии НАН Беларуси (научный консультант – академик НАН Беларуси Е. М. Бабосов).

По инициативе Виктора Васильевича на базе Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого ежегодно проводится международная конференция «Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современ-

ность, перспективы». За большой личный вклад в изучение и популяризацию славянской культуры В. В. Кириенко награжден медалью «100 лет славянскому движению на землях Беларуси (1909–2009)» и юбилейной медалью Франтишека Палацкого (2008). Профессор В. В. Кириенко, для которого быть учителем – настоящее призвание, был награжден нагрудным знаком «Отличник образования».

Мы искренне поздравляем Вас, дорогой Виктор Васильевич, со славным юбилеем! Желаем, чтобы и дальше по жизни Вы шли так же уверенно и неторопливо, обстоятельно и примерно выполняя свой долг на Земле, неся людям добро, спокойствие и уверенность в завтрашнем дне!

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

**АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU**

УДК 316.77(075.8)

Сидорская И. В. Теория современной коммуникативистики [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 80 11 «Коммуникации» / И. В. Сидорская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 43 с. : табл. Библиогр.: с. 40–42, библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/255912>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 10.02.2021, № 001910022021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов специальности 1-23 80 11 «Коммуникации» вне зависимости от выбранного профиля (специализации).

Содержание ЭУМК предполагает изучение понятия и сущности человеческой коммуникации, структуры и принципов исследования и оптимизации коммуникации в различных контекстах, статуса теории коммуникации в системе современного знания и специфики ее становления, особенностей коммуникации в современном медиaprостранстве, медиатранзите как основном механизме коммуникационной кампании в медиатизированном обществе.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРСОНАЛИИ

Академику Е. М. Бабосову – 90 лет!	4
<i>Бабосов Е. М., Данилов А. Н.</i> «Я ввел для себя правило – ставить перед собой сверхзадачу...» (четыре беседы члена-корреспондента НАН Беларуси А. Н. Данилова с академиком НАН Беларуси Е. М. Бабосовым).....	6

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Енковский Л. Л.</i> Мировые линии и социальные сети	23
<i>Михайловский В. С.</i> Верификация неомарксистского концепта глобальной полупериферии (на примере роли миграционного фактора).....	38
<i>Мамедов А. К.</i> Цивилизационная бифуркация большого Ближнего Востока	46

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Титаренко Л. Г., Карапетян Р. В.</i> Цифровая трансформация трудовой сферы: сравнительный анализ показателей России и Беларуси	52
<i>Мудров С. А., Захаров Н. В.</i> Белорусская православная церковь на низовом уровне: организация, функционирование и роль православных братств и сестричеств в Беларуси	70
<i>Рязанова С. В.</i> Малая религиозная группа в городской среде: провал проекта бахаи	79

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Лашук И. В.</i> Ценностная трансформация современного белорусского общества (по результатам социологических исследований)	90
<i>Вишнякова М. В.</i> Состояние инфраструктуры территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС (в оценках населения и экспертов)	100
<i>Сизова И. Л., Орлова Н. С.</i> Противоречия и напряженности в занятости лиц старших возрастов в современной России	107
<i>Посталовский А. В.</i> Мессенджеры в структуре медиапредпочтений национальной аудитории	120

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Кучко Е. Е.</i> Социальные процессы и национальная безопасность.....	129

ЮБИЛЕИ

Виктор Васильевич Кириенко.....	131
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	133

CONTENTS

PERSONALIA

Academician E. M. Babosov is 90 years old!.....	4
<i>Babosov E. M, Danilov A. N.</i> «I have introduced a rule – to set myself a super task...» (four conversations between corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus A. N. Danilov and academician of the National Academy of Sciences of Belarus E. M. Babosov)	6

ARTICLES AND REPORTS

<i>Jenkowszky L. L.</i> Worldlines and social networks	23
<i>Mikhailouski V. S.</i> Verification of the neo-Marxist concept of global semi-periphery (on the example of the role of the migration factor).....	38
<i>Mamedov A. K.</i> Civilisational bifurcation of the great Middle East	46

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Titarenko L. G., Karapetyan R. V.</i> Digital transformation of the labour sphere: a comparative analysis of the indicators of Russia and Belarus.....	52
<i>Mudrov S. A., Zakharov N. V.</i> The Belarusian Orthodox Church at grassroots' level: the organisation, functioning and role of Orthodox brotherhoods and sisterhoods in Belarus.....	70
<i>Ryazanova S. V.</i> Small religious group in the urban environment: failure of the Bahai project	79

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Lashuk I. V.</i> Value transformation of modern Belarusian society (as results of sociological research)	90
<i>Vishniakova M. V.</i> The state of infrastructure of the territories affected by the Chernobyl accident (in review of population and experts)	100
<i>Sizova I. L., Orlova N. S.</i> Contradictions and tensions in the employment of older persons in modern Russia	107
<i>Postalovsky A. V.</i> Messengers in the structure of media preferences of the national audience	120

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Kuchko E. E.</i> Social processes and national security.....	129

JUBILEES

Viktor Vasilievich Kirienko	131
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	133

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 1. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *А. В. Агеева, С. Е. Богуш,
А. С. Люкевич, М. А. Подголина*
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректоры *Л. А. Меркуль, А. С. Горгун*

Подписано в печать 31.03.2021.

Тираж 125 экз. Заказ 122.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».

ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.

Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 1. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *A. V. Ahejeva, S. J. Bohush,
A. S. Lyukevich, M. A. Podgolina*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreaders *L. A. Merkul', A. S. Gorgun*

Signed print 31.03.2021.

Edition 125 copies. Order number 122.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».

License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.

17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021